

NJD-iScience

№159

The Norwegian Journal of Development of
the International Science

№159/2025

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Norwegian Journal of Development of the International Science, established in 2016 with support from the Norwegian Academy of Science, offers a platform for global researchers, academics, and students. Publishing 24 times annually, it covers current science topics. Submitting your article provides exposure to a diverse audience, enhancing your career. Our commitment to research and SEO ensures timely visibility. Submit to the Norwegian Journal of Development of the International Science today and join esteemed authors.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
- Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
- Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
- Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
- Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
- Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
- Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
- Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
- Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
- Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
- Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
- Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
- Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
- Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
- Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
- Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
- Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
- Chan Jiang (Peking University, China) and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@nor-ijournal.com

site: <https://nor-ijournal.com>

CONTENT

HISTORICAL SCIENCES

Ernazarov O.

THE HISTORY OF ISLAM IN JAPAN AND ITS DISTINCTIVE FEATURES	3
---	---

MEDICAL SCIENCES

Gariaieva I.

VULVAL SCLEROATROPHIC LICHEN: AN INNOVATIVE TREATMENT METHOD USING PHOTODYNAMIC THERAPY	7
---	---

Khabibyanov R., Skvortsov A., Maleev M.

DEVICE FOR THE TREATMENT OF UNSTABLE PELVIC RING FRACTURES WITH VERTICAL DISPLACEMENT ..	12
---	----

Khabibyanov R., Skvortsov A., Maleev M.

DEVICE FOR OSTEOSYNTHESIS OF MULTIPLE RIB FRACTURES	16
--	----

Skvortsov A., Baklanov A.,

Orlov I., Khabibyanov R., Maleev M.

A DEVICE FOR INSTALLING CLIPS OF THE TRANSVERSE ROD OF SPINAL IMPLANTS	21
---	----

Skvortsov A., Andreev P.,

Khabibyanov R., Maleev M.

DEVICE FOR OSTEOSYNTHESIS OF THE APOPHYSES OF THE INNER EPICONDYLE OF THE HUMERUS	25
--	----

PEDAGOGICAL SCIENCES

Aslanova G., Isgandarova R., Mammadova V.

THE CURRENT STATE OF THE USE OF MODERN MONITORING AND EVALUATION IN HIGHER EDUCATION	32
--	----

Khorokhordina O.

INTEGRATION AND ACTIVATION OF KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD IN A COURSE ON SPEAKING A FOREIGN LANGUAGE AT AN ADVANCED STAGE OF LEARNING	35
--	----

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Salmanova K.

AXIOLOGICAL ANALYSIS OF THE SYSTEM OF VALUE AND INDIVIDUAL CHOICE POSSIBILITIES	44
--	----

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Prisniakova L., Agapova I., Pashko A.

PSYCHOLOGICAL BARRIERS AND MOTIVES FOR THE FORMATION OF ENVIRONMENTALLY CONSCIOUS BEHAVIOR IN CONDITIONS OF URBANIZATION	48
--	----

SOCIAL SCIENCES

Atamanyuk S., Zhuravlev Y., Kyrychenko O.

MODERN FORMS OF INTELLECTUAL ACTIVITY IN PHYSICAL CULTURE, SPORTS AND SPORTS MANAGEMENT	57
---	----

Hossain K.

STATE'S CONSTITUTION FROM HUMAN RIGHTS PERSPECTIVE	62
---	----

TECHNICAL SCIENCES

Safarova T., Novruzova U., Abbasova G.

ASSESSMENT OF THE CONDITION OF AZERBAIJAN'S WATER RESOURCES AND THE POTENTIAL OF NEW FILTRATION MATERIALS	100
---	-----

HISTORICAL SCIENCES

THE HISTORY OF ISLAM IN JAPAN AND ITS DISTINCTIVE FEATURES

Ernazarov O.

PhD in History, Associate professor, UNESCO Chair on Religious Studies and Comparative Study of World Religions, International Islamic Academy of Uzbekistan
<https://doi.org/10.5281/zenodo.15754170>

Abstract

The article is dedicated to describe the history of Islam in Japan and cultural relations between the Japanese and Muslim peoples. The information of the article which is used to on this topic is represented on the basis of the medieval Muslim sources, Yuan dynasty's military reports, Ming dynasty's chronologies, Portuguese sources and contemporary Japanese literatures.

Keywords: Ibn Khordadbeh, "Lands of Waqwaq", Mongol invasions of Japan, Abdurrashid Ibrahim, Omar Yamaoka, The Kobe Mosque, "Greater Japan Muslim League", "Islamic Studies Boom"

Introduction. There are very few sources of information on Islam in Japan and Japanese-Muslim relations. Some information on the subject can be found out from medieval Muslim sources, reports on the Yuan dynasty's march to Japan, chronicles of the Ming period and modern literature on Japanese culture. Thus, in medieval historical Muslim sources, the name "Japan" first appears in the works of Muslim cartographer Ibn Khordadbeh. He twice mentions the name "Japan" in his work as "Lands of Waqwaq": "East of China are the lands of Waqwaq, which are so rich in gold that the inhabitants make the chains for their dogs and the collars for their monkeys of this metal. They manufacture tunics woven with gold. Excellent ebony wood is found there. Gold and ebony are exported from Waqwaq" (Lunde, 2005, p. 27). Mahmud Kashgari's 11th century atlas indicates the land routes of the Silk Road and Japan in the map's easternmost extent (Atalay, 1940, p. 30).

Material and methods. The methods of comparative-historical, typological, hermeneutic and complex analysis of the literature were used to study the spread of Islam and the formation of Muslim communities in Japan.

Results. Information on the history of Islam in Japan can be found in the report on the Yuan¹ dynasty's march to Japan. According to the report, among the members of Kublai Khan's government, his most trusted deputies and advisers have been appointed

representatives of various nationalities, especially Hui², Semu³, Koreans and Chinese. When it became known that the Song dynasty⁴ was supported by pirates, Kublai Khan launched military operations against Japan. The Koryo government sent a infantry and navy troops to help the Mongol army. Despite the protests of Confucian priests, Kublai Khan began to invade Japan, Burma, Vietnam and Java. He also tried to capture remote areas like Sakhalin. Eventually, after his death, in 1308, the local population came under the rule of the Mongol colonizers (Walker, 2001, p. 133).

Discussion. The history of Islam in Japan in the Middle Ages is also found in sources from the Ming⁵ period. It can be concluded from the data in them that in the example of Muslims in China in the Middle Ages there were to some extent cultural ties between Muslim and Japanese peoples. During the 14th century Hongwu Emperor of the Ming dynasty made Ryukyu Kingdom a tributary vassal and ethnic Chinese settlers consolidated the islands for their ruler in Nanjing. During that period there was contact between the Hui, general Lan Yu of the Ming dynasty and the swordsmiths of Japan. According to Chinese sources Lan Yu owned 10,000 Katana, Hongwu Emperor was displeased with the general's links with Kyoto and more than 15,000 people were implicated for alleged treason and executed, including the general himself; his clan was faced with a genocidal punishment of nine familial exterminations. By the 15th century Yongle Emperor's

¹ The Yuan Dynasty was founded by the Mongols during the Kublai Khan period and ruled China from 1279 to 1368. Then in 1368 the Ming dynasty came to power in China.

² The Hui people are an East Asian ethnoreligious group predominantly composed of Chinese speaking adherents of Islam distributed throughout China, mainly in the northwestern provinces of the country and the Zhongyuan region. According to the 2011 census, China is home to approximately 10.5 million Hui people, the majority of whom are Chinese-speaking practitioners of Islam, though some may practise other religions. The 110,000 Dungan people of Kazakhstan and Kyrgyzstan are also considered part of the Hui ethnicity.

³ Semu is the name of a caste established by the Yuan dynasty. The Semu categories refers to people who come from Central and West Asia, it is told that there are 31 categories

among them. They had come to serve the Yuan dynasty by enfranchising under the dominant Mongol caste.

⁴ The Song dynasty was an imperial dynasty of China that began in 960 and lasted until 1279. The dynasty was founded by Emperor Taizu of Song following his usurpation of the throne of the Later Zhou, ending the Five Dynasties and Ten Kingdoms period. The Song often came into conflict with the contemporaneous Liao, Western Xia and Jin dynasties to its north. It was eventually conquered by the Mongol-led Yuan dynasty.

⁵ The Ming dynasty officially the Great Ming, was the ruling dynasty of China from 1368 to 1644 following the collapse of the Mongol-led Yuan dynasty. The Ming dynasty was the last imperial dynasty of China ruled by Han Chinese.

ethnic Hui admiral Zheng He's fleets reached Ryukyu Kingdom attempting to consolidate once more the grip of the Ming dynasty over the Japanese islands between 1416 and 1419 (*Needham, Ronan, 1986, p. 132*).

In medieval European records, information about the relationship between Muslims and Japan was also maintained by Portuguese sailors. According to the record, a Muslim who set out on a journey to spread Islam to the Japanese people sailed on a Portuguese ship to the islands of Malacca (an ancient city-state on the Malay Peninsula) in 1555.

The date of the first entry of Muslims into Japan, according to information found in Japanese on the history of Islam, dates back to the beginning of the XVIII century. In general, the history of Islam in Japan is short in time but rich in content, and the first Muslim communities in the country consisted of Indian and Malay Muslim sailors who came to Yokohama and Kobe to work under Meiji (1868-1890). In this regard, experts note that the establishment of relations between the Japanese and Muslim peoples will cover the near future. In particular, according to Hans Martin Krämer, the first acquaintance of the Japanese with Islam dates back to 1715. At that time, Japanese Arai Hakuseki provided the first information about Islam to his compatriots through his work "Tidings from the West" (*Krämer, 2014, p. 621*). Hakuseki's book was unfortunately coloured by the perceptions of an Italian priest who had illegally entered Japan (*Gruber, C. J., Shalem, A., 2014, p. 302*).

In addition, the translation into Japanese of the life of Muhammad (1697), written by Humphrey Prideaux and full of controversial issues, added to the seriousness of these negative attitudes (*Krämer, 2014, p. 621*). After that, until 1899, there were no works in Japanese that provided information about Islam. Between 1899 and 1905, Sakamoto Ken'ichi, a Japanese scholar, wrote a biography of Islam based on European stereotypes and Muslim beliefs, followed by a monograph on the Qur'an in 1918. In turn, although he translated the Qur'an into Japanese in 1920, he made several mistakes in clarifying the content of the religion because the translation was based on European sources that were critical of Islam. Ken'ichi also, rather unusually, changed the meanings of some words from the book in order to fit Japanese cultural norms, such as translating the Arabic term for "rabb" (or "lord") into jo-tei 上帝 ("Emperor"). The word Kami (神; meaning God) is also used to refer to "Allah" (*Krämer, 2014, p. 621*).

When it comes to the spread of Islam in the land of the rising sun, relations between Japan and Turkey in the last two centuries is given special consideration. Because Japan's first diplomatic relations with Muslim countries took place in the late 19th century through Turkey. At that time, a Turkish naval ship ("Eltugrul Firkateini") loaded with gifts sent to the Emperor of Japan by the Ottoman Sultan Abdulhamid II arrived in September 1890. On its way back, the ship crashed into rocks in Wakayama Prefecture as a result of a strong storm. Not a single sailor survived the tragedy, with the 533—600 strong crew all having drowned. Since then, the Turkish and Japanese sides have held various

commemorative events every year to commemorate the victims of the disaster. In particular, on the occasion of the 125th anniversary of this tragedy, in 2015, another Turkish warship (Salih Reis) was sent to Japan symbolically in memory of Eltugrul Firkateini. In this regard, it can be said that this tragedy has become a "unique tool" for the strengthening of friendly relations between Japan and Turkey.

In the twentieth century, the history of Japanese-Muslim relations has been enriched by many significant events. First, it was important that the Japanese government expanded its relations with Muslim countries. Second, before World War II, Japan's financial support for the anti-government uprisings of the Muslim population in China and the former Soviet Union led to the influx of a group of Muslims (mostly Tatars) into the country. However, the "attempts" of the Japanese government to support the Muslim peoples of the above two countries actually ended tragically for the Muslims of the country. For example, in the 1920s and 1930s, the former Soviet Union pursued a "policy of repression". In turn, a major Muslim-led uprising in Xinjiang (Xinjiang, China) in 1937 was violently suppressed by the government. However, even during the height of World War II, Japan continued this policy, presenting itself as the "savior" of the Muslims (*Piscatori, 1986, p. 32*). In addition, after the 1943 parliamentary session, the Japanese government decided to "include certain groups of Muslims affected by the Anglo-American aggression in order to support them and provide them with political and cultural support" [15]. In 1945, after Japan was declared defeated in the war, US's report was published. It was stated that the creation of conditions for the acceptance of Muslims in their countries by influential people of Japanese descent during the war was to gain the trust of the Islamic world and to be used for political purposes. However, despite this report, representatives of post-war Japanese political circles expressed confidence that the Japanese people would not clash with the traditional religion of Shinto and Islam on any front, even in matters of faith (*Piscatori, 1986, p. 32*).

Consequently, the interaction of the Japanese people with the population of the neighboring Muslim countries in certain directions has led to an increase in the number of converts to Islam among them. For example, Kotaro Yamaoka was the first Japanese Muslim to perform Hajj during this period. After meeting the Tatar-Russian writer Abdurrashid Ibrahim, he converted to Islam in Bombay in 1909 and changed his name to Umar Yamaoka (*Ernazarov, 2020*).

Another Japanese convert to Islam during this period was Bunpachiro Ariga, who went to India for commercial purposes in the early twentieth century, converted to Islam under the influence of local Muslims there, and later changed his name to Ahmad Ariga. Another Japanese Yamada Toajiro converted to Islam and changed his name to Abdul Khalil during his twenty years as a merchant and unofficial ambassador in Constantinople from 1892 onwards (*Yamada, 1911, p. 30*).

As a result of the October Revolution, several hundred Turkic-Tatar Muslims from Central Asia and Russia were granted asylum after their entry into Japan, and small Muslim communities were formed as Muslims gradually settled in major cities. According to Japanese sources, their number in 1938 was about 600 people. As these Muslims interacted with the local population in various ways, some Japanese also converted to Islam.

In 1935, the Kobe Mosque was built with the help of a group of Turkish-Tatar merchants in Japan. The Tokyo Mosque, scheduled to be built in 1908, was completed in 1938 with the general financial support of the Muslims. Abdurrashid Ibrahim (1857-1944) who returned to Japan in 1938 and Abdulhay Kurbanali (1889-1972) were the first to work as imams in this mosque.

Japanese-Muslim relations before the Second World War consisted of many remarkable realities can be seen in the fact that the Japanese imperial government tried to formally strengthen the existing relations with the Muslim world. In particular, the Greater Japan Muslim League, founded in 1930 is the first official Islamic organization in Japan. Also in the 1920s, a "Muslim pact" was signed by people close to the emperor to guarantee the spread of Islam in Japan. Tsuyoshi Inukai (later the Prime Minister of Japan), Ryohei Uchida (a close confidant of the emperor) and Mitsuru Toyama (a prominent politician in Japanese politics) were noted signatories. Abdurrashid Ibrahim was represented by Muslims in signing the pact. As a practical expression of this pact, on October 2, 1927, the "Tokyo Muslim School" began its activity in a three-room building in the Okubo district of the capital of Japan (*Эрназаров, 2017*). Of course, such a historical event, which took place in the short history of Islam in Japan, has made a spiritual change in the lives of a small number of Muslims of all ages there.

After the Second World War, there were some shifts in the history of Japanese-Muslim cultures. This can be seen in the fact that after the oil crisis of 1973, there was another "wave of interest in Islam". As it became known that the Middle East and its vast oil reserves were important to the Japanese economy, it prompted the Japanese media to spread widespread information about the Muslim world.

During World War II, the occupation of some areas in China and Southeast Asian countries by the Japanese military led them to make contact with Muslims. Those who converted to Islam through them returned to Japan and established in 1953 the first Japanese Muslim organisation, the "Japan Muslim Association", which was officially granted recognition as a religious organization by the Japanese government in June 1968. While the number of members of this organization was 65 in the first period, in 1959, when Sadiq Imaizumi died, the number of its members doubled.

Omar Mita, the second president of the association, converted to Islam in one of the countries occupied by the Japanese Empire. Prior to becoming a Muslim, he worked for Manshu Railway, a Japanese government-controlled company in China's northeastern province. He became a Muslim in Beijing

as a result of his contact with Chinese Muslims. Omar Mita returned to Japan after the end of the war and later made the pilgrimage, becoming the first Japanese Muslim pilgrim in the post-war period. He also made the first translations of the Qur'an into Japanese (*Anis, 1998, p. 329*).

As a result of these events, by 1982 the number of Muslims in Japan was estimated at 30,000 (half of whom were indigenous Japanese Muslims). The reason for the increase in the number of Muslims was due to the fact that during the economic crisis of the 80s, Muslims made up a significant part of the population who migrated to Japan to earn money from Southeast Asian countries. The marriage of Muslim men to local Japanese women during their labor activities in Japan has led to an increase in the number of adherents of Islam. Some sources state that the number of Muslims in Japan in the late twentieth and early twenty-first centuries was about 100,000 (*Farah, 1987, p. 58*). In fact, it is still controversial to show the exact number of Muslims in Japan. Serious research on this issue has been carried out by Japanese scientists Hiroshi Kojima (National Institute for Population and Social Security Research) and Keiko Sakurai (Waseda University). Their estimates suggest a Muslim population of around 70,000, of which perhaps 90% are resident foreigners and about 10% native Japanese. In general, the lack of a clear figure on the followers of Islam is not unique to Muslims. Japanese government did not organize the registration of members of religious organizations because it was a matter of freedom of conscience. As Michael Penn states, "the Japanese government does not keep any statistics on the number of Muslims in Japan. Neither foreign residents nor ethnic Japanese are ever asked about their religion by official government agencies" (*Penn, 2006*).

Conclusion. In short, the history of Islam in Japan is short in period but rich in content. According to relevant sources, the relations between the Japanese and Muslim peoples date back to the 11th century and have been developing steadily since the 19th century. Muslims in Japan have established very warm relations with the local population. At the same time, economic, cultural and scientific ties with Muslim countries play an important role in Japan's foreign policy. In particular, the Great Japanese Muslim League, formed during World War II with the support of government officials, sparked a "wave of Islamic studies" in Japan. During this time, more than a hundred books and magazines on Islam were published in Japan. The main purpose of this organization was to explain to the Japanese armed forces and intellectuals about the Islamic world. As a result, since the beginning of the twentieth century, relations have been established between Japanese and Islamic research institutes.

Acknowledgement. We thank the experts of the Institute of Oriental Studies named after Abu Rayhan Beruni of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, who provided valuable information on the history of Islam in Japan in the preparation of this article.

References:

1. Atalay, B. (1940). *Divânu Lügati't-Türk Ter-cumesi*. Ankara, vol. I.
2. Eskin O. Vestre. Japan as an Emerging Multicultural Society Exploring Contemporary Minority Issues Through the Case of Muslim Immigrants // Master's Thesis (60 credits), East Asian Studies; Department of Culture Studies and Oriental Languages; Faculty of Humanities. The University Of Oslo, (May 18th, 2011). – P. 47-51.
3. Ernazarov, O. (2020). ISSUES OF KNOWING THE INFLUENCE OF SYNCRETIC APPROACHES IN THE STUDY OF WORLD RELIGIONS (ON THE EXAMPLE OF JAPANESE MUSLIMS). InterConf.
4. Farah, C. E. (1987). Islam: Beliefs and observations.
5. Krämer, H. M. (2014). Pan-Asianism's Religious Undercurrents: The Reception of Islam and Translation of the Qur'ān in Twentieth-Century Japan. *The Journal of Asian Studies*, 73(3), 619-640.
6. Penn, M. (2006). Islam in Japan: Adversity and Diversity. *Harvard Asia Quarterly*, 10(1).
7. Mark Juergensmeyer; Wade Clark Roof. *Encyclopedia of Global Religion*. – USA: SAGE Publications, 2012. – P. 1291.
8. Needham, J., & Ronan, C. A. (1986). *The Shorter Science and Civilisation in China: Volume 3 (Vol.3)*. Cambridge University Press.
9. Piscatori, J. P. (1986). *International relations of the Asian Muslim states (Vol. 2)*. University Press of America.
10. Walker, B. L. (2001). *The conquest of Ainu lands: Ecology and culture in Japanese expansion, 1590-1800*. Univ of California Press.
11. Lunde, P. (2005). The seas of Sindbad. *Saudi Aramco World*, 56 (4), 20-29.
12. Эрнazarов, О. (2017). Десять лет деятельности мусульманской школы Токио (1927-1937). *Россия и мусульманский мир*, (11 (305)).
13. Gruber, C. J., & Shalem, A. (Eds.). (2014). *The image of the Prophet between ideal and ideology: A scholarly investigation*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG.
14. Anis, B. (1998). The emergence of Islam and the status of Muslim minority in Japan. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 18(2), 329-345.

MEDICAL SCIENCES

VULVAL SCLEROATROPHIC LICHEN: AN INNOVATIVE TREATMENT METHOD USING PHOTODYNAMIC THERAPY

Gariaieva I.

*National University healthcare of Ukraine
named after P.L. Shupryk
Kyiv, Ukraine*

СКЛЕРОАТРОФІЧНИЙ ЛІХЕН ВУЛЬВИ: ІННОВАЦІЙНИЙ МЕТОД ЛІКУВАННЯ ЗА ДОПОМОГОЮ ФОТОДИНАМІЧНОЇ ТЕРАПІЇ

Гаряєва І.А.

*Національний Університет охорони здоров'я України
імені П.Л. Шуприка
м. Київ, Україна*

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15754172>

Abstract

The problem of scleroatrophic lichen of the vulva is extremely urgent and requires the development of a modern innovative methodology for the treatment of the disease.

Among scientists, there is no single solution regarding specific methods of long-term treatment of the disease, since its very frequent consequence is the appearance of keloid scars, which can cause disability of the patient. A study of European medical treatment protocols shows that the process mainly involves a reduction in the symptoms of the disease and there is practically no long-term remission.

Studies of the treatment of the disease in the early stages using the innovative method of photodynamic therapy provide an opportunity to verify the high effectiveness of the method, the advantage of which is that the treatment is well tolerated by patients, reduces itching, dryness, and significantly improves the structure of the mucosa. The use of photodynamic therapy is an effective method of treating moderate to severe stages of lichen sclerosis of the vulva.

Анотація

Проблема склероатрофічного ліхену вульви є надзвичайно актуальною та вимагає розробки сучасної інноваційної методології лікування захворювання.

Серед науковців відсутнє єдине рішення щодо конкретних методів тривалого лікування хвороби, оскільки дуже частим її наслідком є поява келоїдних рубців, що може спричинити інвалідність пацієнта. Вивчення європейських медичних протоколів лікування показує, що в процесі відбувається, головним чином, зменшення симптомів захворювання та практично є відсутньою довготривала ремісія.

Дослідження лікування захворювання на ранніх стадіях за інноваційною методикою фотодинамічної терапії надають можливість переконатися у високорезультативності методу, перевагою якого є те, що лікування добре переноситься пацієнтами, зменшує свербіж, сухість та суттєво покращує структуру слизової. Застосування фотодинамічної терапії є ефективним методом лікування помірних та важких стадій склероатрофічного ліхену вульви.

Keywords: scleroatrophic lichen of the vulva, photodynamic therapy, innovative treatment methodologies.

Ключові слова: склероатрофічний ліхен вульви, фотодинамічна терапія, інноваційні методології лікування.

Склероатрофічний ліхен вульви (СЛВ) (lichen sclerosus et atrophicus - VLS) відноситься до типу повільно прогресуючих захворювань хронічного типу, що вражає зовнішні статеві органи людини та має виражену вогнищеву атрофію. Статистичні дані показують, що найчастіше захворювання спостерігається у дітей та жінок репродуктивного та менопаузного віку [4, 10].

Особливості патогенезу VLS зумовлюють певні діагностичні та лікувальні складності. Незважаючи на спроби вчених усього світу використовувати різні методи лікування даного захворювання,

усі вони зазвичай носять тимчасовий терапевтичний характер, а головним недоліком є короткий час ремісії.

Світова поширеність склероатрофічного ліхену вульви коливається від 0,1% до 1,67% [6]. Точна поширеність хвороби не була встановлена та, ймовірно, недооцінена, особливо у молодих жінок [1,3,10]. Дослідження виявили бімодальний початок захворювання, тобто у дітей препубертатного віку та жінок у постменопаузі [7]. Однак, останні дослідження показують, що VLS також може впливати на деякі інші вікові групи [3, 5]. За рівнем захворюваності переважають жінки похилого віку

(3%), у той час як склеротичний лишай уражає близько 0,07 % чоловіків [2,6,8]. Співвідношення чоловіків і жінок коливається від 1:3 до 1:10 та дуже рідко спостерігається рівний розподіл [8, 12].

Дослідження свідчать про багатофакторне походження етіології, наприклад аутоімунні механізми, генетична схильність, асоціація з вірусними захворюваннями, травма, хронічне подразнення та ендокринні розлади [5, 9-11]. Припускають, що це пов'язано з генетичними, екологічними або гормональними факторами [12-13]. Існує наукове припущення, що це може бути пов'язано з інфекційними агентами, включаючи вірус папіломи людини, *Borrelia burgdorferi* (хвороба Лайма) або вірус Епштейна-Барра [11, 14, 15]. Серед безлічі патогенних факторів, згаданих у літературі, найбільш ймовірним фактором, що викликає VLS є аутоімунологічний та генетичний. Ця гіпотеза підтверджується більш частою появою тканин специфічних антитіл, співіснуванням VLS з іншими аутоімунологічними захворюваннями, зокрема аутоімунними захворюваннями щитоподібної залози та вітіліго, а також асоціаціями з антигеном DQ7 класу II HLA [13 - 15]. Аутоімунні механізми можуть відігравати певну роль у спричиненні VLS, оскільки він часто виникає разом з іншими аутоімунними захворюваннями, такими як аутоімунний тиреоїдит, гніздова алопеція, вітіліго та перніціозна анемія. Крім того, було виявлено, що більшість пацієнтів з VLS мають циркулюючі аутоантитіла [9, 12].

Можливим поясненням походження склероатрофічного ліхену є зниження рівня ферменту 5 α -редуктази у вульві. Пацієнти з VLS без лікування мали значно вищі рівні вільного тестостерону та значно нижчі рівні дигідротестостерону та андростендіону порівняно з типовими значеннями для їхнього віку [7, 9]. Крім того, встановлено, що VLS має менше ядерних рецепторів андрогенів; встановлено, що запущена стадія VLS має менше рецепторів андрогенів, ніж ранній етап захворювання [11 - 15]. Втрата експресії андрогенних рецепторів (понижена регуляція) у VLS може бути вторинною, результатом зміни плоскоклітинного фенотипу, а не гормональної етіології [8 - 10].

Зміна вагінальної на генітальну вульву у здорової жінки характеризується збільшенням рецепторів андрогенів і зниженням рецепторів естрогену та прогестерону. У пацієнтів з VLS встановлена нижча експресія андрогенних рецепторів вульви [3 - 5]. Останні дослідження показують, що оральні контрацептиви з антиандрогенними властивостями, можуть порушити андроген-залежний ріст шкіри вульви, тим самим спричиняючи ранній початок VLS у меншості чутливих молодих жінок [2 - 4].

Діагностика ранніх стадій VLS наглядно демонструє, що існують чітко обмежені тонкі блискучі ділянки білого кольору слонов'ячої кістки, які зазвичай розташовані на малих статевих губах, вагінальному вході та вилці. Підвищена схильність до ламкості та ураження - характерні ознаки VLS - призводять до розвитку ерозій, тріщин, пурпури і

петехій. Особливо часто тріщини виникають між клітором і уретрою, в міжгубних борознах і в основі заднього проходу. Крім того, ці ураження часто виникають під час статевого акту або як наслідок некомпетентного агресивного гінекологічного огляду. З часом можуть з'явитися пізні ускладнення, внаслідок розвитку атрофічних змін і рубцевих змін. Шкірно-слизові ураження супроводжуються сверблячкою, яка особливо сильна вночі і тому погіршує якість сну, а також інтенсивним болем, диспареунією або навіть апареунією та ускладненим відтоком сечі. Крім того, при ураженні перианальної області, що трапляється приблизно у однієї третини жінок, можуть виникнути проблеми з дефекацією [10-12]. Ризик розвитку плоскоклітинної карциноми вульви (SCC) при VLS становить 0,2% - 3,9%. Фактори, що сприяють цьому ризику, включають вік, наявність інтраепітеліальної неоплазії вульви, тривалий анамнез VLS, пізню діагностику VLS і лише часткову комплаєнтність щодо застосування місцевого лікування [14].

VLS викликає хронічний свербіж і біль у вагінальній області та області навколо заднього проходу. Рубці після запалення можуть завдати серйозної шкоди, викликаючи закладення клітора у жінок і дівчат, зрощення статевих губ і звуження отвору піхви. Важливими є ранні діагностика та лікування, а також постійне спостереження за перебігом захворювання, оскільки VLS здатний призводити до утворення важко виліковних рубців, функціональних порушень та злоякісної еволюції [14 - 15]. Спонтанні ремісії відбуваються вкрай рідко [15]. Раннє втручання та відповідне лікування можуть запобігти довгостроковим важким наслідкам захворювання - анатомічній деградації та розвитку плоскоклітинної карциноми (SCC) [11, 15].

Слід зазначити, що певний відсоток захворювання протікає безсимптомно (15-40%), а фактична поширеність VLS невідома [5, 10]. Попередні дослідження показали, що VLS є рідкісним захворюванням, яке вражає 1 з 300-1000 жінок [14]; тим не менш, новітні дослідження вказують на більшу частоту (1 з 60) [12], і потенційно вона може досягати 1 з 30 у літніх пацієнток [7]. Відповідно до дослідження, проведеного в Сполучених Штатах Америки з 2020 по 2023 рік, VLS мав поширеність, розраховану на основі зареєстрованих випадків - 0,05%, що нижче, ніж повідомлялося раніше, і свідчить про значний показник недостатньої діагностики [13]. Незважаючи на те, що VLS вражає жінок будь-якого віку, пік його поширеності припадає на два різні вікові періоди: дівчата в препубертатному віці (1 з 900) і жінки в пери- або постменопаузі (тобто після менопаузи) [14 - 15]. Такі вікові характеристики свідчать про те, що гіпоестрогенія має певний вплив на розвиток VLS [5].

Аналіз світових досліджень та публікацій свідчить про те, що проблема не може бути вирішена самостійно і потребує розробки новітньої методології лікування. Серед науковців відсутнє єдине рішення щодо конкретних методів тривалого ліку-

вання захворювання [6 - 8]. Відмічається, що існуючі протоколи лікування є незадовільними, оскільки дуже частим наслідком хвороби є розвиток келоїдних рубців, що може спричинити інвалідність людини, незважаючи на лікування. Згідно з тією ж оцінкою, лікування головним чином зосереджено на зменшенні симптомів, а проактивне лікування може розглядатися для підтримки ремісії у випадках активної стадії захворювання [9].

Поступова дегенерація, яка визначає клінічне прогресування VLS, може призвести до аномальної зміни стандартної структури аногенітальної області. Про запальну природу захворювання свідчить підвищена експресія IFN- γ , TNF- α та IL1 α та значна реструктуризація розташування фібриліну, колагену та еластину в ураженій тканині [5 - 7]. Застосування стандартного лікування ефективно покращує первинні симптоми. Однак спостерігається тривале збереження анатомічних пошкоджень, таких як атрофія та рубці [5 - 9].

Враховуючи вищенаведену інформацію, слід зазначити, що пацієнти з VLS становлять групу ризику злоякісної трансформації. У популяційному дослідженні з оцінкою злоякісного потенціалу VLS було виявлено 812 випадків раку серед 7616 пацієнтів протягом періоду спостереження (Стандартизоване співвідношення захворюваності [SIR]: 1,13, - 95% CI 1,05 - 1,21). При цьому, що VLS був пов'язаний із підвищеним ризиком раку вульви (182 випадки, SIR: 33,6, 95% CI 28,9 - 38,6) і раку піхви (4 випадки, SIR: 3,69, 95% CI 1,01 - 9,44) [5 - 9].

Місцеві кортикостероїди (TCS) знайшли широке застосування при лікуванні VLS [7 - 8]. Інгібітори кальциневрину (TCI), такролімус і пімекролімус, є препаратами другої лінії, які менш ефективні, ніж клобетазолу пропіонат, у лікуванні VLS [4]. Інші методи лікування VLS включають циклоспорин, фототерапію (вужкосмуговий UVB, UVA1) і фотохіміотерапію (PUVA), пероральні ретиноїди та метотрексат [-3]. Крім того, у пацієнтів з ураженнями, резистентними до TCS, обнадійливі результати були отримані після використання стовбурових клітин жирової тканини та збагаченої тромбоцитами плазми [8].

Було проведено наукові дослідження, що охоплювало 102 пацієнтки віком 19–85 років, які мали справу з VLS протягом 1–29 років, були включені до фотодинамічної терапії (ФДТ) із застосуванням 5% 5-АЛК у формі гелю в поєднанні з 2% диметилсульфоксидом (ДМСО). Гель наносили на вульву, а через 3 години уражені ділянки опромінювали галогенною лампою, яка випромінювала світло в діапазоні 590–760 нм з щільністю потужності 204 мВт/см², дозою 120 Дж/см² під час 10-хвилинного опромінювання. ФДТ застосовували один раз на тиждень протягом десяти тижнів. За результатами досліджень через три місяці 87,3% пацієнтів досягли повної або часткової ремісії. Найзначнішою вульвоскопічною відповіддю було зменшення субепітеліальних екхімозів і телеангіектазій (78,9%) і зменшення ерозій і тріщин (70,9%). Част-

кова ремісія ліхеніфікації з гіперкератозом відзначена в 51,6% випадків. Найменш сприятливі результати спостерігалася у випадку атрофічних уражень (37,4% випадків) [12]. В інших обсерваційних дослідженнях оцінювали ефективність метиламінолевуліату ФДТ (MAL-PDT) для встановлення терапевтичного алгоритму на основі тяжкості захворювання для 33 пацієнтів із VLS. Після ретельного обстеження уражень дев'ять пацієнтів пройшли MAL-PDT, що призвело до повного зникнення уражень у всіх пацієнтів.

Проведені дослідження надають змогу стверджувати, що для лікування важких стадій VLS MAL-PDT виявилася найефективнішим методом лікування [13].

Доказовий протокол лікування методом фотодинамічної терапії при встановленій довжині хвилі на ранніх стадіях захворювання може бути найкращою альтернативою всім іншим протоколам лікування, беручи до уваги те, що терапія добре переноситься пацієнтами, зменшує свербіж і сухість і покращує структуру слизової.

Використання MAL-PDT виявилось ефективним засобом лікування помірних та важких стадій VLS. Одинадцять досліджень за участю 337 жінок із VLS надали докази того, що ФДТ ефективно зменшує симптоми, пов'язані з хворобою та загальна оцінка клінічного поліпшення зовнішнього вигляду ураження є оптимальною.

Було досліджено вплив ФДТ на імунний статус при VLS, з особливим акцентом на профілі антинуклеарних антитіл (ANA). У цьому дослідженні взяли участь 100 жінок із VLS із супутнім аутоімунним захворюванням. Всі учасники пройшли 10 циклів ФДТ. Дослідження оцінювало аутоімунні антитіла до- та після ФДТ разом із оцінкою клінічної відповіді в дворічному перспективному контрольному дослідженні до- та після. Після ФДТ спостерігалася суттєве зменшення інтенсивності симптомів (свербіж, свербіж, дискомфорт у вульві). Результати терапії показали часткове зменшення проявів у 41% пацієнтів, відсутність симптомів у 51% і стійкі або погіршені симптоми лише у 8%. Найбільш поширеними аутоімунними захворюваннями були захворювання щитовидної залози, вітіліго та артрит. Серед пацієнтів із додатковим аутоімунним захворюванням (40 пацієнтів) до ФДТ 57% мали антитіла до ANA. Середній рівень ANA в цій групі значно знизився після лікування ФДТ (261,74 МО/мл до проти 123,20 МО/мл після лікування). Результати дослідження дозволяють припустити, що ФДТ може позитивно впливати на імунний статус пацієнтів із VLS [8].

Використання 5-ALA-PDT (85 мВт/см² і 62,5 Дж/см) із зеленим світлом (довжина хвилі складала 540 нм) для лікування пацієнтів із VLS надає значну перевагу з огляду толерантності до опромінювання, уникаючи інтенсивного болю, зазвичай пов'язаного з червоним світлом. Результати досліджень надають позитивні прогнози: протягом 2 місяців після застосування ФДТ спостерігається зменшення свербіжів у 81,8% учасників. Через 4 місяці

72,7% пацієнтів не відчували свербіння і такий показник був сталим на рівні 63,6% через 6 місяців. Таким чином, застосування 5-ALA-PDT із зеленим світлом добре переноситься та може ефективно полегшити свербіж у пацієнтів із VLS [13].

Фототерапію (вужкосмугову фототерапію UVB, UVA1 та місцеву фототерапію PUVA) [13-15] для VLS слід розглядати лише після того, як традиційна терапія виявиться неефективною, оскільки вона не забезпечує найкращого полегшення симптомів, покращення якості життя чи практичності порівняно з TCS [13]. Крім того, поява раку шкіри після фототерапії є малоімовірною в області геніталій, особливо враховуючи підвищений ризик раку при VLS [3].

Фотодинамічна терапія з використанням 5-амінолевулінової кислоти (5-ALA) є життєздатним варіантом лікування неконтрольованого свербіж у пацієнтів при VLS, коли інші методи лікування виявилися безуспішними [10]. Тим не менш, існують розбіжності щодо клінічних і гістологічних поліпшень [14]. Деякі випадки продемонстрували загострення поверхневих ерозій і покращення клінічних симптомів після ФДТ, тоді як інші не показали жодних клінічних змін [14].

Роль фотодинамічної терапії (ФДТ) у лікуванні VLS являє високоефективний засіб лікування, оскільки має доказові результати досліджень і хороший прогнозований результат. Відповідно до рекомендацій, заснованих на отриманих результатах досліджень, такий метод має значні клінічні переваги, особливо з аналізу огляду суб'єктивних скарг, пов'язаних із наявністю уражень шкіри. Метод фотодинамічної терапії слід розглядати як оптимальний у випадках, резистентних до стандартного лікування. Однак, пацієнта слід проінформувати про необхідність проведення декількох процедур, що створює достатньо тривалий термін лікування [3].

Метод ФДТ – відноситься до типу лікування, що полягає у використанні фотосенсибілізуючої хімічної речовини для викликання ефекту фототоксичності [14]. Цей метод заснований на взаємодії трьох нетоксичних агентів: світла відповідної довжини хвилі, фотосенсибілізатора та кисню, які разом призводять до селективного фотоокислення пошкоджених тканин без пошкодження навколишньої здорової шкіри [15].

В ході наукових досліджень особливу увагу було приділено суб'єктивним симптомам, особливо свербіж, який вважається основним дискомфортом для пацієнтів із VLS.

Фотодинамічну терапію вважають ефективною у зменшенні симптомів свербіж, виміряного за шкалою VAS або VRS [1, 4, 14]. Водночас із високою терапевтичною ефективністю ФДТ у полегшенні симптомів свербіж певні дослідження вказують на поступовий характер зникнення симптомів з подальшим прогресом у лікуванні [1-5].

ФДТ позитивно впливає на загострення ерозій [4, 5], в переважній більшості - зовнішніх ерозій [15]. Встановлено вплив терапії на зменшення розміру вогнищ VLS або їх повне зникнення [14-15].

Результати проведених досліджень доводять значне зниження загальної об'єктивної оцінки через 6 місяців після лікування методом фотодинамічної терапії, яка включала такі симптоми, як лейкоплакія, еритема, гіперкератоз, пурпурні ураження та екскоріації, пов'язані зі свербінням [15].

Гістопатологічні дослідження ефективності ФДТ встановили її вплив лише на суб'єктивні симптоми, оскільки не було виявлено покращення гістопатологічних результатів [14]. Однак, імуногістохімічна оцінка зазначеного лікування дозволила виявити збільшення апоптотичного індексу, а також ефект ФДТ шляхом індукції апоптозу в оброблених тканинах [13]. ФДТ здатна сприяти зникненню хронічного запалення та ацелюлярних пучків колагену зі значним покращенням епітеліальної вакуолярної дегенерації [12].

Встановлено загальні показники оптимальної переносимості лікування ФДТ та відмічено короточасну стійкість ускладнень. Інколи спостерігались побічні ефекти, але їх вплив на стан пацієнта був незначний, тому припинення продовження лікування через ускладнення не спостерігалось.

Як зазначалося вище, механізмом дії фотодинамічної терапії є базова взаємодія трьох елементів: фотосенсибілізатора, світла відповідної довжини хвилі і кисню. Результатом такої взаємодії є виробництво цитотоксичних активних форм кисню, які вибірково руйнують пошкоджену тканину, залишаючи нормальну шкіру недоторкованою [10]. Однак точний механізм дії ФДТ при лікуванні VLS залишає широке поле для подальших досліджень. Вважається, що він насамперед націлений на склероз шкіри, оскільки було показано, що ФДТ індукуює апоптоз лімфоцитів і кератиноцитів, водночас змінюючи експресію як цитокінів, так і металопротеїназ, які відіграють роль у ремоделюванні шкіри [11]. Відзначається вплив ФДТ на імунний статус пацієнтів після процедур, тобто значне зниження титрів антинуклеарних антитіл, що відносить ФДТ до методів з імуномодуючим потенціалом [12].

Лікування VLS за відсутності або підтвердженої наявності ВПЛ-інфекції визначено як однаково ефективне [13].

Зазвичай при лікуванні VLS часто використовують місцеві кортикостероїди, які при постійному застосуванні мають численні побічні ефекти [14]. Крім того, існує великий ризик рецидиву VLS після їх застосування дуже високий [15], що відносить такий тип лікування до малодієвих. Запровадження методу фотодинамічної терапії дає величезну перевагу - тривалий період ремісії та практично відсутні побічні прояви лікування [11-14].

Зважаючи на відсутність ускладнень у вигляді рубців або змін у структурі та функції оброблених тканин, а також відсутність впливу на репродуктивну здатність, ФДТ пропонується як метод лікування молодих жінок дітородного віку [13]. Можливість використання форми пластиру, що містить фотосенсибілізатор надає можливість надання цій процедури амбулаторного статусу, що є надзвичайно зручним та економить час для пацієнтів [14].

VLS, безумовно, має великий вплив на інтелектуальне та фізичне здоров'я пацієнтів. Це не тільки змінює архітектуру та морфологію вульви, але й викликає широкий спектр суб'єктивних скарг.

Величезна ефективність використання інноваційного методу фотодинамічної терапії для полегшення симптомів захворювання пацієнтів, а найголовніше – для лікування VLS є надзвичайно перспективним напрямом сучасної медицини.

Список літератури:

1. Aidé S, Lattario FR, Almeida G, et al. Epstein-barr virus and human papillomavirus infection in vulvar lichen sclerosis. *J Low Genit Tract Dis.* 2010;14(4):319–322. doi: 10.1097/LGT.0b013e3181d734f1.
2. Azurdia R, Luzzi G, Byren I, Welsh K, Wojnarowska F, Marren P. et al. Lichen sclerosis in adult men: a study of HLA associations and susceptibility to autoimmune disease. *British Journal of Dermatology.* 1999;140:79–83. doi: 10.1046/j.1365-2133.1999.02611.x.
3. Campolmi, P.; Cannarozzo, G.; Bennardo, L.; Clementi, A.; Sannino, M.; Nisticò, S. Fractional Micro-Ablative CO₂ Laser as Therapy in Penile Lichen Sclerosis: CO₂ Laser to Treat Penile Lichen Sclerosis. *J. Lasers Med Sci.* 2021, 12, e61.
4. Cooper, S.M.; Ali, I.; Baldo, M.; Wojnarowska, F. The association of lichen sclerosis and erosive lichen planus of the vulva with autoimmune disease: A case-control study. *Arch. Dermatol.* 2008, 144, 1432–1435.
5. Dinh, H.; Purcell, S.M.; Chung, C.; Zaenglein, A.L. Pediatric Lichen Sclerosis: A Review of the Literature and Management Recommendations. *J. Clin. Aesthet. Dermatol.* 2016, 9, 49–54.
6. Doulaveri G, Armira K, Kouris A, et al. Genital vulvar lichen sclerosis in monozygotic twin women: a case report and review of the literature. *Case Rep Dermatol.* 2013;5(3):321–325. doi: 10.1159/000356775.
7. Friedrich EG Jr Kalra, P.S. Serum levels of sex hormones in vulvar lichen sclerosis, and the effect of topical testosterone. *N. Engl. J. Med.* 1984, 310, 488–491.
8. Jabłonowska, O.; Woźniacka, A.; Żebrowska, A. Lichen sclerosis. *Dermatol. Rev. Przegląd Dermatol.* 2021, 108, 126–136.
9. Kirtschig, G. Lichen Sclerosis-Presentation, Diagnosis and Management. *Dtsch. Ärzteblatt Int.* 2016, 113, 337–343.
10. Kirtschig, G.; Becker, K.; Günthert, A.; Jassaitiene, D.; Cooper, S.; Chi, C.C.; Kreuter, A.; Rall, K.K.; Aberer, W.; Riechardt, S.; et al. Evidence-based (S3) Guideline on (anogenital) Lichen sclerosis. *J. Eur. Acad. Dermatol. Venereol.* 2015, 29, e1–e43.
11. Kwok, R.; Shah, T.T.; Minhas, S. Recent advances in understanding and managing Lichen Sclerosis. *F1000Research* 2020, 9, F1000.
12. Melnick, L.E.; Steuer, A.B.; Bieber, A.K.; Wong, P.W.; Pomeranz, M.K. Lichen sclerosis among women in the United States. *Int. J. Women's Dermatol.* 2020, 6, 260–262.
13. Popa, A., Dumitrascu, M. C., Petca, A., Petca, R.-C., & Sandru, F. (2024). Vulvar Lichen Sclerosis: Navigating Sex Hormone Dynamics and Pioneering Personalized Treatment Paradigm. *Journal of Personalized Medicine*, 14(1), 76.
14. Singh, N.; Ghatage, P. Etiology, Clinical Features, and Diagnosis of Vulvar Lichen Sclerosis: A Scoping Review. *Obstet. Gynecol. Int.* 2020, 2020, 7480754.
15. Tran, D.A.; Tan, X.; Macri, C.J.; Goldstein, A.T.; Fu, S.W. Lichen Sclerosis: An autoimmunopathogenic and genomic enigma with emerging genetic and immune targets. *Int. J. Biol. Sci.* 2019, 15, 1429–1439.

DEVICE FOR THE TREATMENT OF UNSTABLE PELVIC RING FRACTURES WITH VERTICAL DISPLACEMENT**Khabibyanov R.,***Doctor of Medical Sciences**State Autonomous Healthcare Institution "Republican Clinical Hospital of the Ministry of Health of the Republic of Tatarstan"**Head of the Research Department***Skvortsov A.,***Doctor of Medical Sciences**State Autonomous Healthcare Institution "Republican Clinical Hospital of the Ministry of Health of the Republic of Tatarstan"**Chief Researcher***Maleev M.***Candidate of Physical and Mathematical Sciences**State Autonomous Institution of Health "Republican Clinical Hospital of the Ministry of Health of the Republic of Tatarstan"**Leading Researcher***УСТРОЙСТВО ДЛЯ ЛЕЧЕНИЯ НЕСТАБИЛЬНЫХ ПЕРЕЛОМОВ ТАЗОВОГО КОЛЬЦА С ВЕРТИКАЛЬНЫМ СМЕЩЕНИЕМ****Хабибьянов Р.Я.***Доктор медицинских наук**Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканская клиническая больница Министерства**здравоохранения Республики Татарстан»**Заведующий научно-исследовательским отделом***Скворцов А.П.***Доктор медицинских наук**Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканская клиническая больница Министерства**здравоохранения Республики Татарстан»**Главный научный сотрудник***Малеев М.В.***Кандидат физико-математических наук**Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканская клиническая больница Министерства**Здравоохранения Республики Татарстан»**Ведущий научный сотрудник*<https://doi.org/10.5281/zenodo.15754174>**Abstract**

Fractures of the pelvic bones with vertical instability in the sacrum area are the most severe in the structure of injuries in this area.

For the treatment of unstable fractures of the pelvic ring with vertical displacement, we have developed a device (RF patent No. 2828767) containing two spinal rods, pre-curved in the shape of a lordosis, with fastening elements in the form of pedicular screws interconnected by two transverse crossbars. The positive results of treatment of patients with unstable fractures of the pelvic ring with vertical displacement allow us to recommend the developed device for wide application in the clinical network.

Аннотация

Переломы костей таза с вертикальной нестабильностью по зоне крестца являются наиболее тяжелыми в структуре повреждений этой области.

Нами для лечения нестабильных переломов тазового кольца с вертикальным смещением, разработано устройство (патент РФ № 2828767), содержащее два спинальных стержня, предварительно изогнутых по форме лордоза, с элементами крепления в виде педикулярных винтов, соединенных между собой двумя поперечными перекладинами. Положительные результаты лечения пациентов с нестабильными переломами тазового кольца с вертикальным смещением позволяют рекомендовать разработанное устройство для широкого применения в клинической сети.

Keywords: pelvic ring fractures, vertical displacement, surgical treatment, transpedicular fixation.

Ключевые слова: переломов тазового кольца, вертикальное смещение, оперативное лечение, транспедикулярная фиксация.

Введение

Переломы костей таза с вертикальной нестабильностью по зоне крестца являются наиболее тяжелыми в структуре повреждений этой области. Наряду с предварительной первичной стабилизацией переднего отдела тазового кольца, здесь требуется окончательная фиксация поврежденной области погружными конструкциями.

Некоторыми авторами при лечении данного вида повреждения костей таза используется устройство для лечения смещенных переломов костей таза [1, с. 58], содержащее опоры, костные стержни и распорки, установленные в различных направлениях, и выполненные в виде трубок с разнонаправленными резьбами в концах их каналов, используемые для установки в них штанг с ответными резьбами. Устройство обеспечивает репозицию смещенных тазовых костей, а также достаточную стабилизацию таза. Однако данное устройство требует значительного времени для достижения анатомически правильной, или приемлемой, репозиции за счет работы многочисленными распорками. Такие манипуляции не всегда позволяют достичь цели за одну операцию. Соответственно, требуется производство значительного количества контрольных интраоперационных, и послеоперационных, рентгеновских снимков.

В последнее время получил широкое распространение способ фиксации при односторонних нестабильных переломах крестца [2, с. 62]. Способ заключается в наложении пояснично-тазового фиксатора с опорой на подвздошную кость. Производят двустороннее наложение фиксаторов, представляющих собой изогнутые балки-опоры, устанавливая не менее двух винтов в тела позвонков и тела подвздошных костей с правой и левой стороны. После введения транспедикулярных винтов фиксируют изогнутую балку-опору на здоровой стороне, затем устанавливают изогнутую балку-опору с поврежденной стороны, блокируя ее сначала в винтах, установленных в тела поясничных позвонков. Затем, после устранения смещения, блокируют балку-опору в винтах, введенных в заднюю ость подвздошной кости, и устанавливают поперечную штангу между фиксаторами.

Однако данное устройство имеет ряд недостатков:

Балки-опоры, установленные на 2 педикулярных винтах, введенных в тела 2 позвонков, не обладают достаточными механико-прочностными свойствами, что приводит к частым поломкам педикулярных винтов из-за усталости металла.

Применение одной поперечной штанги между балками-опорами не позволяет создать замкнутую, рамочную, конструкцию, что не обеспечивает распределение усилий distraction и на здоровую сторону, и делает бесполезной транспедикулярную фиксацию позвонков на здоровой стороне. Устройство используют только для distraction, не учитывая, что устранение вертикального смещения тазового отломка, не имеющего гладких краев, возможно только при устранении зацепов костных

фрагментов относительно друг друга, что возможно только при латерализации этого отломка на время репозиции.

Нами, для лечения нестабильных переломов тазового кольца с вертикальным смещением, разработано устройство (патент РФ № 2828767), содержащее два спинальных стержня, предварительно изогнутых по форме лордоза, с элементами крепления в виде педикулярных винтов, соединенных между собой двумя поперечными перекладинами. На каждом спинальном стержне закреплено по 4 моноаксиальных транспедикулярных винта, поперечные перекладины установлены на двух концах устройства. На одной из сторон перекладина установлена между последним и предпоследним моноаксиальными транспедикулярными винтами. За последним моноаксиальным транспедикулярным винтом, на конце спинального стержня, установленного на неповрежденной стороне, зафиксирован мультиаксиальный винт для гребня задней ости подвздошной кости на неповрежденной стороне. На противоположном спинальном стержне, между головками первого и второго моноаксиальных транспедикулярных винтов, установлена, и зафиксирована крепежным винтом по боковой поверхности, муфта, на образующей которой неподвижно закреплена, вертикально установленная на ней пластина с центральным отверстием. В этом отверстии закреплена двумя гайками резьбовая штанга, противоположный конец которой шарнирно соединен со средним из трех внутрикостных винтов, установленных на заблокированной пластине для поврежденной подвздошной кости.

Оси между отверстиями вертикально установленной пластины и муфты составляют угол 30° .

Использование 4 моноаксиальных транспедикулярных винтов, в качестве элементов крепления, на каждом спинальном стержне, установка поперечных перекладин на двух концах устройства, обеспечивает большую прочность, и равномерность распределения нагрузки, что позволяет предупредить переломы винтов из-за механической усталости металла.

Установка 4 моноаксиальных транспедикулярных винтов с каждой стороны обеспечивает распределение distractionных усилий на большее количество точек, что позволяет предупредить «усталостные» переломы винтов в послеоперационном периоде, часто случающиеся при установке 2 моноаксиальных транспедикулярных винтов с каждой стороны.

Установка перекладины между последним и предпоследним винтом, одной из сторон спинальных стержней, обеспечивает возможность установки за последним винтом, на конце спинального стержня, мультиаксиального педикулярного винта.

Установка мультиаксиального винта на конце одного из спинальных стержней, предусматривает его фиксацию в гребне задней ости подвздошной кости по здоровой стороне таза, что позволяет повысить прочность конструкции в этом отделе. Использование мультиаксиального винта улучшает условия репозиции, необходимые для проведения

латерализации поврежденного тазового кольца, для возможности низведения его наружного тазового фрагмента, и устранения смещения кверху. Этот винт создает точку упора при дистракции наружного фрагмента отломка подвздошной кости, что позволяет перераспределить нагрузки на всю систему, существенно повысить эффективность репозиции, и предупредить «усталостные» переломы винтов. Применение именно мультиаксиального винта, обеспечивающего подвижность его рабочей части относительно головки на 28° , делает возможной удобную установку винта, без потери стабильности фиксации.

Установка на противоположном спинальном "стержне, между головками первого и второго мультиаксиального транспедикулярного винтов, муфты, на образующей которой неподвижно закреплена вертикально установленная на ней пластина с центральным отверстием, обеспечивает возможность установки мультиаксиального винта на неповрежденной стороне таза.

Фиксация муфты крепежным винтом по боковой поверхности исключает ее подвижность на спинальном стержне, обеспечивая прочность конструкции, и возможность сборки устройства.

Блокированная прямая пластина предназначена для крепления на поврежденной стороне под-

вздошной кости, обеспечивает полное соприкосновение поверхности этой пластины с костью в любой своей части.

Использование 3 внутрикостных винтов для крепления пластины к кости, обеспечивает надежность соединения, предупреждает вырыв винтов, при устранении вертикального смещения.

Шарнирное соединение конца резьбовой штанги со средним из трех внутрикостных винтов, установленных на блокированной прямой пластине, обеспечивает создание дистракционных усилий при репозиции.

Закрепление резьбовой штанги в отверстии пластины двумя гайками, позволяет фиксировать сломанный фрагмент в отрепонированном положении затягиванием гаек, и «сбрасывать» дистракцию, при её избытке, перемещением гаек по резьбовой штанге.

Угол 30° между осями отверстий вертикально установленной пластины и муфты, соответствует углу между осью поясничного отдела позвоночника и задней остью крыла подвздошной кости, что обеспечивает создание наиболее оптимальных дистракционных усилий, их биомеханически обоснованное направление вдоль линии вертикального перелома.

На рис. 1 показан общий вид устройства, смонтированного на тазовой кости и позвоночнике.

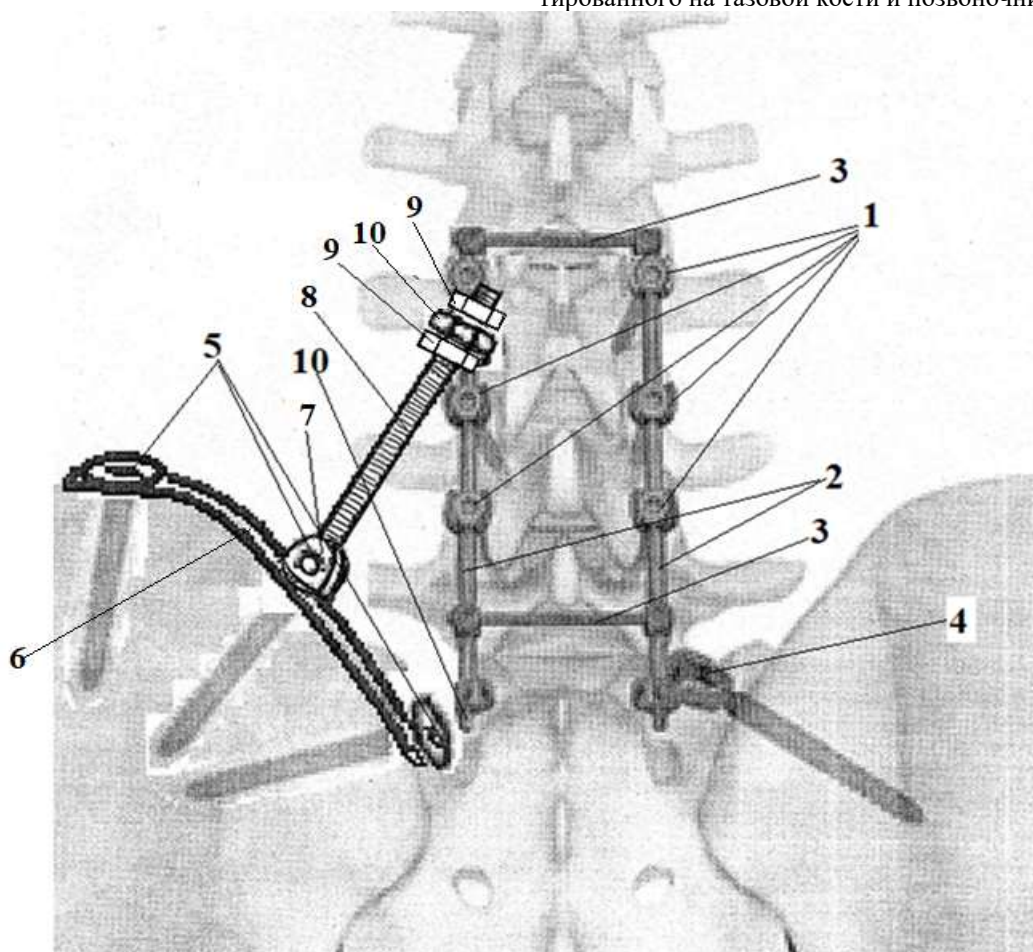

Рис. 1. Общий вид устройства

Устройство для лечения нестабильных переломов тазового кольца с вертикальным смещением содержит два спинальных стержня 1, предварительно изогнутых по форме лордоза, с элементами крепления в виде моноаксиальных транспедикулярных винтов 2. На каждом спинальном стержне 1 закреплено не менее 4-х моноаксиальных транспедикулярных винтов 2. Поперечные перекладины 3 установлены на двух концах устройства. На одной из сторон перекладина 3 установлена между последним и предпоследним винтом 2, а за последним винтом, на конце спинального стержня, установленный на неповрежденной стороне, зафиксирован мультиаксиальный винт 4. На противоположном

спинальном стержне 1, между головками первого и второго моноаксиального транспедикулярного винта 2, установлена, и зафиксирована крепежным винтом 5, установленным в отверстии 6 по боковой поверхности, муфта 7, на образующей которой неподвижно закреплена, вертикально установленная на ней, пластина 8 с центральным отверстием 9. В отверстии 9 пластины 8, двумя гайками 10, закреплена резьбовая штанга 11, противоположный конец которой, с помощью шарнира 12, соединен со средним, из трех внутрикостных винтов 13, установленных на блокированной пластине 14.

На рис.2 представлена муфта с неподвижно закрепленной пластиной.

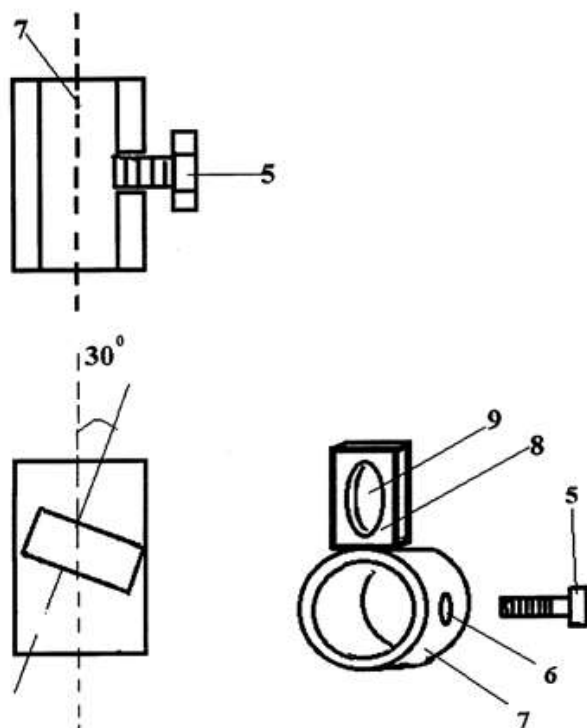

Рис. 2. Муфта с неподвижно закрепленной пластиной

Способ осуществляют следующим образом.

Положение пациента на операционном столе - на животе. Производят срединный разрез кожи по проекции остистых отростков поясничных и крестцовых позвонков на уровне. LI-SIII, обнажают задние отделы позвонков, крестца и задние ости подвздошных костей. Гемостаз по ходу операции. В тела поясничных позвонков на поврежденной, и неповрежденной, стороне вводят по четыре моноаксиальных транспедикулярных винта 2, в гребень задней ости подвздошной кости на неповрежденной стороне - вводят мультиаксиальный винт 4, фиксируют его на спинальном стержне 1. В головки введенных винтов 2, по обе стороны позвонков, устанавливают спинальные стержни 1, предварительно изогнутые по форме лордоза. На стержень 1, предназначенный для установки на поврежденную сторону, в верхнем отделе, между головками первого и второго моноаксиальных транспедикулярных винтов 2, устанавливают муфту 7, без фиксации винтом 5. На концы устройства, по двум его сторонам, устанавливают поперечные перекладины 3, причем, со стороны устройства, обращенной к крестцу, перекладину устанавливают на предпо-

следних моноаксиальных транспедикулярных винтах. На этом монтаж позвоночной части устройства завершен, и приступают к монтажу тазовой части устройства с поврежденной стороны. На поврежденной подвздошной кости, с помощью трех внутрикостных винтов 13, закрепляют блокированную пластину 14, причем, средний из трех винт 13, соединяют шарниром 12 с резьбовой штангой 11, со свободного конца которой предварительно установлена одна из гаек 10. Вводят конец резьбовой штанги 11 в отверстие 9 пластины 8 и, предварительно, легко, с возможностью перемещения, наживляют вторую гайку 10 на резьбу штанги 11. Закрепляют муфту 7 на спинальном стержне 1 винтом 5. Производят временную латерализацию тазового отломка и, перемещая гайки 10 по резьбовой штанге 11, производят устранение смещения по длине. Выполняют рентгенконтроль. Рану зашивают наглухо, послойно.

Список литературы:

1. Патент РФ №RU 2160065, A61B 17/66 // Бюл. – 2000. - №34.
2. Патент РФ №2684870, A61B 17/66 // Бюл. – 2019. - №11.

DEVICE FOR OSTEOSYNTHESIS OF MULTIPLE RIB FRACTURES**Khabibyanov R.,***Doctor of Medical Sciences**State Autonomous Healthcare Institution "Republican Clinical Hospital of the Ministry of Health of the Republic of Tatarstan"**Head of the Research Department***Skvortsov A.,***Doctor of Medical Sciences**State Autonomous Healthcare Institution "Republican Clinical Hospital of the Ministry of Health of the Republic of Tatarstan"**Chief Researcher***Maleev M.***Candidate of Physical and Mathematical Sciences**State Autonomous Institution of Health "Republican Clinical Hospital of the Ministry of Health of the Republic of Tatarstan"**Leading Researcher***УСТРОЙСТВО ДЛЯ ОСТЕОСИНТЕЗА МНОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕЛОМОВ РЕБЕР****Хабибьянов Р.Я.***Доктор медицинских наук**Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканская клиническая больница Министерства здравоохранения Республики Татарстан»**Заведующий научно-исследовательским отделом***Скворцов А.П.***Доктор медицинских наук**Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканская клиническая больница Министерства здравоохранения Республики Татарстан»**Главный научный сотрудник***Малеев М.В.***Кандидат физико-математических наук**Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканская клиническая больница Министерства здравоохранения Республики Татарстан»**Ведущий научный сотрудник***Abstract**

Multiple fractures of the ribs and sternum with dislocated fragments are considered severe skeletal injuries and are accompanied by impaired functions of the respiratory and cardiovascular systems, which aggravates the condition of the victim.

Our proposed device has the ability to reposition fragments of the sternum in any plane, while reducing the traumatic nature of surgery, increasing the reliability of fixation of the sternum complex, and eliminating the possibility of migration of structural elements, reducing the time of surgery, while ensuring a mobile lifestyle for the patient. The positive results of using this device in the treatment of patients with multiple rib fractures allow it to be recommended for use in general practice.

Аннотация

Множественные переломы ребер и грудины со смещением отломков относятся к тяжелым скелетным травмам и сопровождаются нарушением функций дыхательной и сердечно-сосудистой систем, что утяжеляет состояние пострадавшего.

Предлагаемое нами устройство имеет возможность репозиции фрагментов грудины в любой плоскости, при снижении травматичности оперативного вмешательства, повышении надежности фиксации грудного комплекса, и исключении возможности миграции элементов конструкции, сокращении времени операции, при обеспечении подвижного образа жизни пациента. Положительные результаты применения данного устройства при лечении пациентов с множественными переломами ребер позволяют рекомендовать его к использованию в широкой практике.

Keywords: multiple rib fractures, bone core, rib hook, reposing block.

Ключевые слова: множественных переломов ребер, костный стержень, реберный крючок, репонирующий блок.

Введение.

Переломы ребер и грудины со смещением отломков относятся к тяжелым скелетным травмам и сопровождаются нарушением функций дыхательной и сердечно-сосудистой систем, что утяжеляет состояние пострадавшего. Актуальными проблемами при лечении множественных переломов ребер и грудины являются: стабилизация грудной клетки, устранение флотации «реберных клапанов», снижение травматичности оперативных методов стабилизации грудинно-реберного комплекса.

Некоторыми авторами применяется устройство [1, с. 64] для фиксации реберной панели при множественном переломе ребер, представленное спицами Киршнера и деталями аппарата Илизарова, состоящее из двух частей. Первая часть включает 3-5 фигурно изогнутых фрагментов спиц, диаметром 1-1,5 мм, имплантируемых в ткани грудной клетки больного над областью флотирующей реберной панели, с одним кольцевидным, а другим заостренным концом. Вторая часть устройства предназначена для вытяжения за первую часть, состоит из крючковидно изогнутых фрагментов спиц диаметром 2 мм, кронштейна с внутренней резьбой, резьбового стержня, двух пластинок, четырех болтовых фиксаторов и семи гаек из набора аппарата Илизарова. Однако предложенное устройство подразумевает постоянное использование системы вытяжения больного в положении лежа, с применением прикроватной системы вытяжения, что требует постоянной, посторонней помощи больному, значительно затрудняет санитарный уход за ним.

Известен способ лечения множественных переломов ребер и устройство для его осуществления [2, с. 72], по которому изготавливают шину из термопластической пластины, моделируют ее по форме и размеру грудной клетки, накладывают шину на грудную клетку так, чтобы она перекрывала участки переломов ребер. Проводят лигатуры через мышцы грудной клетки в области реберного клапана и в области неповрежденных участков ребер. Концы лигатур выводят в отверстия шины и завязывают их поверх шины.

Недостатком указанного способа является его нефизиологичность. При плотной фиксации шины к поврежденным и сломанным ребрам происходит жесткая стабилизация значительного участка грудной клетки, т.е. в области соприкосновения шины с грудной клеткой ее дыхательная подвижность становится затруднительной, что вызывает гиповентиляцию прилежащих сегментов легких к фиксированному участку. Весьма затруднительным является своевременное диагностирование процесса, в случае нагноения около лигатур, поскольку практически невозможно выполнить какие-либо диагностические исследования (рентгенографию, УЗИ в той части груди, где зафиксирована шина). Кроме того, завязанные концы лигатур могут ослабляться за счет постоянного вытяжения и технических погрешностей при их формировании. При множественных переломах ребер в остром периоде затруднен процесс наложения самой шины из-за болевого синдрома, что может привести к

некорректному наложению термопластины и деформации грудной клетки после сращения ребер.

Наибольшее применение у травматологов получило «Устройство для внеочаговой фиксации множественных и флотирующих переломов ребер и грудины» [3, с. 68]. Это устройство состоит из аппарата внешней фиксации, включающего в себя стержень и репонирующий блок, в котором закреплены спицы. Репонирующий блок представлен в виде монокортикальных изогнутых спиц, закрепленных в опорах, которые устанавливают в неповрежденные сегменты ребер, и на тяги, которые устанавливают в отломки сломанных ребер. Все монокортикальные изогнутые спицы крепят с помощью двух гаек к дистракционному стержню, в котором имеются два скошенных паза для их установки. База аппарата внешней фиксации представлена в виде опорных балок и цельного стержня, также выполняющего роль опорной балки, к которому крепится опора.

Это устройство не обладает достаточной жесткостью, поэтому не обеспечивает репозиционные возможности необходимого уровня. Ригидность изогнутых участков спиц при репозиции смещенных ребер может привести к миграции внутрикостных элементов аппарата, и к полной потере репозиционных и стабилизирующих свойств устройства.

Целью разработки нашего устройства явилась возможность репозиции фрагментов грудины в любой плоскости, при снижении травматичности оперативного вмешательства, повышении надежности фиксации грудинного комплекса, и исключении возможности миграции элементов конструкции, сокращении времени операции, при обеспечении подвижного образа жизни пациента.

Это достигалось тем, что устройство для остеосинтеза множественных переломов ребер, содержит аппарат внешней фиксации, состоящий из репонирующих блоков. Репонирующий блок включает опорные пластины, оснащенные продольно расположенными, овальными, сквозными отверстиями, реберные крючки, гайки, костные стержни, по двум концам оснащенные резьбой. Дистальный конец костного стержня выполнен с возможностью соединения с опорной пластиной резьбовым соединением с помощью двух гаек, установленных по разные стороны опорной пластины. Проксимальный конец костного стержня выполнен конической формы, оснащен режущей кромкой и самонарезающей резьбой для соединения с костной тканью ребер. Реберный крючок выполнен в виде П-образной скобы. Нижняя кромка ножки крючка, меньшей длины, по внешней стороне оснащена скосом. По центру боковой поверхности более длинной ножки выполнено резьбовое отверстие для возможности резьбового соединения крючка с проксимальным концом костного стержня. В нижнем левом углу выполнено глухое отверстие меньшего диаметра под спицу, для исключения поворотов реберного крючка при вворачивании в него костного стержня.

Ширина продольно расположенных, овальных, сквозных отверстий в опорной пластине соответствует наружному диаметру дистального конца костного стержня.

Максимальный диаметр самонарезающей резьбы на проксимальном конце конической формы не превышает величину диаметра резьбы, обеспечивающей соединение костного стержня с реберным крючком.

Репонирующий блок, состоящий из опорных пластин, костных стержней, реберных крючков и гаек, позволяет устранять смещения отломков ребра в любой плоскости.

Опорные пластины, оснащенные продольно расположенными, овальными, сквозными отверстиями, ширина которых соответствует наружному диаметру дистального конца костного стержня, обеспечивают свободное перемещение костных стержней вдоль пластин, что необходимо для выполнения репозиции костных фрагментов.

Наличие резьбы на концах костных стержней обеспечивает возможность соединения элемента крепления костного фрагмента (реберного крючка) со стержнем - с одной стороны, и с опорной пластиной - с другой.

Применение двух гаек для соединения костного стержня с опорной пластиной обеспечивает возможность репозиции, в случае западения одного из фрагментов ребер. Выполнение distraction осуществляют за счет ослабления проксимальной (внутренней) гайки на костном стержне, и затягивания дистальной (наружной) гайки, добиваясь необходимого перемещения опорной пластины до восстановления нормальной каркасности грудной клетки.

Выполнение проксимальных концов костных стержней конической формы, оснащение их режущей кромкой и самонарезающей резьбой, обеспечивает надежную установку костных стержней в каждый отломок ребра, причем к плоскости ребра костные стержни устанавливают под углом 90° .

Выполнение максимального диаметра самонарезающей резьбы на проксимальном конце костного стержня конической формы без превышения величины диаметра резьбы, обеспечивающей соединение костного стержня с реберным крючком, обеспечивает установку этого конца костного стержня в резьбовое отверстие реберного крючка, для введения его в кость.

Выполнение реберных крючков в виде П-образной скобы обеспечивает возможность «захвата»

отломка ребра с увеличением поверхности контакта костного фрагмента, повышая прочность соединения фрагмента с костным стержнем, что способствует исключению повторных переломов ребра при репозиции, что особенно актуально для пациентов с остеопорозом, и при значительных смещениях отломков.

Выполнение проксимальной ножки реберного крючка меньшей длины позволяет исключить при его установке ятрогенное повреждение сосудисто-нервного пучка на нижней кромке ребра.

Оснащение нижней кромки проксимальной ножки (меньшей длины) реберного крючка по внешней стороне скосом, обеспечивает поднадкостничное проведение крючка по внутренней стороне ребра. Для осуществления установки крючка по передней и боковым частям реберных фрагментов производят отслойку надкостницы через небольшой разрез с помощью прямого и изогнутого распатора.

Резьбовое отверстие, выполненное по центру боковой поверхности более длинной ножки реберного крючка, обеспечивает возможность резьбового соединения крючка с костным стержнем, а глухое отверстие меньшего диаметра предназначено для исключения поворотов реберного крючка при вворачивании в него костного стержня.

Устройство поясняется иллюстрациями, где:

на рис. 1 представлен общий вид устройства для остеосинтеза множественных переломов ребер, установленного на поврежденном реберном каркасе, где: 1 - опорная пластина, 2 - продольно расположенные, овальные, сквозные отверстия, 3 - костные стержни, 4 - гайка, 7 - реберный крючок, 10 - глухое отверстие;

на рис. 2 - фрагмент репонирующего блока с костными стержнями 3, введенными в реберные крючки 7, установленные на отломке ребра 6, и зафиксированные

на опорной пластине 1 с помощью 2-х гаек 4, остальные позиции см. на рис. 4;

на рис. 3 - костный стержень 3, где: 5 - конец конической формы, оснащенный режущей кромкой и самонарезающей резьбой;

на рис. 4 - реберный крючок 7, где: 8 - более длинная, дистальная, ножка, 9 - резьбовое отверстие, 10 - глухое отверстие, 11 - нижняя кромка со скосом по внешней стороне, 12 - дистальная ножка меньшей длины.

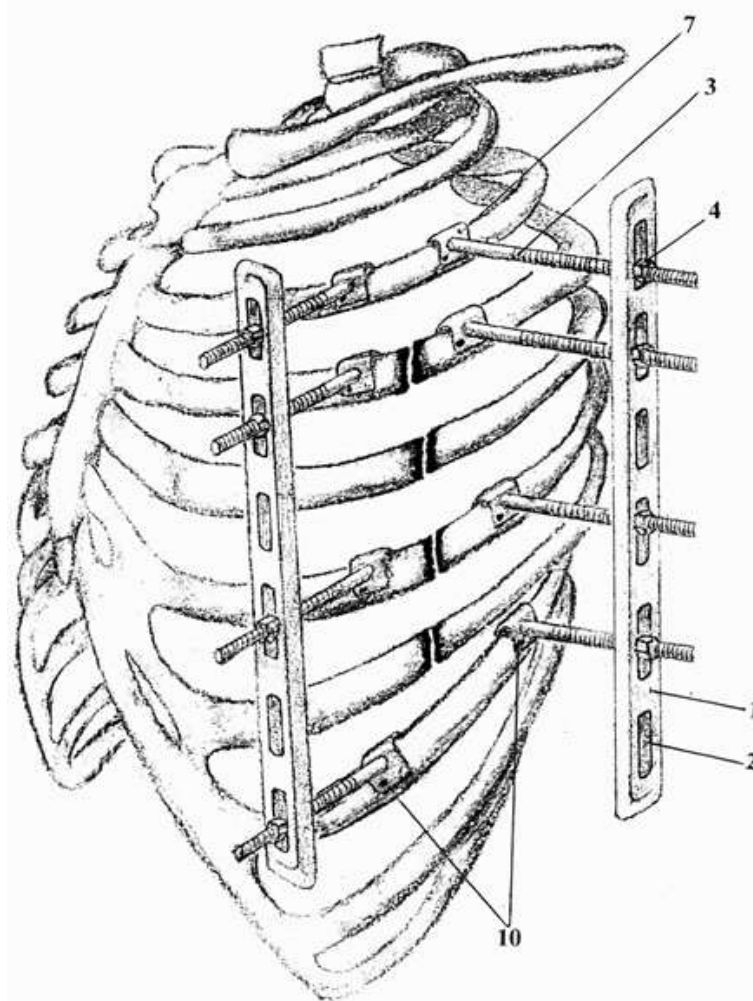

Рис. 1. Общий вид устройства для остеосинтеза множественных переломов ребер.

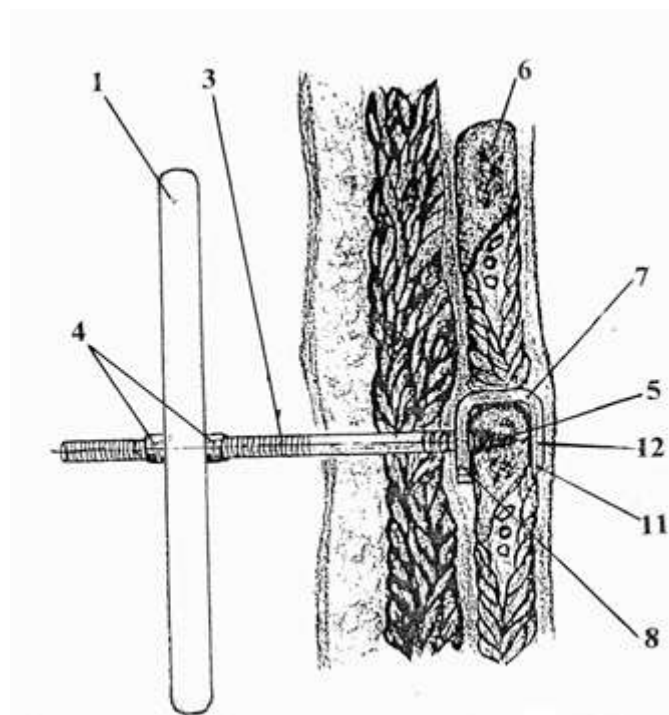

Рис. 2. Фрагмент репонирующего блока.

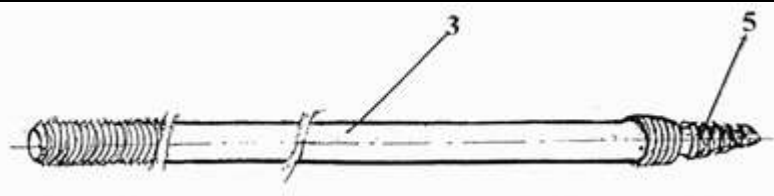

Рис. 3. Костный стержень

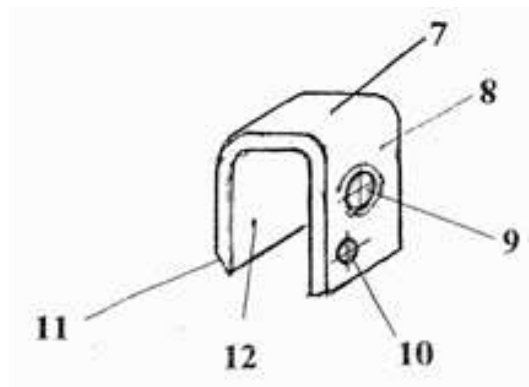

Рис. 4. Реберный крючок.

Устройство для остеосинтеза множественных переломов ребер состоит из опорных пластин 1, оснащенных продольно расположенными, овальными, сквозными отверстиями 2, в которых установлены, и закреплены, дистальные концы костных стержней 3, с помощью двух гаек 4, расположенных по разные стороны опорных пластин 1. Проксимальные концы костных стержней 3 выполнены конической формы, оснащены режущей кромкой и самонарезающей резьбой 5, для возможности соединения костного стержня 3 с костной тканью ребер 6. Проксимальные концы костных стержней 3 выполнены с возможностью соединения с реберными крючками 7, П-образной формы, резьбовым соединением, для чего по центру наружной боковой поверхности более длинной, дистальной, ножки 8 реберного крючка 7 выполнено резьбовое отверстие 9. В нижнем левом углу наружной боковой поверхности дистальной ножки 8 выполнено глухое отверстие 10 меньшего диаметра. По нижней кромке 11, дистальной ножки меньшей длины 12 реберного крючка 7, по внешней стороне, выполнен скос.

Устройство используют следующим образом (патент № 2702249).

Под интубационным наркозом, после рентгенологического исследования с маркерами, производят установку реберных крючков, начиная с интактных верхних и нижних ребер. Для установки реберных крючков производят разрез мягких тканей по верхнему краю ребра, внеочагово. Для установки крючка через произведенный разрез, поднадкостнично, с помощью распаторов, формируют ложе для ножек крючка, причем при установке

крючка его длинная, проксимальная, ножка с резьбовым отверстием находится

на наружной поверхности ребра. Устанавливают спицу в глухое отверстие в левой части наружной поверхности ножки крючка. Через резьбовое отверстие проксимальные концы костных стержней конической формы, оснащенные режущей кромкой и самонарезающей резьбой, вводят в ребро. Стержень стабилизируют, осуществляя его резьбовое соединение с реберным крючком. По такой же технологии устанавливают костные стержни по обеим сторонам реберных фрагментов. Вокруг установленных стержней накладывают швы.

Костные стержни на реберном каркасе устанавливают через одно ребро. После установки костных стержней в продольные отверстия опорных пластин, их фиксируют двумя гайками. Репозицию производят путем перемещения костных стержней в продольных отверстиях опорных пластин. После контрольной рентгенограммы производят окончательную репозицию переломов ребер, путем манипуляций гайками на опорной пластине. Асептические повязки. При показаниях выполняют дренирование плевральной полости.

Список литературы:

1. Патент РФ №2430699 А61В 17/60 // Бюл. – 2011. - №28.
2. Патент РФ №2300331, А61В 17/56, А61F 5/04 // Бюл. – 2006. - №16.
3. Патент РФ №134778 А61В 17/00 // Бюл. – 2013. - №33.

A DEVICE FOR INSTALLING CLIPS OF THE TRANSVERSE ROD OF SPINAL IMPLANTS**Skvortsov A.,***Doctor of Medical Sciences**State Autonomous Healthcare Institution "Republican Clinical Hospital of the Ministry of Health of the Republic of Tatarstan"**Chief Researcher***Baklanov A.,***Doctor of Medical Sciences**JSC "Medicine" Clinical hospital on Yauza,**Neurosurgeon doctor***Orlov I.,***JSC "Medicine" Clinical Hospital on Yauza,**Traumatologist, orthopedic surgeon, neurosurgeon***Khabibyanov R.,***Doctor of Medical Sciences**State Autonomous Healthcare Institution "Republican Clinical Hospital of the Ministry of Health of the Republic of Tatarstan"**Head of the Research Department***Maleev M.***Candidate of Physical and Mathematical Sciences**State Autonomous Institution of Health "Republican Clinical Hospital of the Ministry of Health of the Republic of Tatarstan"**Leading Researcher***УСТРОЙСТВО ДЛЯ УСТАНОВКИ ЗАЖИМОВ ПОПЕРЕЧНОГО СТЕРЖНЯ СПИНАЛЬНЫХ ИМПЛАНТОВ****Скворцов А.П.***Доктор медицинских наук**Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканская клиническая больница Министерства**здравоохранения Республики Татарстан»**Главный научный сотрудник***Бакланов А.Н.***Доктор медицинских наук**АО «Медицина» Клинический госпиталь на Яузе**Врач-нейрохирург***Орлов И.И.***АО «Медицина» Клинический госпиталь на Яузе**Врач-травматолог-ортопед-нейрохирург***Хабибьянов Р.Я.***Доктор медицинских наук**Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканская клиническая больница Министерства**здравоохранения Республики Татарстан»**Заведующий научно-исследовательским отделом***Малеев М.В.***Кандидат физико-математических наук**Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканская клиническая больница Министерства**Здравоохранения Республики Татарстан»**Ведущий научный сотрудник*<https://doi.org/10.5281/zenodo.15754178>**Abstract**

When carrying out transpedicular fixation of the vertebral segment by Catrel-Dubosset in scoliotic deformity, after installing transpedicular screws and installing longitudinal rods on them, bent according to the physiological bends of the spine (lordosis, kyphosis), with subsequent correction of spinal deformity, transverse rods are installed. Such an installation is justified biomechanically, as it makes the transpedicular structure rigid. However,

when installing transverse rods by installing their clamps in the longitudinal rods, difficulties arise in the form of the presence of bone tissue that prevents their placement on the longitudinal rods.

The developed device reduces the time of surgical intervention and the convenience of installing side clips when applying transverse rods.

Аннотация

При проведении транспедикулярной фиксации позвоночного сегмента по Catrel-Dubosset при сколиотической деформации, после установки транспедикулярных винтов и установки на них продольных стержней, изогнутых соответственно физиологическим изгибам позвоночника (лордоз, кифоз), с последующей коррекцией деформации позвоночника производят установку поперечных стержней. Такая установка оправдана биомеханически, так как делает транспедикулярную конструкцию жесткой. Однако при установке поперечных стержней путем установки их зажимов в продольные стержни возникают трудности в виде наличия костной ткани, препятствующей их размещению на продольных стержнях.

Разработанное устройство позволяет сокращению времени оперативного вмешательства и удобства установки боковых зажимов, при наложении поперечных стержней.

Keywords: transpedicular fixation, deformation correction, installation, transverse rod

Ключевые слова: транспедикулярная фиксация, коррекции деформации, установка, поперечный стержень

Введение.

В настоящее время, как у нас в стране, так и за рубежом, наибольшее применение получил метод транспедикулярной фиксации позвоночного сегмента по Catrel-Dubosset [1, с. 62]. Этот метод фиксации позвоночника осуществляется путем коррекции деформации позвоночника дистракцией, компрессией, перемещением и ротационным воздействием при помощи нескольких крючков или винтов, вводимых транспедикулярно, и двух продольных стержней, связанных двумя поперечными стержнями, для придания системе прямоугольной конфигурации. На рис. 1 приведено изображение позвоночника после установки продольных стержней 1 на транспедикулярных винтах. Продольные стержни связаны между собой поперечным стержнем - 2. Таким образом, система становится замкнутой, что определяет ее высокие механико-прочностные характеристики, за счет равномерного распределения нагрузок между продольными стержнями. После установки на педикулярных винтах, или крючках, продольных стержней, максимально приближенных к задним костным структурам позвоночника, возникают определенные трудности при установке между ними поперечных стержней. Поперечный стержень имеет прямоугольное сечение и крепится на продольном стержне с помощью зажимов поперечного стержня и блокирующих винтов. Учитывая, что продольные стержни располагаются, практически, на костной ткани позвонков, введение зажимов поперечного стержня штатными инструментами, входящими в состав стандартной системы стабилизации позвоночника, затруднительно. Близко расположенная костная, и хрящевая, ткань препятствуют установке зажимов, и без дополнительных силовых приемов собрать систему стабилизации не удастся, зачастую, необходимо применение молотка, или других подручных инструментов, что не предусмотрено конструкций держателя. Кроме того, для введения стержня поперечного, прямоугольного сечения, в зажимы поперечного стержня, необходимо соблюдать строгую их ориентацию в горизонтальной плоскости и под углом 90° поперечных стержней

относительно продольных стержней, поскольку даже незначительный перекосяк, допущенный при их установке, по прошествии определенного времени, приведет к усталостному перелому поперечного стержня. Штатный держатель зажима поперечного стержня «фирмы DEOST» [2, с. 7] взят нами за прототип. Удержание зажима поперечного стержня осуществляют введением рабочих концов держателя зажима поперечного стержня в канавки, выполненные на боковых поверхностях этого зажима. Конструкция держателя такова, что поперечный стержень, с его помощью, можно устанавливать только без приложения усилий, она не позволяет производить какие-либо манипуляции, тем более, с применением силового воздействия.

Суть разработанного устройства состоит в улучшении исходов лечения за счет сокращения времени оперативного вмешательства и удобства установки боковых зажимов, при наложении поперечных стержней, прямоугольного сечения, спинальных имплантов при лечении деформаций, и травм позвоночника. Эта суть заключается в том, что устройство для установки зажимов поперечного стержня спинальных имплантов содержит изогнутый стержень с ручкой на дистальном конце. На проксимальном конце стержня выполнено боковое утолщение. Проксимальный конец стержня выполнен резьбовым, и на нем установлена гайка с рифленой боковой поверхностью, при этом ось утолщения и ось резьбового стержня составляют прямой угол, а ось стержня, отклонена от оси резьбового стержня в сторону бокового утолщения не менее, чем на 30°, и расположена в одной с ними плоскости.

Наличие бокового утолщения на проксимальном конце стержня увеличивает прочность устройства и позволяет наносить по нему удары без опасения изменить его конфигурацию.

Выполнение резьбы на проксимальном конце устройства обеспечивает надежное соединение этого устройства с зажимом поперечного стержня спинальных имплантов.

Гайка с рифлением боковой поверхности служит контргайкой, усиливая надежность резьбового соединения при манипуляциях в момент установки.

Рифления по боковой поверхности гайки позволяют производить ее затяжку без применения инструмента.

Усиленное контргайкой, соединение устройства с зажимом поперечного стержня, позволяет производить установку зажимов на продольные стержни импланта с применением силового воздействия, гарантирует сохранение этого соединения.

Прямой угол между осями утолщения и резьбового стержня обеспечивает необходимое направление приложения силы при установке зажима на продольные стержни импланта.

Отклонение оси стержня от оси резьбового стержня в сторону утолщения не менее, чем на 30° при расположении всех осей в одной плоскости, позволяет хирургу производить силовые манипуляции устройством без перекрытия руками, и ручкой устройства, операционной раны, визуальнo контролировать процесс установки.

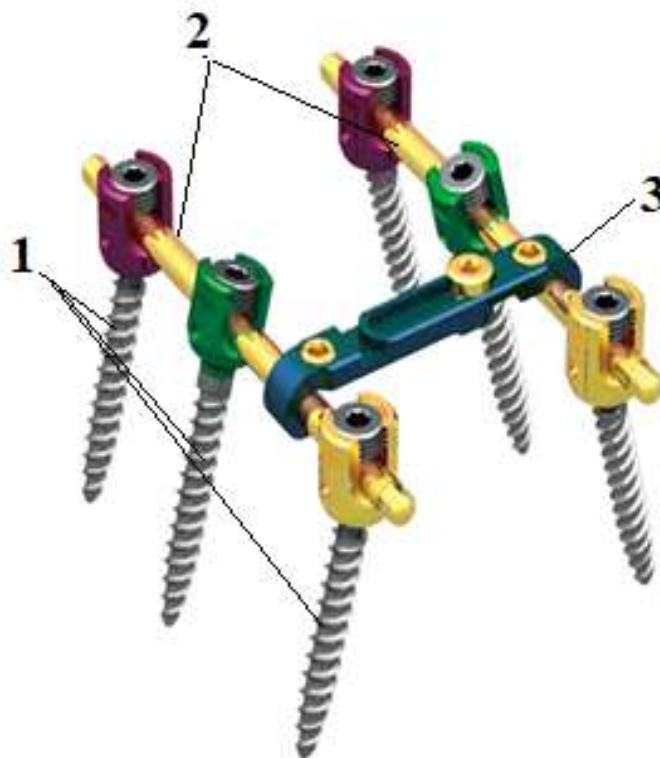

Рис. 1. Вид транспедикулярной конструкции, установленной на позвоночнике пациента, где 1- транспедикулярный винт, 2 - продольный стержень, 3- зажим поперечный стержень.

Устройство для установки зажимов поперечного стержня спинальных имплантов состоит из стержня 1, на проксимальном конце стержня 1 выполнено утолщение 2, проксимальный конец 3 стержня выполнен резьбовым, и на нем установлена гайка 4 с рифлением боковой поверхности. На дистальном конце стержня 1 установлена ручка 5.

Устройство используется следующим образом (Патент РФ № 153550).

После монтажа продольных стержней спинального импланта на транспедикулярных винтах или, или крючках, и устранения деформации

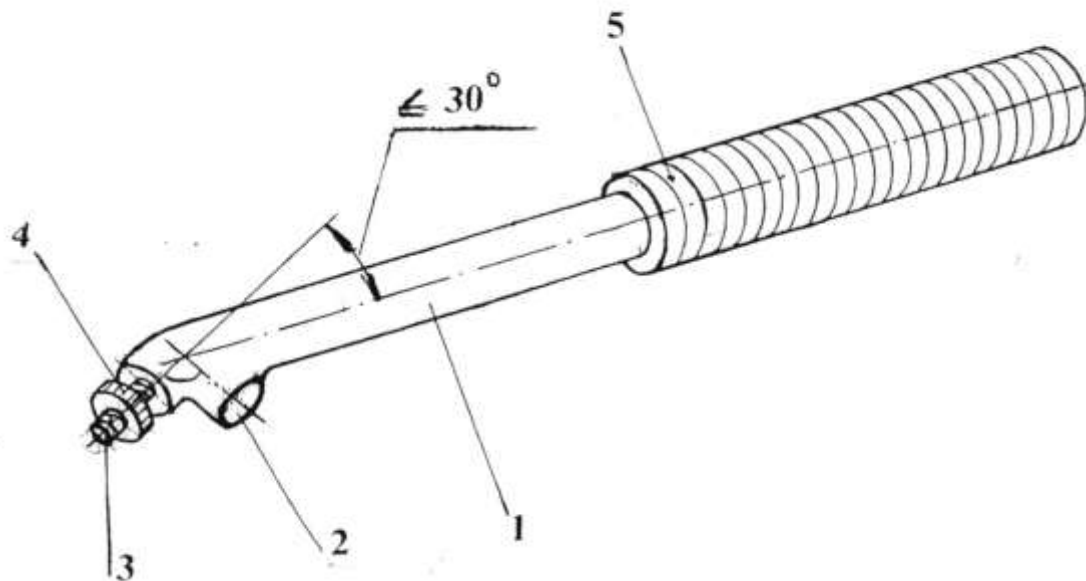

Рис. 2. Общий вид устройства, где 1 - стержень; 2 - боковое утолщение на стержне;
3 - резьбовой конец стержня; 4 - гайка; 5 - ручка устройства

позвоночника, производят установку поперечных стержней прямоугольного сечения, для чего зажим поперечного стержня освобождают от штатного винта. Гайку 4 навинчивают по резьбовому концу 3 устройства для установки зажимов поперечного стержня спинальных имплантов, ближе к утолщению 2, используя рифления на боковой поверхности, освобождая конец, на который устанавливают, по резьбе, зажим поперечного стержня таким образом, чтобы проксимальный конец устройства не выходил за внутреннюю сторону зажима. Фиксируют (контрят) винтовое соединение гайкой 4, свинчивая его по резьбовому концу 3 до плотного соприкосновения с боковой поверхностью зажима поперечного стержня, держа руку за рифления на боковой поверхности. Производят установку зажима поперечного стержня на стержень продольный с использованием предлагаемого устройства. При необходимости силового воздействия - ручку 5 используют как рычаг, и применяют подручные

средства. Аналогичную манипуляцию выполняют на контрлатеральной стороне спинального импланта, причем зажимы поперечного стержня должны располагаться на одном уровне так, чтобы при установке поперечных стержней их расположение относительно продольных стержней было строго перпендикулярным. По окончании установки стержней, в зажимы поперечного стержня устанавливают штатные винты зажима поперечного стержня.

Список литературы:

1. Dubousset, J. Recidived une scoliose lombaire et dun basin oblique apres fusion precoce: Le phenomene de villebrequin / J. Dubousset // Preceding Group etudd de la scoliose. Lyon, France: CRF Massues, 1973.
2. Каталог фирмы «Деост», Имплантаты для позвоночника; Система стабилизации позвоночника; шейные пластины.

DEVICE FOR OSTEOSYNTHESIS OF THE APOPHYSES OF THE INNER EPICONDYLE OF THE HUMERUS**Skvortsov A.,***Doctor of Medical Sciences**State Autonomous Healthcare Institution "Republican Clinical Hospital of the Ministry of Health of the Republic of Tatarstan"**Chief Researcher**Candidate of Medical Sciences***Andreev P.,***Kazan State Medical Academy - a branch of the federal state budgetary educational institution of additional professional education "Russian Medical Academy of Continuing Professional Education" of the Ministry of Health of the Russian Federation**Docent***Khabibyanov R.,***Doctor of Medical Sciences**State Autonomous Healthcare Institution "Republican Clinical Hospital of the Ministry of Health of the Republic of Tatarstan"**Head of the Research Department***Maleev M.***Candidate of Physical and Mathematical Sciences**State Autonomous Institution of Health "Republican Clinical Hospital of the Ministry of Health of the Republic of Tatarstan"**Leading Researcher***УСТРОЙСТВО ДЛЯ ОСТЕОСИНТЕЗА АПОФИЗОВ ВНУТРЕННЕГО НАДМЫШЦЕКАПЛЕЧЕВОЙ КОСТИ****Скворцов А.П.***Доктор медицинских наук**Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканская клиническая больница Министерства здравоохранения Республики Татарстан»**Главный научный сотрудник***Андреев П.С.***Кандидат медицинских наук**Казанская государственная медицинская академия – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «российская медицинская академия непрерывного профессионального образования» МЗ РФ**Доцент***Хабибьянов Р.Я.***Доктор медицинских наук**Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканская клиническая больница Министерства здравоохранения Республики Татарстан»**Заведующий научно-исследовательским отделом***Малеев М.В.***Кандидат физико-математических наук**Государственное автономное учреждение здравоохранения «Республиканская клиническая больница Министерства здравоохранения Республики Татарстан»**Ведущий научный сотрудник*<https://doi.org/10.5281/zenodo.15754180>

Abstract

The formation of pseudoarthrosis after osteosynthesis of the apophyses of the inner epicondyle of the humerus is a rare complication of the treatment and indicates a violation of the methods of synthesis of the fragment to its bed. Among these errors that occur during osteosynthesis of the apophyses of the inner epicondyle of the humerus, the following were identified: the use of intramuscular needles as an osteofixer, the use of spokes held in parallel, the use of spokes without the presence of thrust pads on them.

In order to treat pseudoarthrosis of the area of the inner condyle of the humerus, as well as long-standing tears of the apophyses of the inner condyle of the humerus, we have developed a device for the treatment of this type of injury. The repeated successful use of this device in clinical practice allows us to recommend it for use in a wide clinical network.

Аннотация

Формирование псевдоартроза после остеосинтеза апофизов внутреннего надмыщелка плечевой кости является редким осложнением проведенного лечения и свидетельствует о нарушении способов синтеза отломка к своему ложу. Среди этих ошибок, возникающих при остеосинтезе апофизов внутреннего надмыщелка плечевой кости выявлены следующие: применение в качестве остеофиксатора внутримышечных игл, применение спиц проведенных параллельно, применение спиц без наличия на них упорных площадок.

С целью лечения псевдоартроза области внутреннего надмыщелка плечевой кости, а также застарелых отрывов апофизов внутреннего надмыщелка плечевой кости нами разработано устройство для лечения данного вида повреждений. Многократное успешное применение данного устройства в клинической практике позволяет рекомендовать его для использования в широкой клинической сети.

Keywords: apophyses, internal epicondyle, pseudoarthrosis, osteofixator, thrust pad

Ключевые слова: апофизов, внутренний надмыщелок, псевдоартроз, остеофиксатор, упорная площадка.

Введение

В настоящее время для остеосинтеза апофизов плечевой кости используются различные металлоконструкции - винты, спицы [1, с. 278]. Однако их использование нежелательно в детском возрасте из-за необходимости повторной операции для удаления конструкций. Применение стабильного остеосинтеза апофизов плечевой кости особенно оправданно при формировании ложного сустава в области перелома. Мы наблюдали 6 пациентов с развитием псевдоартроза, развившегося после перенесенного апофизолиза внутреннего надмыщелка плечевой кости. Развитие псевдоартроза способствовал нестабильный остеосинтез, выполненный иглой инъекционных шприцов или параллельное проведение тонких спиц с последующим формированием диастаза в зоне перелома.

Некоторыми авторами с целью остеосинтеза апофиза внутреннего надмыщелка плечевой кости применяют аппарат Илизарова [2, с. 10], состоящий из кольцевых и полукольцевых опор, резьбовых стержней, спиц. Однако опасность повреждения магистральных сосудов и крупных нервных стволов, а также громоздкость конструкции делает применение метода ограниченным.

С целью лечения апофизолизом внутреннего надмыщелка плечевой кости, а также псевдоартрозов этой области развившихся после перенесенной травмы нами предложен аппарат внешней фиксации. Он состоит из пластины, оснащенная продольной прорезью и рифлением по одной поверхности, имеет на отклоненных концах поперечные прорезы, ориентирующий узел, выполненный в виде скобы кубовидной формы, имеет паз под пластину и захваты, причем контактная с пластиной поверхность ориентирующего узла оснащена ответным рифлением, а на противоположной рифлению стороне на

ориентирующем узле выполнена выемка под цилиндрическую шайбу, установленную в выемке с возможностью вращательного перемещения и фиксации, при этом отверстие шайбы соосно отверстию в ориентирующем узле, через которые проведена спица натягивающего узла, несущая упор, пружину и фиксатор (Патент РФ N 2163102).

Выполнение продольной прорези на пластине обусловлено тем, что угол проведения спицы, фиксирующей апофиз плеча, может быть различным, в связи с чем спица может быть проведена через различные отделы прорези.

Рифление, выполненное на одной стороне пластины, необходимо для возможности после перемещения ориентирующего и натяжного узлов стабилизировать их положение за счет ответного рифления контактной с пластиной поверхности ориентирующего узла.

Выполнение концов пластины отклоненными с поперечными прорезями обеспечивает возможность ориентации направления спицевой тяги под различными углами к оси костного сегмента за счет выноса костных стержней.

Ориентирующий узел как элемент аппарата необходим для обеспечения ориентации спицы с упором относительно натяжного узла и создания компрессии в области перелома строго вдоль проведенной спицы, то есть под углом 90° к линии перелома, что создает наилучшие условия для консолидации. Изготовление отверстия шайбы соосно отверстию в ориентирующем узле обеспечивает прохождение сквозь них спицы с упором с ориентацией ее под необходимым углом. Общий вид устройства для остеосинтеза апофизов плечевой кости представлен на рис. 1. На рис. 2 представлено устройство в разобранном виде, на рис. 3 - принципиальная схема работы устройства.

Устройство для остеосинтеза апофизов плечевой кости содержит пластину 1, установленную на костных стержнях 2, оснащенную продольной прорезью 3 и рифлением по одной поверхности 4. Пластина имеет на отклоненных концах 5 поперечные прорезы 6. Ориентирующий узел 7, выполненный в виде скобы кубовидной формы, имеет паз (не показан) под пластину 1 и захваты 8, причем контактная с пластиной поверхность ориентирующего узла

оснащена ответным рифлением 9, а на противоположной рифлению стороне на ориентирующем узле выполнена выемка 10 под цилиндрическую шайбу 11, установленную в выемке 10 с возможностью вращательного перемещения и фиксации, при этом отверстие 12 шайбы 11 соосно отверстию 13 в ориентирующем узле 7, через которые проведена спица натягивающего узла 14, несущая упор 15, пружину 16 и фиксатор 17.

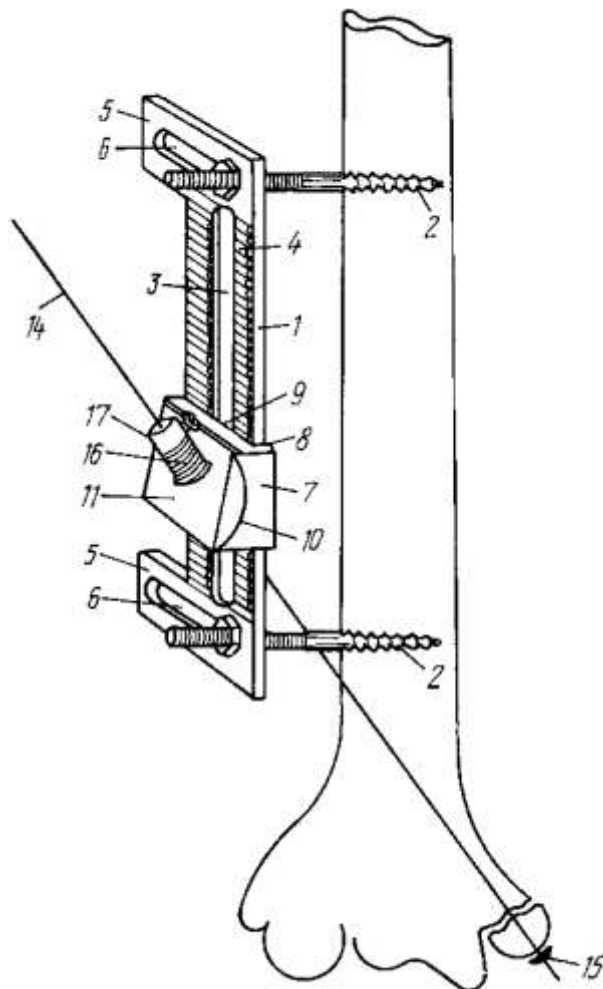

Рис. 1. Общий вид устройства для остеосинтеза апофизов плечевой кости

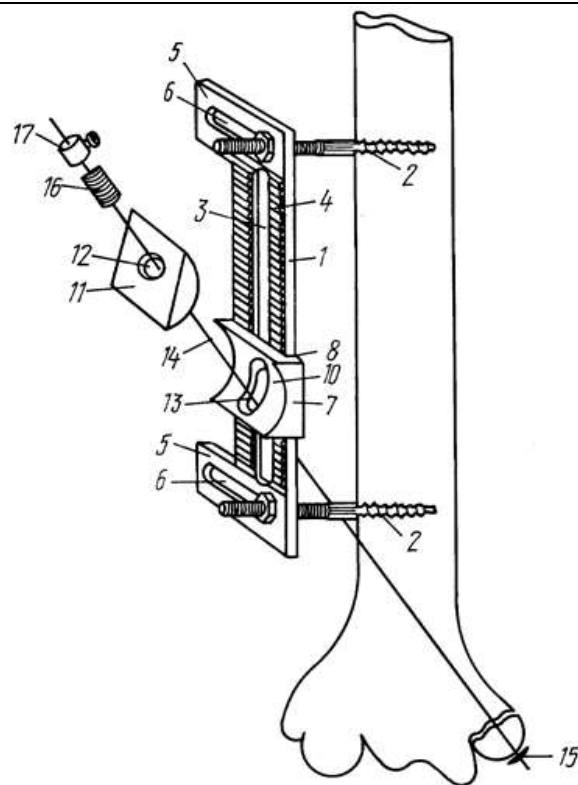

Рис. 2. Устройство в разобранном виде

Устройство для остеосинтеза апофизов плечевой кости используют следующим образом. После открытой репозиции фиксируют апофиз плечевой кости (например, внутренний надмыщелок плечевой кости) к своему ложу шилом. Затем через апофиз проводят спицу 14, несущую упор 15, так чтобы упор лежал на поверхности оторванного апофиза и фиксировал его к месту отрыва (ложа). Противоположный упору конец спицы 15 выводят на наружную поверхность плеча противоположной оторванному апофизу стороны. На него надевают пластину 1 продольной прорезью 3, а также ориентирующий узел 7, через отверстие 13. Вводят в

кость костные стержни 2 таким образом, чтобы они совпадали с поперечными прорезями 6, и фиксируют к ним пластину 1 с помощью гаек. Передвигая ориентирующий узел 7 по пазу, обеспечивают ориентацию спицы 15 на пластине 1. Далее на спицу 14 одевают цилиндрическую шайбу 11 отверстием 12, которую устанавливают в выемку 10. За счет натяжения пружины 16 и фиксатора 17 осуществляют фиксацию ориентирующего узла 7 на пластине 1 (в соответствии с направлением угла проведения спицы). Компрессия в зоне перелома осуществляется за счет пружины 16.

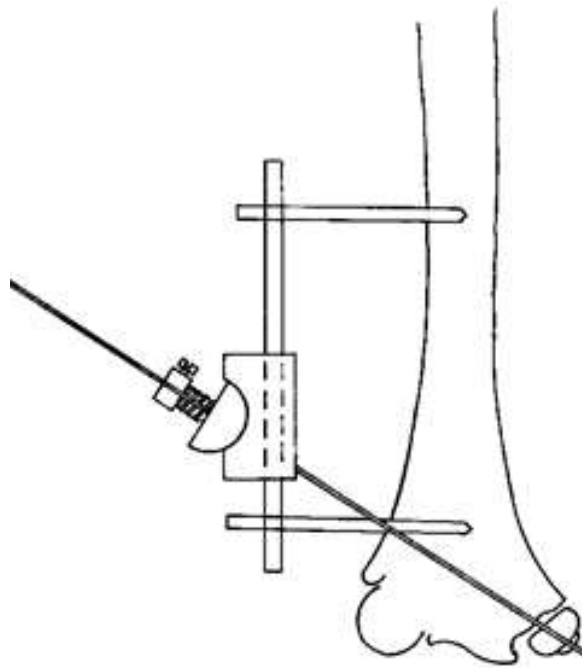

Рис. 3. Принципиальная схема работы устройства.

Клинический пример: Б-ой В-в, 12 лет. Диагноз: Закрытый вывих костей предплечья, апофизеолиз внутреннего надмыщелка плечевой кости (рис. 4). При поступлении произведено закрытое вправление вывиха костей предплечья в локтевом

суставе (рис. 5). Отрывной перелом внутреннего надмыщелка был диагностирован через 2 недели. Через 17 дней произведен открытый остеосинтез внутреннего надмыщелка плечевой кости АВФ (рис. 6)

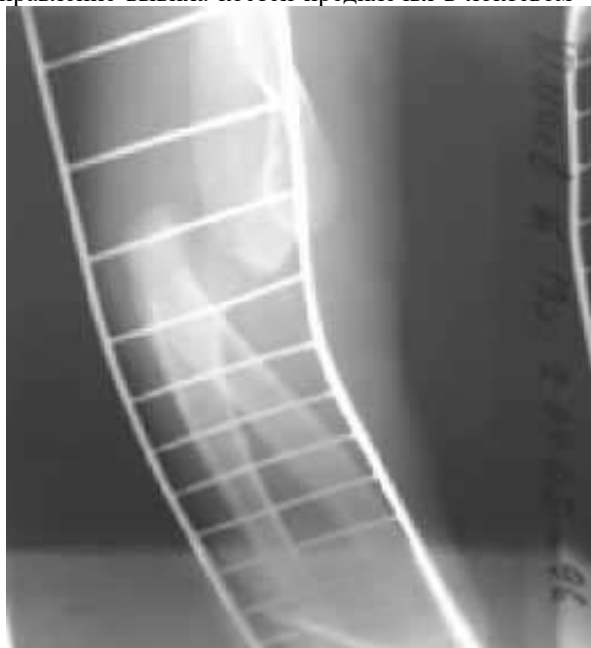

Рис. 4. Рентгенограмма пациента Б-ой В-в, 12 лет. Диагноз: Закрытый вывих костей предплечья, апофизеолиз внутреннего надмыщелка плечевой кости

Рис. 5. Рентгенограмма пациента Б-ой В-в, 12 лет. Диагноз: Закрытый вывих костей предплечья, апофизеолиз внутреннего надмыщелка плечевой кости. После вправления вывиха

Рис. 6. Рентгенограмма пациента Б-ой В-в, 12 лет открытый остеосинтез внутреннего надмыщелка плечевой кости АВФ (рис. 6)

Рис. 7. Вид пациента Б-ой В-в, 12 лет в процессе лечения с наложенным АВФ.

Вывод

1. Формирование несрастающихся переломы внутреннего надмыщелка плечевой кости, а также их псевдоартрозов внутреннего надмыщелка плечевой кости у детей обусловлено врачебными ошибками при его фиксации: проведение слишком тонких остеофиксаторов в виде внутримышечных игл, или проведение штатных спиц Киршнера без упорных площадок или без соответствующего их перекреста.

2. При лечении несвежих, замедленно срастающихся, несрастающихся переломы внутреннего надмыщелка плечевой кости, а также их псевдоартрозов внутреннего надмыщелка плечевой кости у

детей показано применение методов лечения, обеспечивающих стабильную фиксацию и раннюю функцию в локтевом суставе. Предложенный способ лечения малотравматичен, обеспечивает условия сращения перелома и раннее восстановление функции в локтевом суставе.

Список литературы:

1. Травматология и ортопедия / Под ред. Г.С.Юмашева. - М.: Медицина, 2012.
2. Закрытый чрескостный остеосинтез внутри- и околоуставных переломов дистального конца плечевой кости у детей: методические рекомендации / Под редакцией Г.А. Илизарова. - Курган, 1985.

PEDAGOGICAL SCIENCES

THE CURRENT STATE OF THE USE OF MODERN MONITORING AND EVALUATION IN HIGHER EDUCATION

Aslanova G.,

Ganja State University "Pedagogy and methodology of education" teacher of the department

Isgandarova R.,

Ganja State University "Pedagogy and methodology of education" teacher of the department

Mammadova V.

Ganja State University "Pedagogy and methodology of education" teacher of the department

<https://orcid.org/0009-0005-0987-4198>

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15754184>

Abstract

In the modern era, highly educated professional personnel form the foundation of a country's intellectual potential in the education system. In the higher education system, in order to cultivate a well-rounded individual—one who possesses comprehensive knowledge, skills, habits, and abilities; is independent in thinking; and upholds national, moral, and ethical values—it becomes necessary to develop new approaches to teaching and training, monitoring the activities of higher education institutions, evaluating the performance of staff, and assessing students' achievements in the learning process. Monitoring in the education system reveals that, as stated in the "State Strategy for the Development of Education in the Republic of Azerbaijan" (2013), the role of newly emerging reforms is not limited to merely shaping the knowledge and skills acquired by students. The knowledge and skills obtained in the educational process, as well as ethical and moral norms and values, create the necessary conditions for each student to become a worthy member of society. These qualities enable them to become exemplary colleagues through their knowledge and ethical behavior, responsible family members, and model citizens.

Keywords: Monitoring, quality, educational, knowledge, teaching

On the Approval of the Education Reform Program of the Republic of Azerbaijan. Based on the decree of the National Leader Heydar Aliyev, a new stage of development in the field of education has begun. The main principle of the education reforms carried out in our republic was the creation of a secular education system and making the education process its main focus. The implementation of these reforms serves to improve the quality of education in the country and integrate the national education system into the global education system. Therefore, mechanisms must be established to conduct monitoring and comprehensive evaluations in the field of education. Monitoring and evaluation serve as a control function for quality development. Regular observations aimed at improving quality must be conducted, and positive trends during the transition phase should always be tracked. Monitoring and evaluation can be considered tools for measuring the quality of the pedagogical process and its individual aspects.

To make the goals of the applied education system and educational institutions a reality, it is essential to solve the following key issues: strengthening the regulatory framework, ensuring the effective use of collected data, utilizing new educational content, aligning the level of preparedness with the demands of market relations, employing a new economic model to ensure the efficiency of learning systems, and scientifically substantiating new approaches and methods in the teaching process. In accordance with the requirements of modern education models, teacher training should also be a priority. These approaches, in turn, require a more objective assessment of the quality of education

outcomes, observation of the education system, and implementation of new evaluation mechanisms in the teaching process. [5]

The assessment of students' knowledge, skills, and competencies within the classroom is conducted based on the following criteria:

- ❖ The results of tests determining the actual level of knowledge and skills;
- ❖ The conscious application of knowledge and skills in practical activities;
- ❖ The level of studying textbooks and supplementary literature related to the subject;
- ❖ The degree of independence and creative approach to work;
- ❖ The completion level of homework assignments;
- ❖ Adherence to safety regulations during practical tasks.

The internal school assessment of students' knowledge and skills is carried out based on the guidelines prepared and sent to schools by the Ministry of Education. Despite effective work being done in recent years to improve the evaluation system—such as tracking the development dynamics of students' grades, conducting qualifying exams in upper grades, organizing seminars, administering periodic test questions, and checking written assignments—the existing traditional assessment methods do not allow for an objective evaluation of students' academic achievements. This is because traditional assessments rely on calculating an average of current grades to determine final scores. This gradually hinders students' development, discouraging

them from acquiring deeper and broader knowledge and skills in the long run. As a result, assessment loses its formative function, and students become more inclined to focus on learning only the easily understandable parts of a topic rather than gaining a complete understanding of it.

It has been determined that the shortcomings and deficiencies in the existing grading system, which has been used in schools for a long time and is well understood by teachers, can be eliminated by applying formative (formative) assessment methods. Unlike summative assessment, formative assessment provides students with the opportunity to revisit and improve their knowledge. In other words, students who have not learned or have weakly grasped certain materials can review them again during the final weeks of the semester or academic year and improve their grades. Formative assessment can be conducted through oral and written tests on learned topics and sections, assigning research papers on specific subjects, and engaging students in creative projects. [6]

In recent years, the implementation of quality management and monitoring assessment systems in higher education institutions in Azerbaijan has been closely linked to the future governance of the country. For this reason, the development of education and the improvement of quality have always been publicized and mutually analyzed. Until recently, no program or methodological approach was developed regarding the creation of positive trends in education through the application of monitoring and assessment systems. However, in the current period, the education system has become more developed and relevant.

Analyzed pedagogical experience shows that some specialists believe that the real educational outcomes of higher education institutions are necessary only for universities, industry leaders, and the parents of students. However, such views in the field of education can lead to misdirection of education outcomes. It should be noted that life itself shapes this direction. The improvement of education quality must be developed in connection with real life. It should be remembered that schools alone cannot fully meet the demands of social stakeholders. Today, the main goal of higher education institutions should be to prepare students for modern life. [7]

As stated in the educational concepts and state programs adopted in our country, improving the quality of higher education, implementing assessment and monitoring mechanisms, and comparing our education system with the higher education institutions of other countries hold primary importance. To achieve these goals, higher education institutions must first define their objectives, clearly establish their tasks in accordance with these objectives, and organize their work within an operational program that enables them to meet the needs of social stakeholders, students, and their parents.

The primary direction of modernizing all educational institutions in our country is to improve the quality of teaching, education, and upbringing processes in schools. Conducting regular monitoring and evaluation

mechanisms in schools is one of the essential conditions for achieving this. From this, we can conclude that achieving high-quality education is closely related to the management of the pedagogical process.

In an era of rapid information flow, the most important factor for improving the quality of education, training, and teaching processes is the regular implementation of monitoring and evaluation in schools and the use of new methods in these processes. The key criteria for the monitoring and evaluation mechanism include the proper development of its parameters, indicators, and content. The main objectives of the monitoring and evaluation mechanism are not only to correct the results of the given process but also to track and make necessary adjustments to its positive and negative changes in real-time. [7]

Achieving quality in education requires implementing the following processes:

- ✓ Creating a democratic education system by ensuring quality at all levels of education;
- ✓ Taking into account students' personal qualities and interests to create an individualized education process using various educational programs from different institutions;
- ✓ Establishing a competitive education system based on the quality of educational programs and services in the country;
- ✓ Developing modern education programs that meet the personal and diverse characteristics of students in educational institutions;
- ✓ Organizing training across all educational fields.

The quality of monitoring and evaluation in education is determined by the consistency and objectivity of the information used. The collected data should be promptly delivered to education experts for decision-making. Therefore, the dissemination of information is a key focus in the implementation of monitoring and evaluation.

In summary, monitoring and evaluation in higher education institutions, as well as in every educational institution, should be meticulously planned while considering relevant factors. The quality assurance process should be continuously monitored, ensuring that high educational standards are maintained. Only then can we talk about achieving high-quality education.

Ramiz Mammadzadeh, in his book *"Quality in Education as a Leading Direction,"* discusses the importance of assessment and highlights that the results of the educational process must be clearly measured and defined. He states that educational measurement involves evaluating specific operational characteristics and ensuring an objective approach to assessing learning outcomes. [8]

References:

1. "Assessment Concept in the General Education System of the Republic of Azerbaijan" Approved by the decision of the Cabinet of Ministers of the Republic of Azerbaijan on January 13, 2009. Baku, 2009.
2. Aghayev Ə.Ə. "Means and Methods of Personality Education in Azerbaijani Socio-Pedagogical Thought" (Historical-Theoretical Aspect). // Scientific

Works of the Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, 2004, No.1, pp. 43-53.

3. Aghayev Ə.Ə. "Evaluation of Student Behavior" // Azerbaijani School, Baku, 1986, No.6, pp. 11-15.

4. "Education Reform Program in the Republic of Azerbaijan" Decree of the President of the Republic of Azerbaijan on its approval. President of the Republic of Azerbaijan Heydar Aliyev, Baku, June 15, 1999. Baku, Chashioglu, 1999.

5. "Azerbaijan 2020: A Vision for the Future Development Concept" (Decree of the President of the Republic of Azerbaijan dated December 29, 2012) // Azerbaijan Teacher newspaper, January 20, 2013.

6. Constitution of the Republic of Azerbaijan. Baku: Qanun, 2002.

7. Education Law of the Republic of Azerbaijan. Baku, 2009.

8. "State Strategy on the Development of Education in the Republic of Azerbaijan" Decree of the President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev, dated October 24, 2013 // Khalq newspaper, October 25, 2013.

9. "Azerbaijani National Explanatory Encyclopedic Pedagogical Dictionary." Baku, 2005.

10. "State Strategy on the Development of Education in the Republic of Azerbaijan" // Curriculum, 2013, No.4.

INTEGRATION AND ACTIVATION OF KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD IN A COURSE ON SPEAKING A FOREIGN LANGUAGE AT AN ADVANCED STAGE OF LEARNING**Khorokhordina O.***PhD in Philology, Professor, Russian Department,
Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)***ИНТЕГРАЦИЯ И АКТИВИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ О МИРЕ В КУРСЕ ПО ГОВОРЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ****Хорохордина О.В.***кандидат филологических наук, профессор, кафедра русского языка,
Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Республика Корея)
<https://doi.org/10.5281/zenodo.15754186>***Abstract**

The author reflects on the achievements of modern linguistics and pedagogy and his own experience in developing and implementing teaching manuals on speaking Russian at the Hankuk University of Foreign Studies in the Republic of Korea. The author identifies the proven principles of selection, presentation and organization of educational material in the manual, and also shows the effectiveness of using "Flipped classroom" pedagogical technologies and near-peer tutoring of students in order to integrate and enhance knowledge about the socio-cultural reality of the people whose language students learn.

Аннотация

Автор осмысляет на фоне достижений современной лингвистики и педагогики собственный опыт разработки и внедрения в преподавание пособия по говорению на русском языке в университете иностранных исследований Хангук в Республике Корея. Автор вычленяет доказавшие свою обоснованность принципы отбора, представления и организации учебного материала в пособии, а также показывает эффективность использования педагогических технологий "перевернутый класс" и взаимобучения студентов в целях интеграции и активизации в общении знаний о социокультурной реальности народа, язык которого студенты изучают.

Keywords: Russian as a foreign language, speaking, advanced learning, integration and activation of knowledge, "flipped classroom", near-peer tutoring

Ключевые слова: Русский язык как иностранный, говорение, продвинутый этап обучения, интеграция и активизация знаний, «перевернутый класс», взаимобучение

1. Исходные положения и постановка проблемы

Изучение иностранных языков, в том числе русского языка как иностранного (далее – РКИ), в университетах мира сегодня, как правило, предполагает, что студентам предлагается широкий выбор теоретических курсов по лингвистике, литературе, географии, политике, социологии, экономике и другим аспектам жизни региона функционирования изучаемого языка в их синхронном и диахронном освещении и набор дисциплин, обеспечивающих практическое освоение чтения, аудирования, письма, говорения на изучаемом языке, а также разных видов переводческой деятельности.

Иными словами, сегодня университеты нацелены на обучение иностранным языкам в рамках интегративного подхода, ориентированного на «целостное представление совокупности объектов, явлений, процессов, объединяемых общностью как минимум одной из характеристик, в результате чего создается их новое качество» [6, с. 17], в данном случае возникает новый объект изучения – лингвокультура – на стыке знания языка, наук об обществе и его культуре, в рамках которой данный язык функционирует.

В идеале в результате освоения лингвокультуры у студента должна быть сформирована вторичная языковая личность, максимально приближенная к представителю изучаемой лингвокультуры по владению языком и связанными с его использованием социокультурными нормами в регионе его функционирования [см. об этом, например: 16]. Немаловажно также, чтобы в процессе обучения происходило осмысление и усвоение студентом значимых различий между нормами родной и изучаемой лингвокультур, поскольку это обуславливает формирование межкультурной компетентности, которая «в сфере РКИ выражается, в нашем понимании, в готовности инофона, следуя нормам русского речевого поведения в соответствии с параметрами коммуникативной ситуации, эффективно участвовать в общении на русском языке на разные темы с различными представителями современной русской лингвокультуры, а также с представителями других лингвокультур, использующих русский язык как средство межкультурного общения, при соблюдении толерантности к их актуальным представлениям и ценностям» [17, с. 153].

Однако в практике университетского образования такой результат в полном объёме достигается редко. Происходит это по целому ряду причин. Прежде всего малое количество часов на освоение каждой из академических дисциплин, большие учебные группы, объединение студентов в которые происходит по критерию единого года обучения, а не по близости уровня владения изучаемым иностранным языком – совокупность этих трёх неблагоприятных факторов препятствует активному участию каждого учащегося в коммуникации на занятиях, а значит, тормозит интеграцию и функционализацию знаний – перевод знаний из пассивного запаса в оперативное употребление при восприятии и порождении речи на изучаемом иностранном языке.

Кроме того, в университетском языковом образовании малое количество обязательных предметов при большом количестве предметов по выбору обуславливает, с одной стороны, столь желаемую обучающимися и педагогическим сообществом индивидуализацию образовательного процесса, но с другой стороны, снижает целостность системы знаний по специальности. Студенты одной специальности и одного года обучения оказываются в ситуации распределённого знания (*distributed cognitions*) [см. об этом: 21].

Если добавить к этому такие проблемы, как быстрое устаревание учебных материалов в интенсивно меняющемся мире; ограниченные возможности пребывания студентов в регионе функционирования изучаемого языка, существенное различие между родной и изучаемой лингвокультурами, то становится очевидным, что формирование вторичной языковой личности и межкультурной компетентности у студентов, изучающих иностранные языки в университете, требует преодоление существенных препятствий.

Иными словами, сегодня в преподавании иностранных языков остро стоит проблема интеграции и функционализации социокультурных и собственно языковых знаний студента, формирования умений их уместного и целостного применения в общении на изучаемом иностранном языке, что указывает на **актуальность темы данной статьи**.

Цель данной статьи – представить теоретическое осмысление и практические решения обозначенной выше проблемы на основе личного опыта автора, приобретённого в ходе создания учебного пособия «О себе и о России» и внедрения его в практику преподавания в курсе говорения на русском языке для студентов продвинутого этапа обучения в университете иностранных языков Хангук в Республике Корея.

2. Объект преподавания в курсе говорения на продвинутом этапе обучения РКИ

В современной методике преподавания иностранных языков доминирует когнитивно-коммуникативный подход. Возникает вопрос: при таком подходе «что мы преподаем, или, по крайней мере, должны преподавать под названием «языка»? Ответ гласит: **язык как отображение социокультур-**

ной реальности (выделено мною. – О.Х.). Культурную специфику общности, язык которой мы преподаем, составляет в большей мере система смысловых единиц, конструирующая образ мира и выступающая в деятельности как ориентировочная основа, нежели система речевого реагирования или речепорождения. Этот образ мира построен не из вербальных, а скорее из предметных значений. И на уроке языка мы призваны построить у учащихся новый образ мира» [10, с. 11].

Но что значит «построить новый образ мира»? Это значит, что, обучая студентов словам, конструкциям, текстам на иностранном языке, мы обязательно одновременно формируем у них представления о реалиях, понятиях, ценностях, правилах взаимодействия людей, использующих данный язык как инструмент коммуникации. Иными словами, преподаватель обязан не только обучить студента языковым и речевым нормам изучаемого иностранного языка, но и сформировать у него соответствующую когнитивную базу, то есть «совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [8, с. 45]. Это обязывает преподавателя быть постоянно погружённым в поток актуальных текстов на преподаваемом им иностранном языке, поскольку именно в них отражаются – эксплицитно и имплицитно – языковые и внеязыковые знания и представления, циркулирующие сегодня в данной лингвокультуре и касающиеся как её настоящего, так и её истории.

В связи со сказанным сделаем два замечания о значении термина «текст» при его употреблении в данной статье. Во-первых, текст понимается нами вслед за Т. М. Николаевой как «осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации» [11, с. 507], и мы будем использовать термин текст в данной статье не только отношению к собственно вербальным целостным связным сообщениям, но и к поликодовым, то есть передающим информацию как средствами естественного языка, так и иными изобразительными (диаграммы, рисунки, фотографии, видео) и звуковыми (музыка) средствами [15, с. 117]. Во-вторых, любой текст рассматривается нами в единстве с социокультурной реальностью, с одной стороны, в которой он был создан, с другой стороны, которую он изображает (несовпадение этих реальностей явно проступает, например, когда мы знакомимся сегодня с текстами прошлых эпох, переводными текстами, текстами о жизни в неизвестных нам уголках мира и т.п.), то есть текст рассматривается нами в дискурсивном аспекте, а дискурс понимается нами вслед Н. Д. Арутюновой как «речь, погружённая в жизнь» [1, с. 137]. Таким образом, пособие «О себе и о России» по говорению на русском языке строится в парадигме изучения русского языка как иностранного на дискурсивной основе [см. 12 – единственный известный нам учебный комплекс по РКИ, созданный на подобных лингвокогнитивных основаниях].

Любой текст (как собственно вербальный, так и поликодовый), представляет собой сложное образование, которое может быть охарактеризовано по множеству параметров (например, по актуальности языка: современный / исторический; форме речи: устный / письменный; по количеству участников общения: монологический / диалогический / полилогический; по типу общения: межличностное, групповое, массовое; а также по коммуникативным намерениям автора, тематике, соотношению эксплицитной и имплицитной информации, стилистике, связи с другими текстовыми произведениями и многое другое). Набор параметров текста при рассмотрении его как учебной единицы дополняется лингводидактическими требованиями. В связи со сказанным выделим критерии отбора текстов для обучения иностранному языку вообще, и РКИ – в частности.

3. Критерии отбора материала для курса по говорению на русском языке как иностранном на продвинутом этапе обучения

Продвинутый этап обучения РКИ начинается, когда учащимися уже прочно освоены основы русской языковой системы, приобретены навыки и умения, обеспечивающие общение во всех видах речевой деятельности на русском языке, получены базовые знания о социокультурных нормах русского коммуникативного поведения. Продвинутый этап обучения РКИ направлен на формирование коммуникативной компетенции во всех сферах общения на столь высоком уровне, который позволял бы осуществлять коммуникацию на русском языке, работая «в качестве специалиста-филолога, переводчика, редактора, журналиста, дипломата, менеджера, ведущего свою профессиональную деятельность в русскоязычном коллективе» [5, с. 4]. Заметим, что именно с одной из перечисленных специальностей, как правило, сопрягают своё изучение РКИ студенты в университете Хангук.

Указанные лингводидактические требования влияют на критерии отбора материала для пособия «О себе и о России» к курсу говорения на продвинутом этапе обучения.

3.1. Содержательная и языковая актуальность текстовой основы курса

В пособии для курса по говорению тексты выступают источником информации, подлежащей восприятию и осмыслению в целях её интерпретации студентами в соответствии с изучаемыми темой и проблемами и учебными заданиями для дальнейшего представления на уроке в собственных устных высказываниях на иностранном (в нашем случае – русском) языке. Очевидно, что освоение языка в коммуникативных целях требует учебных материалов, отражающих его актуальное состояние.

В наши дни фактически повсеместно самым востребованным источником информации и самым используемым пространством межличностной и массовой коммуникации выступает интернет. Русский язык в интернете, как и в других российских масс-медиа, как свидетельствуют лингвистические

исследования, сегодня «не является одной из разновидностей национального языка, а представляет собой самостоятельную полноценную модель общенационального языка» [7, с. 138] во всех сферах его функционирования в жанрово-стилистической вариативности и тематическом многообразии, при этом «Российский интернет обнажает актуальные тенденции развития русского языка» [14, с. 7]. Исходя из сказанного, мы сочли логичным выбрать основой пособия для иностранных студентов по говорению на продвинутом этапе обучения именно сегодняшние российские интернет-материалы как в наибольшей степени соответствующие его целям, поскольку именно здесь фиксируется актуальными средствами русского языка сопряженная с ним актуальная картина мира.

3.2. Эмоционально-когнитивная аттрактивность и коммуникативная заряженность контента курса

Эффективность обучения говорению на иностранном языке как продуктивному виду речевой деятельности тесно сопряжена с личным откликом обучаемого на предлагаемые на занятиях темы, проблемы, ситуации общения. Поэтому выбор текстовых материалов из интернет-ресурсов, с одной стороны, должен отражать существенные для культуры изучаемого языка явления и процессы, с другой стороны, учитывать национальные и возрастные особенности и интересы студентов. Принимая во внимание распространение интернациональной академической мобильности студентов, выбор тем, проблем, ситуаций должен быть, на наш взгляд, одновременно относительно универсален, но в то же время иметь национальную вариативность. Это касается как когнитивного, так и эмоционального аспектов, причём при выборе эмоциогенных ситуаций мы ориентировались на результаты международных исследований, учитывая «доминирующие эмоциональные нормы, которые имеют характер императивов в повседневном опыте людей и служат продолжением социальных ценностей» [13, с. 25].

Так, в текстах нескольких тем курса реализуется характерный для молодёжи любой страны эмоциональный императив романтических отношений, демонстрируя разные стадии таких отношений и поднимая соответствующие вопросы. Например, если знакомство между молодыми людьми перерастает в более сложную ситуацию, включающую элементы проявления симпатии одним участником разговора и его стремление понравиться другому, то восприятие такого видеоматериала позволит выявить не только русские речевые модели, используемые в ситуации знакомства, но и пронаблюдать считающееся допустимым в подобной ситуации проявление настойчивости, откровенности намерений, уместность комплиментов, а также усвоить нормы употребления местоимений «Вы» и «ты» при обращении ранее незнакомых молодых людей друг к другу; кроме того, целесообразно проанализировать круг информации как личного плана, так и энциклопедического, раскрывающей сферы и ши-

роту интересов инициатора знакомства и формирующей его имидж как «культурного» человека, и целый ряд других моментов, стимулирующих сопоставление русского коммуникативного поведения в данной типовой ситуации с канонами поведения, свойственными лингвокультуре иностранца, изучающего РКИ. Анализ такого материала на занятии по говорению может быть использован не только для последующей реализации коммуникативной ситуации знакомства, но и для комментирования и обсуждения его студентами с учётом национальных норм реализации категории вежливости. В теме работы и карьеры в нашем пособии тот же императив романтических отношений оказывается сопряженным в сценарии предлагаемого короткометражного фильма с таким этическим вопросом, как использование личных симпатий для продвижения по карьерной лестнице. В теме, посвященной взглядам молодых людей на семейные традиции и современные формы брака, один из текстов содержит информацию о южнокорейском движении, пропагандирующем отказ молодёжи от романтических отношений. Наконец, в теме о месте литературы в мире современной молодёжи обсуждаются романтические отношения как вечная тема художественных произведений.

Для продвинутого этапа обучения характерен широкий круг тем, проблем и ситуаций, касающихся, во-первых, человека как личности в единстве его внешнего вида и внутреннего мира; во-вторых, человека в его социальных контактах и отношениях; в-третьих, человеческого общества в разнообразии сфер его функционирования [5].

Поэтому для 30-часового курса говорения на продвинутом этапе обучения нами были выбраны следующие темы, в которых раскрываются актуальные вопросы, волнующие современную молодёжь:

- знакомство молодых людей, вежливость, свобода контактов и личные границы; разговоры запросто: привычные темы и тематические ограничения; комментарии о поведении и внешности человека, комплименты, реакции;
- современная молодёжь в мире гаджетов и интернет-общения, использования искусственного интеллекта; польза и вред современных информационно-коммуникационных технологий;
- классическое профессиональное образование, онлайн-форматы, непрерывное приобретение современным человеком новых дополнительных компетенций в микрообучении; выбор профессии с учётом рыночной конъюнктуры, семейных традиций и персональных предпочтений молодого человека;
- достойное место работы в представлении молодого специалиста и взаимные требования и ожидания кандидатов на вакансии и работодателей; человек в коллективе: личные и профессиональные кооперативные и конфликтные взаимодействия; карьерный рост и карьеризм;

- пространство обитания современного человека; городская и сельская жизнь; мегаполисы и малые города; современные концепции организации городской среды, их преимущества и недостатки;

- внутренняя и внешняя красота человека, её составляемые; красота в жизни человека в представлении классиков русской литературы и в повседневной действительности современных обществ разных стран;

- молодой человек на пути к взрослой самостоятельной жизни: национальные традиции и личная система взглядов – совпадения и противопоставления; семейные ценности и отношения поколений; отказ молодёжи от романтики и построения семьи, демографические проблемы развитых стран; синглы, наслаждение уединением и проблема одиночества;

- человек и его судьба; повседневная рутина, осмысленные усилия человека по достижению жизненных целей; роль случайностей, меняющих ход жизни; материальное положение и социальный статус человека; успех и счастье;

- литература как зеркало жизни; история страны и судьба человека в художественном произведении;

- особенности поколения молодых людей в эпоху цифровизации; проблемы и перспективы молодёжи в бурно меняющемся современном мире.

Приведённый тематический перечень обобщённо и схематично отражает содержание набора текстов, использованных в данном курсе по говорению в качестве его учебной основы.

Подчеркнём несколько важных содержательных характеристик отобранного материала.

Прежде всего каждая изучаемая тема фрагментирована и проблематизирована, предстаёт в текстах курса в представлении и раскрытии проблемных вопросов и ситуаций, апеллирующих к разуму и эмоциям учащихся, чем обеспечивает вариативность содержательной стороны предполагаемых реактивных высказываний студентов на занятиях по говорению на русском языке.

Вместе с тем обращение к микротемам, ситуациям, проблемам, однажды заявленным в курсе, может возобновляться в последующих его темах, с одной стороны, обеспечивая частичное повторение в употреблении ранее изученного тематического и ситуативного языкового и речевого материала, с другой стороны, раскрываясь в иных аспектах (например, в официальном и неофициальном общении; в среде молодёжи и более зрелых поколений и др.), чем стимулирует студентов к порождению новых высказываний на русском языке.

Отметим ещё один немаловажный с нашей точки зрения момент: данный курс по говорению в своей текстовой основе и заданиях строится так, что обсуждение животрепещущих проблем современного нестабильного мира позволяет студентам увидеть их возможные решения, а позитивный заряд контента курса через эффект «эмоционального заражения» [см. об этом, например: 9] поддерживает веру студентов в себя и в лучшее будущее.

3.3. Жанрово-стилевое разнообразие контента курса

Выбор материалов для обучения говорению на продвинутом этапе обучения нами осуществлялся из разных типов интернет-ресурсов: электронные версии традиционных средств массовой информации (газеты, телевидение, радио) и новых масс-медиа (видеоматериалы ютюба; текстовые каналы блогеров; сайты литературного творчества).

В результате в курс были включены устные и письменные монологи, диалоги, полилоги, а именно:

- фрагменты радио- и телепередач (новостных и публицистических);
- художественные короткометражные фильмы;
- видеоблоги;
- фрагменты научных исследований и научно-популярных публикаций;
- документы международных организаций;
- фрагменты газетных интервью выдающихся людей из сферы бизнеса, науки, кино, литературы;
- статьи и посты блогеров;
- литературные произведения;
- афоризмы;
- комментарии пользователей к публикациям в интернете;
- инфографика (диаграммы, схемы, таблицы);
- фотографии и рисунки;
- музыкальные и песенные фрагменты.

Приведенный перечень типов учебных материалов, используемых в обучении говорению на русском языке, свидетельствует о том, что студентам предлагаются образцы официальной (публицистической, деловой, научной), полуофициальной (общение в сфере обслуживания; общение писателя на встрече с читателями и др.), разговорно-обиходной речи неформальное повседневно-бытовое общение), различающиеся по типу изложения информации авторами: тяготеющие к объективности и глубоко субъективные, эмоционально нейтральные и эмоционально окрашенные.

Иными словами, жанровое многообразие текстового учебного материала обеспечивает широкий охват стилевых регистров современного русского литературного языка (за исключением находящихся за пределами всеобщего употребления единиц арго, жаргонов, просторечия, территориальных диалектов), что соответствует специфике продвинутого этапа обучения иностранному языку. Дополнительными аргументами при отборе текстов для нашего пособия «О себе и о России» для курса говорения на русском языке послужили: композиционная прозрачность, позволяющая студенту следить за логикой изложения, воплощенной в тексте; соответствие имплицитной информации текстов знаниям студентов о действительности; наличие в текстах вербализованных речевых моделей, способных служить образцами для студентов при построении ими собственных монологических и диалогических высказываний на русском языке.

Такой подход к отбору учебных материалов соответствует фундаментальным лингвистическим

исследованиям о речевых жанрах как базовой единице любого речевого общения. Введший в научный оборот понятие речевого жанра М. М. Бахтин убедительно показал, что «формы языка мы усваиваем только в формах высказываний и вместе с этими формами. Формы языка и типические формы высказываний, то есть речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом. Научиться говорить — значит научиться строить высказывания (потому что говорим мы высказываниями, а не отдельными предложениями и, уж конечно, не отдельными словами). Речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические)» [2, с. 448-449].

3.4. Вариативность средств передачи информации в контенте курса

Молодое поколение, к которому относятся и студенты, проводит существенную часть своего времени в интернет-среде, где преимущественно не вдумчиво читает определенные тексты, а «скроллит» разнородные материалы (печатные и звучащие тексты, видео, картинки, фото), быстро перемещая их на экране своих гаджетов, что, по наблюдениям исследователей, привело к тому, что для «цифрового» поколения молодёжи привычным стал клиповый характер коммуникации [см. об этом, например: 3]. Поэтому каждая тема нашего пособия раскрывается не только через звучащие и письменные вербальные короткие тексты, но и через связанные с ними визуальные материалы. Вариативность средств передачи информации позволяет студенту получить через рисунки, фото, видео представление о реалиях русской действительности и сформировать обобщённые образы людей, предметов, населённых пунктов, жилых и офисных помещений; получить представление о необъятных российских пространствах в их климатическом и природном многообразии; увидеть стихии и рельефы, растительность и животный мир. Видеоматериалы также позволяют наблюдать актуальные ситуации речевого социокультурного взаимодействия русских в реальной динамике и формировать представление о характерных для русской лингвокультуры сценариях действия в различных жизненных ситуациях. Встречающееся в интернет-материалах, отобранных для данного курса, вербальные описания фрагментов русской действительности: людей, пространства, объектов быта и природы, повествования о действиях и взаимодействиях людей, социальных событиях, природных катаклизмах, объяснение сущности явлений и понятий, комментирование идей, аргументация точки зрения и изложение выводов, предписание, что и как делать в той или иной ситуации – всё это становится более представимым для иностранца, поскольку он не только получает вербальную информацию, но и воспринимает и усваивает зрительные и/или звуковые образы различных реалий действительности изучаемого языка.

Иными словами, в пособии по говорению на русском языке в каждой теме «мозаика» материалов, в которых фрагменты русской реальности в их

актуальном и/или историческом состоянии передаются вербальными и невербальными (визуальными и аудиальными) средствами, существенно способствует интеграции поликодовой информации в сознании студентов в адекватные представления и концепты изучаемой лингвокультуры, о которых одновременно на занятиях студенты учатся говорить, активизируя усвоенные представления и используя в качестве речевых образцов текстовые фрагменты, обеспечивающие необходимые вербальные средства.

3.5. Культурная специфичность и межкультурная рефлексия в контенте курса

Курс говорения на русском языке строится прежде всего на материалах, представляющих русскую и российскую действительность, в том числе в документальном ключе. Например, в теме о преимуществах и недостатках городской и сельской сред обитания человека включены два видео: видеосюжет российского блогера об истории формирования и применения концепции городов 15-минутной доступности и репортаж из другого блога, снятый в российской глубинке в течение зимнего снежного дня и рассказывающий о трудовой и бытовой жизни семьи автора, недавно переехавшей из города в деревню и создающей собственное фермерское хозяйство с нуля.

Однако наряду с исключительно русскими материалами, в данный курс мы включили некоторые русскоязычные материалы, содержащие интерпретацию российской действительности представителями иных лингвокультур. Поскольку данный курс говорения на русском языке преподается в университете Хангук в Сеуле, то прежде всего мы выбрали несколько материалов авторов из Кореи. Так, фоном для выявления роли семьи в российской жизни послужили два резко контрастирующих между собой текста о семье в Корее: фрагмент книги Ким Су «Как живут корейцы» о нерушимых корейских семейных традициях, переведенной на русский, и публикация блогера Alyona Bel о том, как она, россиянка, и корейский молодой человек вступили в брак, при этом нарушив многие корейские традиции, но тем не менее смогли выстроить теплые отношения с корейскими родственниками, которые с энтузиазмом помогают молодой интернациональной семье воспитывать их 3 дочек; в другом уроке пособия стимулом для обсуждения вопросов продвижения по карьерной лестнице послужил короткометражный художественный фильм «Макияж» (2013), снятый на русском языке и являющийся дипломной работой при выпуске из московского вуза с отделения режиссуры корейского студента Чжун Сок Ву; для сопоставления представлений о счастье и успехе в русской и корейской лингвокультурах был приведен фрагмент интервью на русском языке аспиранта Ли Дон Хи из Кореи, опубликованный в петербургской газете.

В университете Хангук обучаются студенты из разных стран мира, и некоторые из них выбирают данный курс по развитию говорения на русском языке. В связи с этим в курс были включены и рус-

скоязычные материалы международных организаций, например, рейтинг стран по уровню счастья, составленный ООН, и социологические комментарии к нему; художественный текст Д. Каралиса «Самовар графа Толстого», где действуют в схожих ситуациях герои из разных стран Европы; афоризмы о судьбе человека, принадлежащие известным философам, литераторам, общественным деятелям разных стран и народов.

Такого рода материалы обеспечивают студентов образцами высказываний по обсуждаемой теме, проблеме, ситуации на русском языке и в то же время служат эффективной основой для контрастивного анализа разных социокультурных реальностей, активизируя дискуссии в классе, причём ранее полученные знания о России неизбежно эксплицируются средствами русского языка в сопоставительных высказываниях иностранных студентов.

4. Лингводидактические основы организации обучения иностранных студентов русскому языку в рамках курса по говорению

Педагогический дизайн курса по говорению на русском языке на продвинутом этапе обучения по материалам пособия «О себе и о России» сделан с направленностью на то, чтобы стимулировать активное участие в курсе каждого студента, независимо от его уровня владения языком.

4.1. Педагогическая модель смешанного обучения «перевернутый класс»

Данный курс был разработан автором в электронном виде с ориентацией на модель смешанного обучения «перевернутый класс» (“flipped classroom”), что предполагает в ходе подготовки к предстоящему уроку самостоятельное освоение предоставленных преподавателем в цифровом виде материалов теоретического и практического плана в качестве домашней работы, а затем активное обсуждение проблем учебного контента в коллективной (групповой) работе на занятии в живом контакте с преподавателем и другими студентами группы [подробнее об этом см., например: 18].

В соответствии с этой педагогической моделью еженедельно один из разделов нашего учебного пособия, содержащий тексты по теме предстоящего урока, представляющие её в наборе микро-тем и проблем при вариативности их оценки, а также задания, языковые и речевые упражнения и ориентировочные вопросы для высказываний в разных речевых жанрах на уроке, размещается на образовательной платформе университета с расчётом на самостоятельное их освоение студентами.

4.2. Контекстный метод работы с языковым и речевым материалом

Предполагается, что студент не только ознакомится с текстовыми материалами как источниками информации, но и, опираясь на специальные задания, вычленил вербальные средства, подходящие для его высказывания по теме на русском языке, и выполнит предлагаемые упражнения, формирующие навыки и умения их употребления. Таким образом, освоение русской тематической и ситуативной лексики, необходимой грамматики, речевых

клише, оформляющих жанровые рамки высказываний, идет на контекстной основе [см. об этом, например: 19], то есть в функциональном, а не в системно-языковом ключе, обеспечивая студента необходимыми средствами выражения его мысли из воспринимаемых письменных и устных текстов непосредственно в связи с изучаемой темой на базе представляющих ее в курсе текстов, репродукция необходимых фрагментов которых, например, в качестве аргументов мысли студента, и приводит к усвоению русской грамматики в её непосредственной связи с тематической лексикой.

4.3. Репродуктивная стратегия работы с материалами курса

Усвоение русских речевых клише, например, определения понятия, характеристики объекта, комментирования и др. происходит также на основе анализа того, как это делают авторы русских текстов. Так, например, из фрагмента видеоблога о пользе и вреде интернета ясно извлекается текстовая рамка рассуждения автора, включающая ряд речемыслительных операций: представление бытующего в обществе мнения, приведение аргумента, подтверждающего его обоснованность, приведение противоположного мнения и комментария к нему, формулирование собственной точки зрения, частично объединяющей разные взгляды, изложенные выше, в качестве итогового вывода. Так студент, применяя данную рамку для собственного высказывания по проблематике урока, усваивает модель целого текстового фрагмента, оформляя логику развития мысли русскими речевыми средствами. Репродуктивную стратегию усвоения языкового и речевого материала, базирующуюся на контекстном восприятии речевых образцов и их многократном повторении в иных аналогичных коммуникативных ситуациях, исследователи считают особенно эффективной на продвинутом этапе обучения [4, с. 57-64].

4.4. Развитие критического мышления

Проблемность текстов и система заданий стимулируют активность студентов в освоении и осмыслении контента курса по говорению на русском языке, несомненно, способствуя развитию у них критического мышления, ибо каждый урок не только выделяет ряд вопросов, но и направляет студента на самостоятельный поиск индивидуального ответа на них на основе персонального восприятия предлагаемой в текстах информации на фоне собственной системы ценностей и личного опыта.

4.5. Развитие гибких умений (soft skills)

Благодаря проработке текстового материала урока и заданий к нему самостоятельно в виде домашней работы студенты приходят на занятия готовыми непосредственно участвовать в говорении, то есть занятие по говорению сохраняет свой обозначенный профиль, не превращаясь в урок по смысловому восприятию устных и письменных текстов.

Однако, несмотря на домашнюю подготовку к уроку, у некоторых студентов неизбежно остаются трудности в понимании исходных текстов, как пра-

вило, в силу того что им не хватает социокультурных знаний, которые, возможно, есть у других студентов, и тогда в ходе урока необходимый комментарий выстраивается в результате обмена информацией между студентами: распределенные между студентами знания активизируются и интегрируются в речи на русском языке. Это показывает, что данный курс выполняет важную роль в развитии гибких умений студентов. Кроме непосредственного развития коммуникативных умений, что является прямой целью данного курса, он в существенной мере способствует формированию навыков работы в коллективе.

4.6. Взаимобучение (near-peer tutoring)

В группах по изучению русского языка на продвинутом уровне университета Ханкук обычно 20 или более студентов, при этом около половины – уроженцы бывших стран СССР, и некоторые из них используют русский язык в повседневного общения в социуме и/или в семейном кругу. Эти студенты не просто имеют высокий уровень владения русским языком и отсутствие трудностей в говорении, но и, как правило, точно понимают русские социокультурные нормы поведения, представление о которых с советских времен сохраняется во многих постсоветских странах, что позволяет им безошибочно интерпретировать мотивы действий героев в текстах курса, точно воспринимать их эмоции и предсказывать их реакции на определенные ситуации. При этом многие из таких студентов, пребывая в Корее, уже неплохо освоили корейский язык и изучают переводческое дело. С такими студентами корейские студенты организуются в мини-группы по 2-4 человека, совместно готовятся к занятиям по говорению на русском языке и на занятиях получают полезные подсказки от своих более продвинутых в понимании русской лингвокультуры одноклассников. Корейские же студенты, в свою очередь, подсказывают более точные формы выражения идей своим «русскоязычным» помощникам, которые осваивают корейский язык. Такое взаимобучение, взаимный near-peer tutoring [см. об этом, например: 20], приносит пользу обеим сторонам и существенно экономит время на занятии по говорению, когда возникает необходимость устранения трудностей, препятствующих интерпретации какого-либо фрагмента русской лингвокультуры.

Небезынтересно отметить, что часто у корейских студентов есть необходимые для адекватного восприятия какого-либо фрагмента текста знания, но без дополнительного объяснения они не опознают ситуацию русской действительности, к которой эти знания приложимы. Показателен пример, связанный с вышеупомянутым фрагментом фильма, где парень проявляет настойчивость, желая познакомиться со случайно встретившейся ему в городе девушкой. Все корейцы знают, что русские более прямолинейны, открыты и контактны в общении, чем корейцы, но 100 процентов корейских учащихся, наблюдая за ситуацией словесного флирта девушки и парня, оценивают поведение молодого человека как невежливое, в то время как 100 про-

центов выходцев из постсоветских стран безошибочно понимают по приветливым и беззаботным улыбкам молодых людей, по исходящему от девушки предложению перейти в общении на «ты», что флирт происходит в рамках допустимого и никто из коммуникантов не чувствует себя дискомфортно.

Таким образом, работа с поликодовым контентом с комментариями со стороны студентов, знающих русские социокультурные и речевые нормы не по лекциям, а непосредственно из действительности, позволяет более эффективно формировать у иностранных студентов-русистов межкультурную компетенцию.

4.7. Формы контроля как отражение сущности курса

Контроль усвоения материалов курса проводится в 2 этапа: в 15-недельном семестре на 8 неделе студенты проходят промежуточную аттестацию на основе материалов первых 7 недель обучения, на 15 неделе – итоговую аттестацию по материалам всего курса, но с фокусом на изученное в период 8-14 недель.

Студенты за 2 недели до каждой из аттестаций получают от преподавателя в электронном виде для самостоятельной проработки 4 документа: 1) общую информацию о содержании и тайминге экзамена, месте и форме его проведения, принципах оценки; 2) график индивидуального участия студентов в беседе с преподавателем (устная часть экзамена); 3) примерный перечень тем, проблем и вопросов для устной части экзамена; 4) пробный вариант письменного теста без ответов; а за неделю до экзамена публикуется ещё один документ – пробный вариант теста с ответами.

Письменный тест направлен на контроль усвоения тематической лексики, способов выражения коммуникативных интенций и грамматических конструкций в ситуативно-контекстном употреблении в фрагментах монологических и диалогических высказываний разных стилей; тест содержит 10 заданий, оценивается в 50 баллов, его выполнение рассчитано на 40 минут.

Устная беседа состоит из 2 заданий:

1 задание – подготовленное высказывание по одному из текстов курса (репродукция с творческим преобразованием информации; продолжительность не более 2-3 минут). Например, охарактеризуйте и сравните девушек-героинь короткометражного фильма «Другие люди» (режиссёр К. Косолапов; Россия; 2015) и выскажите своё мнение о том, почему и зачем авторы выбрали таких героинь для своего фильма; или: сформулируйте проблему, о которой говорит в своём интервью российский писатель Д. Гранин, прокомментируйте его мнение о ценностях жизни и их отражении в литературе и выразите свой взгляд на проблему, о которой говорит Гранин.

2 задание – свободная беседа с преподавателем по изученным темам (не более 5 минут; ведётся аудиозапись беседы). Например, по теме «Успех и счастье в жизни человека» студенту преподаватель может задать примерно такие вопросы: Что такое

для Вас успех? Всегда ли успешный человек счастлив? Что, по-Вашему, делает человека успешным и что – счастливым? Ваше личное представление об успехе совпадает с мнением об этом Ваших родителей и Вашего общества? А с представлением об этом россиян? Как, заканчивая нашу беседу, Вы ответили бы на вопрос: счастье и успех – это синонимы?

Таким образом, формы контроля также способствуют интеграции и активизации знаний студентов при говорении на русском языке.

5. Заключение

Подготовка эффективного курса по развитию речи на иностранном языке, в том числе по РКИ, направленного на интеграцию и активизацию применения в коммуникации на изучаемом языке полученных студентами знаний о сопряжённой с ним национально-социокультурной общности, невозможна без учета достижений современной лингвистики, регионоведения, лингводидактики, методики преподавания иностранных языков.

Осмысление собственного опыта разработки учебного пособия «О себе и о России» для студентов продвинутого этапа обучения к курсу говорения на русском языке и внедрение его в практику преподавания в университете Хангук в Сеуле позволило сформулировать принципы, на которые мы ориентировались при выборе материала, его лингвистической и методической интерпретации при создании учебных материалов и организации их использования в обучении и оправданность которых подтвердилась практикой применения нашего пособия в преподавании.

Прежде всего имея цель интегрировать разрозненные знания студентов и активизировать их применение в коммуникации на русском языке, курс целесообразно строить на дискурсивной основе, объединяющей собственно языковой и социокультурный аспекты, и проводить отбор актуальных интернет-материалов аттрактивной для молодежи тематики, проблематики при преобладании в них нейтральной и позитивной эмоциональной тональности. Формированию межкультурной компетентности студентов будет способствовать представление в текстах тем курса как глазами россиян, так и в интерпретации, погружённых в российскую действительность иностранцев; курс может быть полезно дополнить и материалами о положении дел по отношению к затрагиваемым темам и проблемам за пределами российского пространства.

В соответствии с современными тенденциями наиболее эффективной представляется поликодовая подача информации в пособии и минимальный объём текстов при их информативной достаточности.

Внедрение нашего пособия в практику преподавания также потребовало проработки педагогических принципов.

В целях обеспечения фокусирования на говорении при работе в классе нами в качестве базовой технологии было выбрано смешанное обучение по модели «перевернутый класс», что определило

электронную форму предоставления учебных материалов студентам, при этом свою обоснованность доказала сценарная организация учебных материалов в пределах урока, заранее определяющая примерный ход предстоящей работы в классе.

Домашняя работа студента при подготовке к занятиям включает не только смысловое восприятие текстов и рефлексию над ними на фоне собственных знаний и опыта, но и контекстное освоение языковых материалов с опорой на задания пособия и их самостоятельную отработку в предлагаемых упражнениях.

Работа с текстовыми материалами курса строится с ориентацией на развитие критического мышления, предполагая и репродуктивное использование текстовых материалов в собственных высказываниях по темам и проблемам урока, что способствует эффективному усвоению языкового материала в единстве с выражаемым им содержанием.

Использованная педагогическая технология взаимобучения студентов группы активизирует формирование у студентов гибких умений (коммуникативных, кооперативных) и повышает в целом эффективность курса, стимулируя интеграцию всех знаний и умений студентов в процессе устного общения студентов на русском языке.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 428-472.
3. Вольфсон Ю. Р., Вольчина А. Е. Визуальное восприятие в современном обществе, или куда движется галактика Гуттенберга? // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 4 (48). С. 177–189. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vizualnoe-vospriyatie-v-sovremennom-obschestve-ili-kuda-dvizhetsyagalaktika-guttenberga> (дата обращения: 21.05.2025).
4. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования: монография. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 348 с.
5. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение. М.-СПб.: Златоуст, 1999. 44с.
6. Зимняя И. А., Земцова Е. В. Интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности выпускников вузов // Высшее образование сегодня. 2008. № 5. С. 14-19.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2007. 261 с.
8. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 216 с.
9. Кудряшов А. А., Симонян Л. Г. Феномен эмоционального заражения в психологии и психофизиологии (сообщение 1) // Психология. Психофизиология. 2019. Т. 12. № 4. С. 12–23.
10. Леонтьев А. А. Язык не должен быть чужим // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 9-12.
11. Николаева Т. М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 507.
12. Рогова К. А., Вознесенская И. М., Хорохордина О. В., Колесова Д. В. Русский язык. Учебник для продвинутых / под. ред. профессора К. А. Роговой. Вып. 1. СПб: Златоуст, 2014. 204 с.; Вып. 2. СПб: Златоуст, 2015. 288 с.; Вып. 3. СПб: Златоуст, 2015. 228 с.; Вып. 4. СПб: Златоуст, 2016. 292 с.
13. Симонова О. А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 2. С. 25-45.
14. Современный русский язык в интернете / Под ред. Я. Э. Ахапкиной, Е. В. Рахилиной. М.: Языки славянской культуры, 2014. 328 с.
15. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 115-123.
16. Филиппова О. В. Развитие вторичной языковой личности как фактор успешного обучения иностранных студентов в российском вузе // Интеграция образования. 2024. Т. 28. № 4. С. 641-655
17. Хорохордина О. В. Лингвистические основания и методические принципы современного учебника по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа обучения // Ценности и смыслы. 2018. № 5 (57). С. 152-165.
18. Bonk C. J., Graham C. R. (Eds.). Handbook of blended learning: Global perspectives, local designs. San Francisco, CA: Pfeiffer Publishing, 2006. 624 p.
19. Carter R., Hughes R., McCarthy M. Exploring Grammar in Context: Upper-intermediate and Advanced. Cambridge University Press, 2000. 304 p.
20. Morgan K. M., Northey E. E., Khalil M. K. The effect of near-peer tutoring on medical students' performance in anatomical and physiological sciences // Clinical Anatomy. 2017. Is. 7. P. 922-928.
21. Salomon G. (Ed.). Distributed Cognitions: Psychological and Educational Considerations. Cambridge University Press, 1997. 275 p.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

AXIOLOGICAL ANALYSIS OF THE SYSTEM OF VALUE AND INDIVIDUAL CHOICE POSSIBILITIES

Salmanova K.

Nakhchivan State University, Faculty of International Relations and Law, Department of Philosophy and Social Work, Nakhchivan, Azerbaijan

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-0758-8027>

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ВЫБОРА ЛИЧНОСТИ

Салманова К.

*Нахчыванский государственный университет,
Факультет международных отношений и права,
Кафедра философии и социальной работы, Нахчыван, Азербайджан
<https://doi.org/10.5281/zenodo.15754188>*

Abstract

The article notes that the axiological functions performed by the individual essentially form the basis of their worldview and activity. From the very beginning of life and the start of conscious activity, a person encounters a certain system of values. Goals and values occupy a central place in an individual's worldview. Absolute values (truth, humanism, kindness, beauty, justice, conscience, etc.) are, by their nature, fundamental modes of the human-world relationship system. In the course of life, the individual acquires a specific system of basic values. The key elements of this system are expressed through axiological functions such as life, death, love, freedom, moral duty, happiness, and the meaning of life.

Аннотация

В статье отмечается, что аксиологические функции, выполняемые личностью, по сути составляют основу её мировоззрения и деятельности. С самого начала жизни и с момента начала активной деятельности человек сталкивается с определённой системой ценностей. Основное место в мировоззрении личности занимает цель и ценности. Абсолютные ценности (истина, гуманизм, доброта, красота, справедливость, совесть и др.) по своей сути являются фундаментальными модусами системы отношений между человеком и миром. В процессе жизнедеятельности личность приобретает определённую систему базовых ценностей. Основные элементы этой системы выражаются в аксиологических функциях, таких как жизнь, смерть, любовь, свобода, нравственный долг, счастье, смысл жизни.

Keywords: choice, value, personality orientation, activity

Ключевые слова: выбор, ценность, ориентации личности, деятельность

Выбор, в том числе система ценностей, требует несколько более подробного социально-философского и аксиологического анализа. Качественные характеристики конкретных форм и видов деятельности личности обусловлены не только объективными условиями, существующими в обществе, и системой общественных отношений, но и сложившейся системой ценностных предпочтений. Общественная деятельность, как важнейший компонент социальной реальности, играет первичную и определяющую роль в процессе формирования ценностной ориентации личности. В этом смысле ценностная ориентация является необходимым и основополагающим элементом структуры человеческой деятельности. Она оказывает определяющее влияние на все сферы деятельности личности, её внутреннюю мотивацию.

Ценностная ориентация личности (или группы) представляет собой высший уровень социальной направленности, является ведущей целью её

жизнедеятельности и важным средством достижения этой цели. Под влиянием ценностной ориентации выбор ценностей осуществляется, с одной стороны, в соответствии с потребностями, интересами, идеалами и нормами общества и социальной общности, к которой принадлежит субъект. С другой стороны, выбор ценностей определяется также как биологическими потребностями субъекта, так и его личными потребностями, интересами, целями, усвоенными нормами и социальным опытом, сформировавшимися в конкретных исторических условиях его деятельности.

Потребности, как внутренняя побудительная основа активного отношения личности к действительности, являются исходным условием формирования ценностей. По своему происхождению потребности делятся на две группы: естественные и социальные. Хотя естественные потребности связаны с биологическими функциями организма, предметы, удовлетворяющие эти потребности у человека, носят социальный характер. К социальным

потребностям относятся потребности, связанные с социализацией личности. Эти потребности охватывают получение знаний, формирование трудовых навыков, освоение социальных норм, идеалов и т.д.

Ценностная ориентация также помогает человеку в выборе объекта познания. Она направляет внимание человека на осознаваемый предмет, выявляет значимость объекта для субъекта. Это свидетельствует о неразрывной взаимосвязи акта выбора и понятия значимости. Свойства предмета или явления выбираются в соответствии с объективным положением субъекта и приобретают ценностное значение.

Основой ценности является сам предмет, а её результатом — уровень ценности предмета. Ориентация человека на те или иные ценности неразрывно связана с оценением. Оценивающий человек выявляет, является ли оцениваемый объект полезным или вредным, красивым или безобразным, необходимым или ненужным, истинным или ложным. Поскольку оценивание связано с выбором того, что нужно человеку, оно подразделяется на следующие виды: научное, политическое, правовое, этическое, эстетическое, техническое, экономическое и др. Эти виды оценивания определяют направления преобразующей деятельности человека в мире.

Следовательно, в результате оценивания мы отбираем и выделяем предметы и явления, которые являются полезными, необходимыми и ценными для человека и общества. В этом отношении заслуживает внимания следующая мысль В.И. Бахштановского:

«В целом выбор как основная стадия целесообразной и целенаправленной социальной деятельности имеет два аспекта:

а) ценностная ориентация, основанная на мотивации;

б) реализация цели, основанная на выборе целесообразных средств и принятии решения.» [1, с. 12]

Выбор — это социальный и психологический акт, реальность. Процесс выбора представляет собой поиск и нахождение субъектом в конкретной социальной ситуации объекта, обладающего оптимальной значимостью, и принятие решения об использовании этого объекта для достижения поставленной цели. Ценностная ориентация является одним из условий принятия конкретного решения личностью.

В момент принятия решения ориентирующими источниками для личности выступают не только её субъективные качества, но и нормы и ценности социальной общности, коллектива, к которому она принадлежит. Выбор и усвоение социальных норм и ценностей личностью осуществляется с посредничеством референтной группы.

Мнение референтной группы играет для субъекта роль своеобразной призмы. Через эту призму он выбирает и оценивает значимые для него объекты, цели и задачи. По мнению А. Б. Петровского, референтность является социальной основой выбора. Он определяет референтные отношения как

форму субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. Таким образом, выбор и усвоение социальных норм и ценностей происходит не напрямую, а посредством их соотнесения с референтной группой [8, с.104-110].

Выбор, совершаемый личностью в процессе её деятельности, обусловлен определёнными факторами. Ю. И. Матвеев среди этих факторов указывает следующие:

а) характерные особенности социальной среды: социальные нормы и требования, уровень развития культуры, текущее состояние личности и др.;

б) качественные характеристики самого человека: потребности, интересы, склонности, способности, нужды.

Чтобы сделать «правильный выбор», необходимо наличие двух условий:

а) субъект выбора должен хорошо знать реальную обстановку, то есть обладать подробной информацией о множестве существующих альтернатив. Личность должна выбрать наиболее подходящий для себя вариант из множества равнозначных возможностей. Такой выбор требует от неё глубоких и всесторонних знаний и информации о различных видах и формах общественной деятельности, о конкретной исторической ситуации, а также о собственных возможностях, потребностях и способностях.

Характер, специфика и направленность ценностной ориентации определяются характером, содержанием и объёмом информации, содержащейся в используемых знаниях. Великий философ Аристотель справедливо утверждал:

«...только те поступки можно считать свободными, при которых человеку известны все условия и обстоятельства, относящиеся к совершаемому действию» [4, с. 41].

б) второе требование заключается в том, что субъект должен осознавать свои потребности, способности и ориентации.

Должна быть уверенность в том, что выбранный вариант является наилучшим в данной ситуации. Чем более зрелой является личность, тем лучше она знает себя, и, соответственно, тем более правильным становится её выбор» [2, с. 90].

Цель выбора и его реализация приводят к возникновению нового, исключительно важного элемента в процессе выбора — элемента социальной ответственности. Человек должен уметь предвидеть будущие последствия своей деятельности, осознавать её общественную значимость, уметь правильно соотносить личные и общественные интересы.

Таким образом, способность личности к правильному выбору ценностей проходит через следующие этапы:

а) постановка вопроса о необходимости выбора;

б) принятие правильного решения;

в) реализация сделанного выбора;

г) формирование у личности чувства ответственности за сделанный выбор и его осуществление.

Возможность и способность личности к выбору изначально определяется историческими условиями общественного развития. В этом процессе наблюдается общая тенденция: прогрессивное развитие общества увеличивает степень свободы выбора.

Мысли известного философа-антрополога П. С. Гуревича о выборе ценностей современным человеком также представляют большой интерес. Согласно его исследованиям, в современном обществе труд, который ранее считался высшей ценностью, больше не воспринимается как нечто священное. В наши дни человека гораздо больше интересуют развлечения, лёгкий заработок и накопление богатства, чем занятия трудом [3, с.90].

Сегодня существуют новые способы самореализации и обогащения. В жизни и мышлении современного человека происходят радикальные изменения, прежние ценностные ориентиры заменяются новыми. В наше время трудолюбие уже не является надёжным проводником в жизни. В обществе развитого капитализма протестантская этика (это, согласно которому Бог определил труд как предназначение человека, ожидая от него самоотверженности и трудолюбия) уже исчерпала себя и ушла в прошлое.

В феодализме проблемы выбора, по сути, не существовало. Весь жизненный путь человека заранее программировался социальной структурой общества, его нормами, обычаями и традициями. Эти условия определяли потребности индивида и его способность принимать решения.

В некоторых обществах внешнее регулирование и координация человеческой жизни постепенно ослабевают, и на их место приходят механизмы саморегуляции поведения личности и согласования собственных поступков. Наряду с этим возрастает уровень личной ответственности индивида и расширяются его возможности по выбору оптимального варианта собственного поведения.

Только свободная деятельность может быть творческой деятельностью. Эти два понятия находятся не только во взаимосвязи, но, можно сказать, тождественны. Если деятельность определяется волей и желанием действующего субъекта, то это — свободная деятельность; если же она не зависит от воли и стремлений субъекта, то такая деятельность не является свободной.

Если общество не предоставляет человеку возможности выбирать ценности, он должен молчать и считать себя рабом.

Происхождение свободного выбора кроется не только в самом человеке, но и в окружающем мире. Внутренняя свобода включает в себя осознание, выбор, свободу воли и ответственность.

На самом деле свобода — это возможность выбора. Если у человека есть возможность выбора, значит, он свободен. Возможность выбора позволяет субъекту выразить в своей активности личностные качества. Возможность выбирать те или

иные средства, условия деятельности, ставить перед собой различные цели делает человеческую деятельность ещё более свободной.

Понятие смысла жизни личности тесно связано с понятием свободного выбора ценностей. Понятие смысла жизни выполняет важную интегративную аксиологическую функцию. Свободный выбор ценностей отражает процесс поиска смысла, происходящий самостоятельно, а воля играет посредническую роль в определении субъект-объектных отношений. Выбор ценностей и воля определяют мышление и поведение человека. Выбор ценностей выступает как единственная форма человеческого «Я» и внутренней свободы [7, с. 77].

Именно поэтому под смыслом жизни следует понимать такое доминирующее направление общественного сознания или индивидуального сознания, которое проявляется в деятельности личности или социальной общности и обладает ценностным значением.

Одной из важнейших и наиболее сложных задач в процессе поиска смысла жизни личности является осознание и оценка её объективного социального положения. В этом смысле процесс ориентации личности на те или иные ценности неразрывно связан с оцениванием. Оценивающий человек выносит суждение о полезности или вредности, истинности или ложности, необходимости или ненужности оцениваемого объекта.

Человек не выбирает, к какой социальной группе принадлежать. Принадлежность к определённой социальной группе происходит объективно, независимо от воли и сознания индивида, и оказывает значительное влияние на формирование важнейших человеческих качеств личности как общественного индивида. Однако это не означает, что человек становится лишь орудием своего социального положения. Как личность и как индивидуальность, человек может определить своё отношение к ценностям группы, к которой он принадлежит — он может принять эти ценности, а может и не принять, он может согласиться со своими жизненными условиями в обществе, либо выбрать путь борьбы за их изменение на основе усвоенной новой системы ценностей.

Это означает, что люди не свободны в выборе объективных жизненных условий своей деятельности. Более того, объективные жизненные условия в большинстве случаев определяют круг интересов, стремлений и усилий человека. Однако наряду с этим люди обладают значительной свободой в определении направленности своей жизненной активности, поскольку на каждом историческом этапе существует не одна, а несколько реальных возможностей развития. Жизненная ситуация всегда альтернативна. Индивид свободен в выборе линии своего поведения. В результате люди могут либо воспользоваться той тенденцией общественного развития, которая для них полезна, либо противодействовать той, которая для них вредна.

В этом отношении заслуживает внимания следующая мысль К. А. Новикова:

«Я», то есть субъективный фактор — это не механическая совокупность усвоенного общественного бытия. «Я» — это творческое преобразование общественной среды. Понимание человеческой деятельности не только как изменения внешнего мира, но и как изменения самого себя составляет ядро субъективности в общественном развитии. В таком случае социальность выступает как иная сущность субъекта — как сущность, не совпадающая с предметной деятельностью» [6, с. 106–107].

В современную эпоху переоценка и переосмысление ценностей представляет собой многогранный и многослойный процесс. Считать, что он происходит исключительно в позитивном направлении, было бы неверно. Кроме того, изменения, происходящие в общественной и личной жизни, находят своё аксиологическое отражение в сознании личности и могут привести к определённым искажениям, заблуждениям, ошибкам и неправильному выбору ценностей.

На наш взгляд, не только среди молодёжи, но и среди пожилых людей можно встретить тех, кто не осознаёт смысла своей жизни и не понимает, зачем живёт. Люди, не осознающие смысла своей жизни и не умеющие правильно соотносить общественные и личные интересы, отдают предпочтение

таким ценностям, которые не способствуют развитию ни общества, ни самой личности.

Древнегреческий философ-софист Протагор справедливо говорил, что человек — мера всех вещей. В роли меры выступают именно ценности.

Список литературы:

1. Бакштановский, В.И. Моральный выбор личности: цели, средства, результаты/В.И. Бакштановский. — Томск: -1977. —246 с.
2. Qılıcov, İ.S. Fəaliyyət və dəyərlər seçimi/ İ.S.Qılıcov.- Bakı:-2005, -371 s.
3. Гуревич, П.С. Философская антропология/ П.С. Гуревич. —Москва: Омега —Л. -2010 -607 с.
4. Кон, И.С. Социология личности/И.С.Кон.- Москва:Просвещение,-1967.-317 с.
5. Матвеев, Ю.И. Социальная ориентация личности/Ю.И.Матвеев.-Ростов на Дону: изд-во Ростовского ун-та, -1990, -154 с.
6. Новиков, К.А. О некоторых аспектах проблемы свободного выбора.-Москва: Вопросы философии, -1972. №2, -102-111 с.
7. Пелипенко, А.А., Яковенко, И.Т. Культура как система/ А.А. Пелипенко, И.Т.Яковенко.- Москва: Человек, -1997. №5, -71-79 с.
8. Петровский, А.В. Личность, деятельность, коллектив/ А.В.Петровский. -Москва:Наука,-1982. -295 с.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

PSYCHOLOGICAL BARRIERS AND MOTIVES FOR THE FORMATION OF ENVIRONMENTALLY CONSCIOUS BEHAVIOR IN CONDITIONS OF URBANIZATION

Prisniakova L.,

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Psychology,
Dnipro Humanities University, Dnipro, Ukraine*

Agapova I.,

*Senior Lecturer at the Department of Psychology,
Dnipro Humanities University, Dnipro, Ukraine*

Pashko A.

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Dnipro Humanities University, Dnipro, Ukraine
<https://doi.org/10.5281/zenodo.15754190>*

Abstract

The Russian-Ukrainian war has triggered psychological and ecological challenges in Ukraine, particularly in urbanized regions, where stress, PTSD, and alienation from nature hinder the formation of ecological consciousness. Pollution from hostilities and ecosystem destruction exacerbate anxiety, reducing motivation for sustainability. Urbanization, information overload, and consumerist norms create barriers such as cognitive dissonance and a sense of helplessness, impeding eco-conscious behavior. In cities, where information saturation and technogenic environments weaken connections with nature, education and media integrate knowledge, emotions, and social norms, promoting sustainable practices like waste sorting or supporting cycling. Meanwhile, the war fosters empathy for nature and social solidarity, encouraging volunteer initiatives, such as restoring green spaces. Psychological comfort provided by green areas reduces stress and motivates action. Urban design integrating parks and recycling infrastructure enhances ecological awareness. Education and media, particularly social networks, play a key role in enlightening youth, shaping sustainability values through localized content. Formal education via project-based learning about pollution fosters responsibility, reflecting global educational strategies. Localized messages tailored to urban challenges reduce helplessness, increasing engagement. Strategies to overcome barriers include awareness campaigns, greening, and psychological support. An interdisciplinary approach combining psychology, ecology, and urban studies is essential for fostering a sustainable society amid war, promoting Ukraine's psychological and ecological recovery.

Keywords: urbanization, ecological consciousness, psychological barriers, sustainable behavior, environmental education.

1. Urbanization and its impact on ecological consciousness

The Russian-Ukrainian war, escalated on February 24, 2022, has caused significant psychological and ecological consequences for Ukraine's population, creating a complex array of stressors, particularly in urbanized regions. The war has led to mass displacement, infrastructure destruction, and a rise in psychological disorders such as anxiety, depression, and post-traumatic stress disorder (PTSD). The ecological crisis, driven by hostilities, includes soil, water, and air pollution with toxic substances and the destruction of natural ecosystems, intensifying feelings of disconnection from nature and psychological discomfort.

The psychological challenges of the war manifest in high stress levels due to life threats, loss of loved ones, and instability. Studies indicate a significant increase in PTSD, anxiety, and depression among Ukrainians, especially youth, due to ongoing shelling, air raid alerts, and economic hardships. The war's ecological consequences, such as pollution from explosions and infrastructure damage, like the Kakhovka Dam, further deteriorate mental health, sparking fears

of long-term health and environmental impacts. Alienation from nature in urban settings, as noted by Nisbet et al. [19], reduces ecological consciousness, complicating the adoption of sustainable lifestyles. Information overload and social pressures in cities also hinder ecological initiatives, as survival and safety remain priorities.

1. Despite these barriers, the war stimulates motivational factors. Empathy for nature, triggered by its destruction, can enhance intrinsic motivation for sustainability, as Steg suggests [27]. Social solidarity, heightened during the war, supports collective ecological initiatives, such as volunteer efforts to restore green spaces. Urban design, particularly the creation of parks and green corridors, plays a crucial role in reducing stress and enhancing psychological comfort, as confirmed by Kaplan's research [14]. Such spaces promote psychological recovery and encourage eco-conscious behavior.

Strategies to overcome these challenges include awareness campaigns via social media, effective in Ukraine, ecological education programs, and psychological support to address PTSD. Local initiatives, like

greening or recycling, strengthen social norms of sustainability. Psychological comfort in cities, facilitated by access to nature, reduces anxiety and supports ecological decisions, as Schultz notes [24]. Education and media, particularly platforms like Telegram, are pivotal in shaping ecological consciousness, especially among youth.

In conclusion, the war and ecological crisis create psychological barriers, such as stress and alienation from nature, but also foster motivation through empathy and solidarity. Urban design, education, and psychological support are key to building a sustainable society amid war, contributing to Ukraine's psychological and ecological recovery.

2. Psychological aspects of ecological consciousness in the urban context: scientific discourse

Ecological consciousness in the urban context is a complex psychological phenomenon shaped by the urbanized environment, social norms, and personal values. In cities, where technogenic landscapes dominate over natural ones, the psychological mechanisms of ecological consciousness gain particular relevance, as urbanization creates unique challenges and opportunities for fostering a sustainable lifestyle. This text analyzes the psychological aspects of ecological consciousness in urban settings, drawing on contemporary scientific discourse, and examines barriers, motivational factors, and strategies for overcoming them from an interdisciplinary perspective that integrates psychology, ecology, and urban studies.

Urbanization, encompassing a significant portion of the population, creates specific psychological conditions that influence the perception of ecological issues. The urban environment is characterized by information overload, limited access to nature, and a technogenic setting, which fosters alienation from the natural world. Research indicates that the loss of connection with nature reduces empathy for ecological issues and weakens motivation for sustainability. For instance, Nisbet et al. note [19] that urban residents, rarely interacting with natural objects, lose a subjective relationship with the environment, complicating the formation of ecological consciousness. Information overload distracts attention from ecological concerns, as daily challenges like transportation stress or economic instability dominate consciousness. Social pressure in urban communities, often dominated by norms of excessive consumption, also hinders sustainable behavior.

2. Scientific discourse emphasizes that ecological consciousness is formed through the interplay of cognitive, emotional, and behavioral components. Kollmuss and Agyeman [15] describe models of ecological consciousness where values of harmony with nature promote sustainable behavior, while anthropocentric attitudes, viewing nature as a resource, prevail in urban communities and, according to Gifford [10], contribute to ecological problems. Intrinsic motivation, rooted in values of nature preservation, is more enduring than external incentives, such as economic rewards, as noted by Steg and Vlek [27]. Awareness campaigns and social norms can enhance this motivation, fostering ecological behavior.

Psychological barriers to ecological consciousness in cities include a sense of helplessness, cognitive dissonance, and a lack of ecological education. A sense of helplessness arises when individual actions seem insignificant against global ecological challenges, reducing readiness to act. Cognitive dissonance occurs when urban residents recognize the importance of sustainability but maintain consumerist lifestyles due to convenience or social expectations. The lack of ecological education, as highlighted by Yarovenko S. and Ploshchenko Y. [33], limits knowledge about the human-nature relationship, hindering the development of an active civic stance. These barriers are amplified in urbanized settings due to limited access to nature and the dominance of technogenic values.

3. Motivational factors include social norms, intrinsic values, and psychological comfort. Positive examples, such as waste sorting or using public transport, promote the spread of ecological behavior through social influence. Research shows that engaging youth in ecological initiatives via social media fosters an active civic position. Psychological comfort, provided by green spaces in cities, reduces stress and increases readiness for ecological actions, as confirmed by Kaplan [14]. Urban design integrating natural elements, such as parks or green roofs, plays a key role in restoring connections with nature and stimulating ecological consciousness.

Strategies to overcome barriers encompass awareness campaigns, ecological education, and urban greening. Social media, as noted by Yarovenko S. and Ploshchenko Y. [33], serve as an effective channel for disseminating ecological information among youth. Educational programs incorporating sustainable development themes foster values of harmony with nature. Urban design aimed at creating green spaces enhances psychological well-being and builds infrastructure for sustainability, as seen in European cities like Copenhagen.

In conclusion, the psychological aspects of ecological consciousness in the urban context are shaped by alienation from nature, information overload, and social norms. Scientific discourse underscores the need for an interdisciplinary approach, combining psychology, ecology, and urban studies, to overcome barriers and promote sustainability. Awareness-raising, urban design, and social initiatives are key to forming an ecologically conscious society amid urbanization.

3. Psychological barriers to eco-conscious behavior in cities

Eco-conscious behavior in urban settings is a critical component of sustainable development, yet its formation is hindered by numerous psychological barriers stemming from the characteristics of urbanized environments. In cities, where technogenic landscapes, information overload, and social pressures overshadow natural elements, psychological mechanisms that impede ecological consciousness gain significant importance. This text, grounded in scientific discourse on the psychological aspects of ecological consciousness, analyzes the psychological barriers to eco-conscious behavior in cities, exploring their nature, mechanisms,

and impact on motivation for sustainability. An interdisciplinary approach, integrating psychology, ecology, and urban studies, enables a deep examination of these barriers and their connection to the urban context.

4. The primary psychological barrier to eco-conscious behavior in cities is alienation from nature, caused by limited access to natural spaces. Urban environments, dominated by concrete structures and technogenic landscapes, weaken the emotional connection to nature, a key driver of ecological behavior. Research by Nisbet et al. shows [19] that urban residents, rarely interacting with natural objects, lose empathy for the environment, reducing their readiness for actions like waste sorting or resource conservation. This alienation is exacerbated by the scarcity of green spaces in many cities, limiting opportunities for psychological comfort restoration, which, according to Kaplan [14], is a prerequisite for eco-conscious decisions.

Information overload, characteristic of urban life, is another significant barrier. The constant flow of information through social media, advertisements, and news distracts attention from ecological issues. Kollmuss and Agyeman note [15] that in conditions of information saturation, people tend to prioritize urgent daily tasks, such as work or transportation, over long-term ecological goals. This creates cognitive overload, complicating awareness of sustainability's importance and hindering the formation of habits related to ecological behavior.

A sense of helplessness in the face of the scale of ecological problems also significantly impedes eco-conscious behavior. In cities, where individual actions seem insignificant against global challenges like climate change or pollution, people often lose motivation to act. Gifford [10] emphasizes that the psychological perception of ecological issues as overly complex or distant reduces belief in the effectiveness of personal efforts, particularly in urban communities where social fragmentation weakens collective responsibility. This barrier is intensified by the lack of visible results from individual ecological actions, demotivating urban residents.

Cognitive dissonance is another critical psychological barrier, arising when urban residents recognize the need for ecological behavior but continue consumerist lifestyles due to convenience, social expectations, or economic constraints. For example, a person may acknowledge the importance of reducing plastic waste but purchase single-use items due to their availability in city stores. Kollmuss and Agyeman [15] explain that cognitive dissonance is often resolved through rationalization of non-ecological actions, obstructing behavioral change. In urban settings, this barrier is amplified by social pressures and the dominance of consumerist culture, which encourages excessive consumption.

The lack of ecological education is a critical barrier limiting the formation of eco-conscious behavior. Insufficient knowledge about the human-nature relationship and practical aspects of sustainable living, as noted by Yarovenko S. and Ploshchenko Y. [33], reduces urban residents' ability to make informed ecological decisions. In cities, where education often focuses on professional skills rather than ecological values,

youth and adults rarely receive information on reducing their environmental footprint. This barrier is exacerbated by the limited availability of awareness initiatives tailored to the urban context.

Social pressure and conformity in urban communities also hinder ecological behavior. In cities where norms of excessive consumption or reliance on personal vehicles are prevalent, deviating from these standards may be perceived as a breach of social expectations. Steg and Vlek [27] highlight that social norms significantly influence behavior, and in urbanized environments, where ecological initiatives are not mainstream, people are less likely to engage in sustainable practices due to fear of social judgment or isolation.

These psychological barriers interact, forming a complex system that obstructs eco-conscious behavior. Alienation from nature reduces emotional motivation, information overload diverts attention, helplessness undermines belief in action efficacy, cognitive dissonance justifies non-ecological habits, lack of education limits knowledge, and social pressure perpetuates consumerist norms.

In conclusion, psychological barriers to eco-conscious behavior in cities, such as alienation from nature, information overload, helplessness, cognitive dissonance, lack of education, and social pressure, create a complex system that impedes sustainability. Scientific discourse underscores the need for an interdisciplinary approach, combining psychology, ecology, and urban studies, to overcome these barriers. Awareness-raising, education, urban design, and social initiatives are key to stimulating eco-conscious behavior, fostering a sustainable society in the urban context.

4. Motivational factors of ecological behavior in urbanized environments

Ecological behavior in urbanized environments is a critical element of sustainable development, particularly amidst rapid urbanization, which shapes specific psychological, social, and spatial contexts. Motivational factors that drive urban residents toward eco-conscious actions, such as waste sorting, energy conservation, or using eco-friendly transportation, represent a complex blend of internal and external stimuli interacting with the technogenic landscape, information dynamics, infrastructure, and urban social norms. This text, grounded in contemporary scientific discourse, thoroughly analyzes the motivational factors of ecological behavior in urban settings, elucidating their nature, mechanisms, and potential for fostering a sustainable society. An interdisciplinary approach, integrating psychology, ecology, and urban studies, explains how these factors can be amplified in the face of urban challenges, such as alienation from nature and social fragmentation.

Internal motivation, rooted in ecological values and personal responsibility, is a central driver of ecological behavior in cities. Despite limited access to nature, urban environments can activate these values through awareness of local ecological issues, such as air pollution or the scarcity of green spaces. Research by Schultz et al. [25] demonstrates that individuals with strong biospheric values, who prioritize harmony with nature, are more likely to engage in ecological actions,

such as recycling or supporting green initiatives, even in technogenic conditions. In cities where youth actively participate in ecological movements, this motivation is reinforced through the formation of an ecological identity, encouraging actions as a form of self-expression.

Social influence and community norms are powerful motivational factors in urban communities, where high population density and intense interactions facilitate the spread of behavioral patterns. In cities where ecological practices, such as using reusable bags or public transportation, become socially endorsed, they gain popularity rapidly through the effect of social imitation. Cialdini [5] emphasizes that descriptive norms (what others do) and injunctive norms (what is deemed appropriate) motivate urban individuals toward ecological behavior when they observe positive examples in their environment. Community initiatives, such as greening campaigns or eco-challenges on social media, reinforce these norms, fostering a sense of belonging to an eco-conscious community.

Access to green spaces in cities plays a significant role in motivating ecological behavior by enhancing psychological well-being and emotional connections to nature. Urban environments, marked by stress and technogenic pressures, often diminish readiness for sustainable lifestyles. Hartig et al. [11] demonstrate that green spaces, such as parks or urban gardens, have a restorative effect, reducing anxiety and increasing motivation for ecological actions. In cities where urban design integrates natural elements, such as in Vienna or Stockholm, residents are more likely to support sustainability, perceiving it as part of a comfortable urban lifestyle.

Digital awareness-raising through social media is a significant motivational factor for youth audiences in urbanized environments. Social platforms enable the creation of interactive content that appeals to emotions and values, raising awareness of ecological issues. Ojala [22] notes that social media campaigns focusing on local challenges, such as river pollution or green space shortages, effectively engage youth in initiatives like plastic reduction or cycling advocacy. In urban settings where youth actively consume digital content, these campaigns foster motivation through a combination of information and social pressure.

Infrastructure support and external incentives significantly influence ecological behavior in cities. The availability of accessible recycling points, bike lanes, or subsidies for public transportation lowers barriers to sustainable lifestyles. Bamberg [2] highlights that urban infrastructure facilitating ecological actions, such as automated sorting systems or subsidies for energy-efficient appliances, motivates residents to participate. Urbanized environments with integrated incentives, like Copenhagen, exhibit higher levels of ecological behavior due to convenience and economic benefits.

Emotional engagement, triggered by awareness of ecological crises, is a potent motivational factor in cities where pollution effects, such as smog or urban heat islands, are tangible. Van der Linden [28] notes that emotions, such as concern for health or future genera-

tions, drive ecological actions, particularly when reinforced by local contexts. Campaigns highlighting the consequences of pollution or climate change motivate urban residents to participate in initiatives like greening or sustainability advocacy, driven by a sense of moral responsibility.

These motivational factors—internal values and others—create a synergy that promotes sustainability.

5. The role of urban design in stimulating ecological consciousness

Urban design, as an interdisciplinary practice shaping the physical and social environment of cities, plays a pivotal role in stimulating ecological consciousness amid rapid urbanization. In cities where technogenic landscapes, information overload, and social fragmentation often weaken connections with nature, thoughtful urban space design can activate psychological, social, and behavioral mechanisms that promote sustainable behavior. This text, grounded in contemporary scientific discourse, deeply analyzes how urban design influences ecological consciousness, fostering motivation for ecological actions through the integration of green spaces, infrastructural solutions, and social spaces. An interdisciplinary approach, combining psychology, ecology, and urban studies, reveals the potential of design to overcome alienation from nature and strengthen ecological values in urban communities.

Green spaces, such as parks, squares, green roofs, and vertical gardens, are a central element of urban design, stimulating ecological consciousness by restoring emotional connections with nature. Urbanized environments often limit access to natural landscapes, diminishing empathy for the environment. Research by Bratman et al. [3] shows that regular interaction with green spaces reduces stress and enhances cognitive readiness for eco-conscious decisions, such as waste sorting or resource conservation. In cities like Singapore or Melbourne, where green spaces are integrated into the urban fabric, residents more frequently exhibit ecological behavior, perceiving nature as an integral part of city life. These spaces not only promote psychological well-being but also serve as visual reminders of sustainability's importance.

Infrastructural solutions, such as recycling systems, bike lanes, and energy-efficient buildings, are vital tools of urban design for stimulating ecological consciousness. Convenient infrastructure lowers barriers to sustainable lifestyles, making ecological actions accessible and habitual. For instance, automated waste sorting stations in residential areas simplify recycling, while extensive bike lane networks, as in Copenhagen, encourage eco-friendly transportation. Scholars note that infrastructural support enhances the perception of ecological actions as socially approved, motivating participation. Such solutions also foster ecological awareness by demonstrating the practical value of sustainability in daily life.

Social spaces created through urban design promote ecological consciousness by reinforcing community norms and collective responsibility. Public squares, community gardens, or spaces for eco-festivals become platforms for social interaction, where ecological ideas spread through social learning. Pretty et al.

[23] emphasize that shared spaces encouraging community initiatives, such as greening campaigns or eco-challenges, foster a sense of belonging to an eco-conscious community. In cities with integrated social spaces, like Barcelona with its superblocks, residents are more likely to engage in sustainability, feeling social support and motivation.

Visual aesthetics and informational elements in urban design also play a significant role in shaping ecological consciousness. Aesthetically appealing green spaces or innovative ecological structures, such as solar panels at bus stops, create positive perceptions of sustainability. Informational signs about the benefits of recycling or energy efficiency, placed in public areas, raise awareness. Chawla [4] notes that visual and informational stimuli in urban environments contribute to forming ecological values, particularly among youth sensitive to aesthetics and digital messaging. Urban design leveraging these elements makes sustainability relevant and appealing.

Psychological comfort, provided by thoughtful urban design, is a key factor in stimulating ecological consciousness. Urban life, marked by noise and technogenic pressures, often reduces readiness for the additional effort required for ecological behavior. A harmonious blend of green spaces, pedestrian zones, and energy-efficient infrastructure alleviates psychological exhaustion, boosting motivation for sustainability. In cities where design prioritizes comfort, such as Freiburg, ecological consciousness becomes part of everyday culture rather than an added burden.

Urban design also influences ecological consciousness through education and community engagement. Integrating educational spaces, such as ecological centers or interactive park exhibits, fosters knowledge about sustainability. Scholars highlight that urban projects involving residents in planning green spaces or infrastructure increase their responsibility for the environment. Initiatives like community consultations in Toronto create a sense of ownership, motivating ecological actions.

These aspects of urban design - green spaces, infrastructure, social spaces, visual aesthetics, psychological comfort, and education - interact to create a synergy that enhances ecological consciousness. Green spaces and comfort build emotional connections and motivation, infrastructure and social spaces provide practical support, while aesthetics and education raise awareness. The effectiveness of design depends on its adaptation to urban realities, where social fragmentation and information overload may weaken impact. Scientific discourse underscores the need for an interdisciplinary approach to maximize urban design's potential.

In conclusion, urban design plays a crucial role in stimulating ecological consciousness by integrating green spaces, infrastructure, social spaces, aesthetics, comfort, and education to foster a sustainable society. In urban settings, these elements can be amplified through thoughtful planning and community engagement, promoting harmony between humans and the environment.

6. Strategies for overcoming psychological barriers

Psychological barriers, such as low awareness, alienation from nature, cognitive dissonance, and lack of motivation, significantly hinder the formation of ecological behavior in urbanized environments, where technogenic landscapes, information overload, and social fragmentation exacerbate these obstacles. In cities, where daily life often distances people from nature, strategies to overcome these barriers are critically important for stimulating ecological consciousness and sustainable lifestyles. This text, grounded in contemporary scientific discourse, deeply analyzes strategies for overcoming psychological barriers, integrating psychological, social, and urbanistic approaches to foster motivation for ecological actions. An interdisciplinary approach enables the development of comprehensive solutions that account for urban contexts and promote harmony between humans and the environment.

A key strategy is enhancing ecological awareness through education and digital outreach, addressing the barrier of low awareness. Many urban residents are unaware of the consequences of their actions due to insufficient knowledge about ecological issues, such as pollution or climate change. Kaiser and Fuhrer note [13] that targeted educational programs explaining the link between individual actions and global outcomes increase readiness for sustainability. In cities, digital platforms, particularly social media, enable the creation of interactive content that appeals to youth's emotions and values. For example, campaigns highlighting local issues, like river pollution, engage urban residents in initiatives such as plastic reduction, leveraging relevance and emotional impact.

Integrating green spaces into urban environments is an effective strategy for overcoming alienation from nature, which diminishes environmental empathy. Urbanized landscapes often limit contact with nature, reducing motivation for ecological actions. Shanahan et al. [26] demonstrate that parks, green roofs, or urban gardens have a restorative effect, reducing stress and fostering an emotional connection with nature. In cities like Singapore, where green spaces are woven into the urban fabric, residents are more likely to engage in sustainable behavior, perceiving nature as part of daily life. Urban design that ensures access to such spaces promotes psychological comfort and motivation.

Social influence and the establishment of community norms help overcome cognitive dissonance, where individuals ignore ecological actions due to inconsistencies between beliefs and behavior. In urban communities with intense social interactions, the visibility of ecological practices, such as waste sorting or cycling, creates normative pressure. Nolan et al. [20] emphasize that showcasing positive examples, such as through neighbors or opinion leaders, motivates imitation. Community initiatives, like eco-festivals or greening campaigns in cities like Barcelona, reinforce these norms, fostering a sense of collective responsibility that reduces psychological resistance to change.

Psychological support through motivational incentives, such as gamification or rewards, addresses the barrier of lacking motivation. In urban settings, where people often feel overwhelmed, additional incentives can simplify ecological actions. McKenzie-Mohr [18] developed a social marketing approach showing that gamification, such as apps tracking carbon footprints with rewards, boosts engagement. In cities like Toronto, programs offering discounts for using public transport or recycling motivate residents through economic benefits and a sense of achievement, making sustainability appealing.

Emotional engagement through strategic communications helps overcome indifference to ecological issues. In cities where impacts like smog or urban heat islands are tangible, emotional messaging can activate concern for health or the future. Lorenzoni et al. [20] note that campaigns emphasizing local consequences of climate change motivate action through moral responsibility. In urban settings, such as Kyiv, where air pollution is pressing, these communications encourage participation in initiatives like greening, driven by emotional resonance.

Infrastructure adaptation in urban environments reduces the barrier of inconvenience associated with ecological actions. Convenient recycling systems, bike lanes, or energy-efficient buildings simplify sustainable behavior. Verplanken and Roy [30] demonstrate that infrastructure facilitating ecological actions, as in Copenhagen, increases their frequency, forming habits. Urban solutions addressing daily needs make sustainability accessible, reducing psychological strain.

These strategies - education, green spaces, social norms, motivational incentives, emotional engagement, and infrastructure - interact to create a synergy that overcomes psychological barriers. Education and emotions shape consciousness, green spaces and infrastructure provide comfort and accessibility, while norms and incentives sustain motivation. Effectiveness depends on adaptation to urban realities, where social fragmentation may weaken impact. An interdisciplinary approach, combining psychology, ecology, and urban studies, is crucial for their implementation.

In conclusion, strategies for overcoming psychological barriers to ecological behavior in urbanized environments include education, green space integration, social influence, motivational incentives, emotional engagement, and infrastructure adaptation. These comprehensive solutions, tailored to urban contexts, foster a sustainable society, harmonizing human interaction with the environment.

7. The impact of psychological comfort on ecological behavior

Psychological comfort, as a state of emotional well-being and reduced stress, is a significant factor influencing ecological behavior in urbanized environments, where technogenic pressures, noise, and social fragmentation often undermine motivation for sustainable lifestyles. In cities, where daily life is marked by overload and alienation from nature, psychological comfort can activate internal resources for eco-conscious actions, such as waste sorting, resource conservation, or using eco-friendly transportation. This text,

grounded in contemporary scientific discourse, deeply analyzes the impact of psychological comfort on ecological behavior, elucidating its mechanisms through the lens of psychology, ecology, and urban studies. An interdisciplinary approach explains how creating a comfortable urban environment fosters a sustainable society, harmonizing human interaction with the environment.

Psychological comfort, facilitated by green spaces, reduces stress and enhances readiness for ecological actions. Urbanized environments often cause psychological exhaustion, weakening motivation for the additional efforts required for sustainable living. Research by Cox et al. [6] shows that access to parks, squares, or green areas has a restorative effect, reducing anxiety and promoting cognitive clarity necessary for eco-conscious decisions. In cities like Stockholm, where green spaces are integrated into the urban fabric, residents more frequently engage in recycling or greening, as a comfortable environment boosts their emotional readiness for such actions.

Emotional stability, arising from psychological comfort, strengthens ecological identity, a key driver of sustainability. In urban settings where people feel secure and supported, they are more likely to associate themselves with ecological values. Whitburn et al. [32] note that a positive emotional state, induced by a comfortable environment, fosters intrinsic motivation for actions like reducing plastic use or supporting green initiatives. In cities like Melbourne, where urban design emphasizes pedestrian zones and natural elements, residents exhibit a stronger ecological identity, reflected in their behavior.

Social comfort, provided by community spaces, promotes ecological behavior by reinforcing social norms. In cities where public spaces, such as squares or community gardens, facilitate interaction, people are more likely to adopt ecological practices through social learning. De Groot and Steg [8] emphasize that comfortable social environments, where ecological actions are visible, such as through cleanup campaigns or eco-festivals, motivate imitation. In Barcelona, where superblocks enhance social cohesion, residents more frequently engage in sustainability, feeling community support.

Infrastructural comfort, such as convenient recycling systems or bike lanes, reduces psychological barriers related to the inconvenience of ecological actions. In urban settings, where daily life is hectic, the simplicity of sustainable actions is critical. Kollmuss and Agyeman [15] note that infrastructure minimizing effort, such as automated sorting stations, increases the frequency of ecological behavior. In Copenhagen, where bike lanes and energy-efficient buildings are part of everyday comfort, residents more often choose sustainable practices, as they are not perceived as burdensome.

5. Psychological comfort also influences ecological behavior by reducing cognitive dissonance. In stressful urban conditions, people may ignore ecological actions to avoid internal conflict between beliefs and behavior. Van der Werff et al. [29] demonstrate that a comfortable environment supporting psychological

well-being helps align values with actions, promoting sustainability. In cities like Freiburg, where urban design creates a harmonious environment, residents more consistently act in accordance with their ecological beliefs.

Educational initiatives integrated into comfortable urban environments enhance ecological behavior by raising awareness. Interactive spaces, such as ecological centers or informational signs in parks, foster knowledge in a relaxed atmosphere. Zelezny and Schultz [34] emphasize that education in comfortable settings, such as workshops in community gardens, boosts motivation for sustainability, particularly among youth. In Toronto, where such initiatives are part of urban design, residents show greater ecological engagement.

These aspects of psychological comfort - green spaces, emotional stability, social comfort, infrastructural convenience, dissonance reduction, and education - interact to create a synergy that stimulates ecological behavior. Green spaces and infrastructure provide comfort and accessibility, social spaces and education shape norms and awareness, while emotional stability and dissonance reduction sustain motivation. Effectiveness depends on adaptation to urban realities, where stress and fragmentation may weaken impact. An interdisciplinary approach is key to maximizing comfort's potential.

In conclusion, psychological comfort significantly influences ecological behavior in urbanized environments, promoting sustainability through green spaces, emotional stability, social comfort, infrastructural convenience, dissonance reduction, and education. Tailored urban solutions and awareness-raising can amplify this impact, fostering harmony between humans and the environment.

8. The role of education and media in enhancing ecological consciousness

Education and media play a pivotal role in enhancing ecological consciousness in urbanized environments, where rapid urbanization, information overload, and alienation from nature complicate the formation of sustainable lifestyles. In cities, where high population density and intense information flows create unique opportunities for influence, these tools can effectively shape the knowledge, values, and behaviors necessary for ecological actions, such as waste sorting, resource conservation, or supporting green initiatives. This text, grounded in contemporary scientific discourse, deeply analyzes the role of education and media in stimulating ecological consciousness, elucidating their mechanisms through the lens of psychology, ecology, and urban studies. An interdisciplinary approach enables the development of strategies that account for urban realities and promote harmony between humans and the environment.

Formal education, integrated into school and university curricula, forms the foundation for developing ecological knowledge and values. In urban settings, where youth constitute a significant portion of the population, educational programs can foster ecological responsibility from an early age. Research by Ardoin et al. [1] shows that interactive methods, such as project-

based learning or ecological workshops, increase awareness of local issues, like pollution or green space shortages, and motivate action. In cities like Oslo, where ecological education is part of curricula, students more frequently engage in sustainable behavior, perceiving it as an integral part of life.

Non-formal education through community initiatives and ecological centers complements formal education, engaging a broader audience. Urbanized environments offer platforms, such as community gardens or eco-festivals, for experiential learning. Wals et al. [31] note that practical activities, like greening or waste sorting, foster a sense of responsibility and reduce psychological barriers to sustainability. In Toronto, where community programs involve residents in ecological projects, participants exhibit higher ecological consciousness, as learning is accessible and relevant.

Media, particularly social networks, are powerful tools for raising ecological consciousness through emotional and social influence. In cities where youth actively consume digital content, media campaigns can appeal to values and create a viral effect. Corner et al. [7] emphasize that visual content, such as videos on pollution consequences or success stories of green initiatives, motivates action through empathy and social pressure. Instagram campaigns highlighting local issues, like river pollution in Kyiv, effectively engage youth in plastic reduction or cycling advocacy.

Traditional media, such as television and print, contribute to shaping societal norms, particularly for older audiences. In urban settings, where information competes for attention, reports on ecological crises or successful sustainable projects raise awareness. Leiserowitz et al. [16] demonstrate that media emphasizing local consequences, like smog or urban heat islands, activate health concerns, spurring action. In Singapore, where television campaigns promote energy efficiency, residents more often adopt sustainable practices, perceiving them as socially approved.

The synergy of education and media amplifies their impact by integrating knowledge and emotional engagement. Educational programs provide a factual foundation, while media add emotional resonance and social context. Monroe et al. [21] note that combined strategies, such as school projects reinforced by media campaigns, enhance motivation for sustainability. In Copenhagen, where schools collaborate with media to promote cycling culture, ecological behavior becomes part of urban life, especially among youth.

Interactivity and localization of content are key to the effectiveness of education and media in cities. Urbanized environments require adaptation to local challenges, such as pollution or space shortages. Kollmuss and Agyeman [15] emphasize that personalized educational and media messages, tailored to local contexts, reduce feelings of helplessness and increase engagement. In Barcelona, campaigns focusing on green space preservation motivate residents to participate in initiatives, driven by a sense of belonging to the city.

These aspects - formal and non-formal education, social and traditional media, their synergy, and localization - create a comprehensive impact on ecological

consciousness. Education shapes knowledge and values, media provide emotional and social motivation, and their integration amplifies the effect. Effectiveness depends on adaptation to urban realities, where information overload and social fragmentation may weaken impact. An interdisciplinary approach is crucial for maximizing potential.

In conclusion, education and media play a central role in enhancing ecological consciousness in urbanized environments, promoting sustainability through knowledge, emotional engagement, social norms, and localized strategies. Their integration and adaptation to urban contexts can amplify impact, fostering harmony between humans and the environment.

9. Education and training in achieving sustainable development goals

Education and training play a pivotal role in achieving sustainable development goals by fostering a conscious approach to sustainability and ensuring balanced societal development. In this context, education and training not only impart knowledge but also shape values, attitudes, and skills essential for sustainable living.

The significance of education and training in cultivating a conscious approach to sustainable development lies in their ability to raise citizens' awareness of the importance of ecological, social, and economic sustainability. This includes understanding the causes and consequences of environmental issues, recognizing social inequalities, and grasping the economic demands of sustainable development. Education and training promote critical thinking, enhance decision-making skills, and encourage responsible action.

The role of educational programs in nurturing ecologically and socially responsible citizens is to instill values and practical skills necessary for living in harmony with nature and others. These programs may cover ecology, ethics, social responsibility, global challenges, cultural diversity, and other sustainability-related aspects. They foster skills such as understanding complex ecological systems, appreciating cultural differences, respecting other cultures, collaborating, and engaging in constructive dialogue.

In conclusion, education and training are crucial for achieving sustainable development goals, fostering a conscious approach to sustainability and nurturing ecologically and socially responsible citizens. This contributes to sustainable societal development and the preservation of natural resources for future generations.

Thus, urbanization creates both challenges and opportunities for fostering eco-conscious behavior. Psychological barriers, such as alienation from nature, information overload, and social pressure, hinder urban residents' engagement in sustainable lifestyles. Meanwhile, motivational factors, such as intrinsic values, social norms, and urban design, can enhance ecological consciousness. Strategies focused on integrating nature into urban environments, raising awareness, and fostering supportive social norms are key to overcoming barriers and promoting ecological behavior. Research underscores the importance of an interdisciplinary approach to building a sustainable society in the context of urbanization.

References:

1. N. M. Ardoïn, A. W. Bowers Environmental education and K-12 student outcomes: A review and analysis of research *The Journal of Environmental Education* 49(1), 1–17 (2018).
2. S. Bamberg Changing environmentally harmful behaviors: A stage model of self-regulated behavioral change *Journal of Environmental Psychology* 34, 151–159 (2013).
3. G. N. Bratman et al. Nature and mental health: An ecosystem service perspective *Science Advances* 5(7), eaax0903 (2019).
4. L. Chawla Growing up green: Becoming an agent of care for the natural world *The Journal of Developmental Processes* 4(1), 6–23 (2009).
5. R. B. Cialdini Crafting normative messages to protect the environment *Current Directions in Psychological Science* 12(4), 105–109 (2003).
6. D. T. Cox et al. Doses of nearby nature simultaneously associated with multiple health benefits *International Journal of Environmental Research and Public Health* 14(2), 172 (2017).
7. A. Corner, E. Markowitz, N. Pidgeon Public engagement with climate change: The role of human values *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change* 5(3), 411–422 (2015).
8. J. I. De Groot, L. Steg Morality and prosocial behavior: The role of awareness, responsibility, and norms in the norm activation model *The Journal of Social Psychology* 149(4), 425–449 (2009).
9. M. Elbakidze et al. Understanding the impact of the war on people-nature relationships in Ukraine *Science of the Total Environment* 912, 170868 (2025).
10. R. Gifford Environmental psychology matters *Annual Review of Psychology* 65, 541–579 (2013).
11. T. Hartig, R. Mitchell, S. de Vries, H. Frumkin Nature and health *Annual Review of Public Health* 35, 207–228 (2014).
12. M. Ivantsev, N. Ivantsev, H. Arjjumend Environmental and psychological effects of Russian war in Ukraine *Grassroots Journal of Natural Resources* 6(1), 37–84 (2023).
13. F. G. Kaiser, U. Fuhrer Ecological behavior's dependency on different forms of knowledge *Applied Psychology* 52(4), 598–613 (2003).
14. S. Kaplan The restorative benefits of nature *Journal of Environmental Psychology* 15(3), 169–182 (1995).
15. A. Kollmuss, J. Agyeman Mind the gap: Why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior? *Environmental Education Research* 8(3), 239–260 (2002).
16. A. Leiserowitz, E. Maibach, C. Roser-Renouf, J. D. Hmielowski Climate change in the American mind: Americans' global warming beliefs and attitudes in April 2013 *Yale Project on Climate Change Communication* (2013).
17. I. Lorenzoni, S. Nicholson-Cole, L. Whitmarsh Barriers perceived to engaging with climate change among the UK public *Global Environmental Change* 17(3-4), 445–459 (2007).

18. D. McKenzie-Mohr *Fostering Sustainable Behavior: An Introduction to Community-Based Social Marketing* New Society Publishers. 2011. 77 p.
19. E. K. Nisbet, J. M. Zelenski Underestimating nearby nature: Affective forecasting errors obscure the happy path to sustainability *Psychological Science* 22(9), 1101–1106 (2011).
20. I. M. Nolan et al. Normative social influence is underdetected *Personality and Social Psychology Bulletin* 34(7), 913–923 (2008).
21. M. C. Monroe et al. Identifying effective climate change education strategies: A systematic review of the research *Environmental Education Research* 25(6), 791–812 (2019).
22. M. Ojala Hope and climate change: The importance of hope for environmental engagement among young people *Environmental Education Research* 18(5), 625–642 (2012).
23. I. Pretty et al. Green exercise in the UK countryside: Effects on health and psychological well-being, and implications for policy and planning *Journal of Environmental Planning and Management* 50(2), 211–231 (2007).
24. P. W. Schultz Strategies for promoting pro-environmental behavior *European Psychologist* 19(2), 107–117 (2014).
25. P. W. Schultz, C. Shriver, J. J. Tabanico, A. M. Khazian Implicit connections with nature *Journal of Environmental Psychology* 24(1), 31–42 (2004).
26. D. F. Shanahan et al. Toward improved public health outcomes from urban nature *American Journal of Public Health* 105(3), 470–477 (2015).
27. L. Steg, C. Vlek Encouraging pro-environmental behaviour *Journal of Environmental Psychology* 29(3), 309–317 (2009).
28. S. Van der Linden The social-psychological determinants of climate change risk perceptions: Towards a comprehensive model *Journal of Environmental Psychology* 41, 112–124 (2015).
29. E. Van der Werff, L. Steg, K. Keizer I am what I am, by looking past the present: The influence of biospheric values and past behavior on environmental self-identity *Environment and Behavior* 46(5), 626–657 (2014).
30. A. Verplanken, D. Roy Empowering interventions to promote sustainable lifestyles: Testing the habit discontinuity hypothesis in a field experiment *Journal of Environmental Psychology* 45, 127–134 (2016).
31. A. Wals, M. Brody, J. Dillon, R. B. Stevenson Convergence between science and environmental education *Science* 344(6184), 583–584 (2014).
32. J. Whitburn, W. Linklater, W. Abrahamse Meta-analysis of human connection to nature and pro-environmental behavior *Conservation Biology* 34(1), 180–193 (2019).
33. S. Yarovenko, Y. Ploshchenko Youth and the environment: Is knowledge about the problems enough for environmental awareness? *International Science Journal of Education & Linguistics* 2(3), 23–35 (2023).
34. I. C. Zelezny, P. W. Schultz Promoting environmentalism *Journal of Social Issues* 56(3), 365–371 (2000).

SOCIAL SCIENCES

MODERN FORMS OF INTELLECTUAL ACTIVITY IN PHYSICAL CULTURE, SPORTS AND SPORTS MANAGEMENT

Atamanyuk S.,

*Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department of Physical Culture, Olympic and Non-Olympic Sports
National University "Zaporizhzhia Polytechnic"
<https://orcid.org/0000-0002-4800-5965>*

Zhuravlev Y.,

*Candidate of Sciences in Physical Education and Sports, Associate Professor of the Department of Physical Culture, Olympic and Non-Olympic Sports
National University "Zaporizhzhia Polytechnic"
<https://orcid.org/0000-0003-0691-2767>*

Kyrychenko O.

*St. Lecturer, Department of Physical Education, Olympic and Non-Olympic Sports
National University "Zaporizhzhia Polytechnic"
<https://orcid.org/0000-0001-7136-0984>*

СУЧАСНІ ФОРМИ ІНТЕЛЕКТУАЛЬНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ У ФІЗИЧНІЙ КУЛЬТУРІ, СПОРТІ ТА УПРАВЛІННІ СПОРТИВНОЮ ГАЛУЗЗЮ

Атаманюк С.І.

*Доктор пед. наук, професор кафедри фізичної культури, олімпійських та неолімпійських видів спорту
Національний університет «Запорізька політехніка»
<https://orcid.org/0000-0002-4800-5965>*

Журавльов Ю.Г.

*Канд. наук з фіз. виховання і спорту, доцент кафедри фізичної культури, олімпійських та неолімпійських видів спорту
Національний університет «Запорізька політехніка»
<https://orcid.org/0000-0003-0691-2767>*

Кириченко О.В.

*Ст. викладач кафедри фізичної культури, олімпійських та неолімпійських видів спорту
Національний університет «Запорізька політехніка»
<https://orcid.org/0000-0001-7136-0984>
<https://doi.org/10.5281/zenodo.15754192>*

Abstract

The article explores modern forms of intellectual activity in the fields of physical culture? Sports and sports management. The focus is placed on the transformation of professional practices under the influence of digitalization, the implementation of innovative technologies, data analytics, and systems thinking. Particular attention is given to the role of scientific research, educational programs, strategic planning, and the use of artificial intelligence and digital platforms in training, competition, and management processes. Key competencies formed in response to current challenges are analysed, and promising directions for intellectual development in the sports sector are outlined.

Анотація

У статті розглядаються сучасні форми інтелектуальної діяльності, що реалізуються у сфері фізичної культури, спорту та управління спортивною галуззю. Акцент зроблено на трансформації професійної діяльності фахівців у контексті цифровізації, впровадження інноваційних технологій, аналітики даних та системного мислення. Особливу увагу приділено ролі наукових досліджень, освітніх програм, стратегічного планування, а також застосування штучного інтелекту й цифрових платформ у процесах тренувальної, змагальної та управлінської діяльності. Проаналізовано ключові компетентності, що формуються в умовах сучасних викликів, та визначено перспективні напрями інтелектуального розвитку в сфері фізичної культури і спорту.

Keywords: Intellectual activity, physical culture, sport, management, digitalization, innovation, competencies.

Ключові слова: Інтелектуальна діяльність, фізична культура і спорт, управління, цифровізація, інновації, компетентності

У сучасних умовах розвитку суспільства інтелектуальна діяльність посідає ключове місце в забезпеченні якості освітнього процесу, наукових досліджень і практичної підготовки фахівців у галузі фізичної культури і спорту. Трансформація підходів до підготовки спортсменів, удосконалення системи фізичного виховання та зростаюча роль цифрових технологій вимагають від науковців, викладачів, тренерів і організаторів спорту високого рівня творчого мислення, аналітичних здібностей та здатності до впровадження інноваційних рішень.

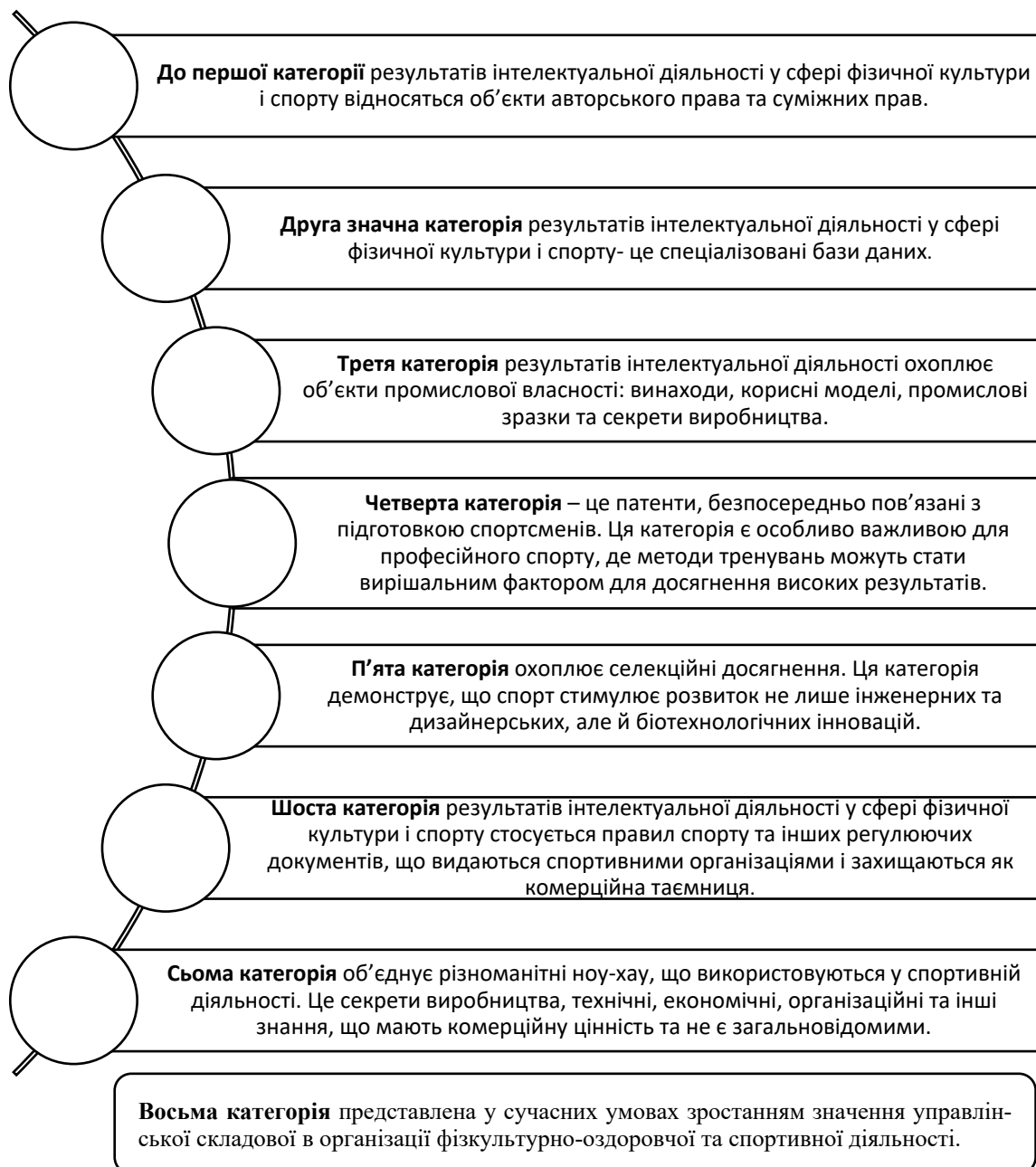
Інтелектуальна діяльність у цій сфері охоплює широкий спектр напрямів – від фундаментальних і прикладних наукових досліджень до впровадження високотехнологічних засобів у тренувальний процес і освітнє середовище. Розкриття та правовий за-

хист результатів такої діяльності є важливою передумовою для підвищення якості тренувального процесу, а також для сталого розвитку спортивної галузі в цілому.

Особливої актуальності набуває питання створення авторських методик, реєстрації об'єктів інтелектуальної власності, розробки цифрових сервісів та програмного забезпечення, орієнтованого на покращення фізичної підготовленості різних верств населення. Необхідність визначити роль інтелектуальної діяльності у формуванні інноваційного середовища, а також окреслити напрямки їх правового захисту.

Інтелектуальна діяльність у сфері фізичної культури і спорту реалізується в межах декількох ключових напрямів, кожен в яких відіграє важливу роль у формуванні інноваційного середовища галузі.

Ключові напрями інтелектуальної діяльності

До першої категорії результатів інтелектуальної діяльності у сфері фізичної культури і спорту відносяться об'єкти авторського права та суміжних прав. Ця категорія є надзвичайно різноманітною та включає широкий спектр творчих робіт, створених для спортивної індустрії.

Музичні твори займають особливе місце в цій категорії, оскільки вони супроводжують багато видів спорту, від гімнастики до фігурного катання. Візуальна ідентифікація спортивних подій забезпечується через емблеми та талісмани, які розробляються спеціально для кожного значного спортивного заходу. Дизайн медалей та квитків також є результатом творчої праці та підлягає правовому захисту, особливо коли йдеться про престижні змагання, такі як Олімпійські ігри.

Хореографічні номери, що виконуються в певних видах спорту (фігурне катання, художня гімнастика, синхронне плавання), є самостійними творами що охороняються авторським правом. Спортивні програми, тобто упорядковані набори вправ або елементів, також можуть розглядатися як об'єкти інтелектуальної власності.

Права на трансляцію спортивних змагань становлять важливий актив, який генерує значні доходи для спортивних організацій.

У сучасному спорті зростає значення комп'ютерних ігор, особливо у кіберспорті, де вони є основним об'єктом діяльності. Особливі рухи спортсменів, авторські гасла, візуальні образи спортивних заходів, фотографії спортсменів та команд, результати змагань та сценарії спортивних заходів також підпадають під захист авторського права та суміжних прав.

Друга значна категорія результатів інтелектуальної діяльності у сфері фізичної культури і спорту – це спеціалізовані бази даних. Аналіз інформації став ключовим фактором успіху, бази даних набувають стратегічного значення для спортивних організацій, тренерів та аналітиків.

Бази даних результатів спортивних змагань містять структуровану інформацію про виступи атлетів на різноманітних турнірах. Ці бази даних не лише зберігають історичні відомості, але й використовуються для прогнозування, аналізу тенденцій та прийняття стратегічних рішень. Вони можуть включати детальну статистику щодо кожного аспекту виступу спортсмена: часові показники, точність, силові характеристики, тактичні рішення тощо.

Всі ці бази персональних даних спортсменів акумулюють інформацію про фізичні параметри, медичні показники, історію травм, результати тестів, психологічні характеристики та багато інших аспектів, важливих для оптимізації тренувального процесу. Вони дозволяють персоналізувати підготовку кожного спортсмена відповідно до його індивідуальних особливостей.

Особливе значення мають бази даних результатів допінг-контролю, які забезпечують прозорість та чесність спортивних змагань. Ці бази містять інформацію про проведені тести, їх результати,

біологічні паспорти спортсменів та історію порушень антидопінгових правил. Вони є важливим інструментом у боротьбі з використанням заборонених речовин та методів у спорті.

Усі ці бази даних є об'єктами правової охорони як особливий вид інтелектуальної власності, що вимагає значних інтелектуальних та матеріальних ресурсів для створення, підтримки та розвитку.

Третя категорія результатів інтелектуальної діяльності охоплює об'єкти промислової власності: винаходи, корисні моделі, промислові зразки та секрети виробництва. Ці об'єкти представляють технічні та дизайнерські рішення, що застосовуються в різних аспектах спортивної індустрії. Спортивна екіпіровка постійно вдосконалюється для поліпшення результатів атлетів. Матеріали з особливими властивостями, аеродинамічні форми, ергономічні конструкції – все це створюється завдяки інноваційним технічним рішенням, які захищаються патентами. Патентуються також спортивні снаряди, інструменти та тренажери, що використовуються для тренувань та змагань. Технічні рішення для спортивних споруд, їх елементів та обладнання, що забезпечують оптимальні умови для проведення змагань та тренувань, включаючи інноваційні системи освітлення, вентиляції, покриття тощо.

Медицина є нерозривно пов'язаною зі спортом, і багато винаходів створюються спеціально для спортивної медицини. Винаходи у сфері реабілітаційного та діагностичного обладнання, що дозволяють контролювати стан здоров'я спортсменів, прискорювати відновлення після травм та підвищувати ефективність тренувань. У технічних видах спорту інновації, що застосовуються при розробці спортивних автомобілів, водних і повітряних суден, які спеціально розробляються для досягнення максимальних результатів у відповідних видах спорту.

Четверта категорія – це патенти, безпосередньо пов'язані з підготовкою спортсменів. Ця категорія є особливо важливою для професійного спорту, де методи тренувань можуть стати вирішальним фактором для досягнення високих результатів. Патентуванню підлягають різноманітні методики тренувань, які демонструють новизну, винахідницький рівень та промислову придатність. Це можуть бути комплекси вправ з унікальною послідовністю рухів, особливими режимами навантаження або специфічними умовами виконання. Також патентуються методи функціональної діагностики, що дозволяють визначати індивідуальні особливості організму спортсмена та оптимізувати тренувальний процес відповідно до цих особливостей. Системи психологічної підготовки спортсменів також можуть бути запатентовані, якщо вони включають технічні засоби або детально описані методики, що дають вимірюваний результат. Такі системи допомагають атлетам досягти оптимального психологічного стану перед змаганнями, долати стрес та підвищувати концентрацію. Патентування методів підготовки спортсменів має певні

особливості та обмеження. Зокрема, не підлягають патентуванню методи, що суперечать принципам чесної гри або можуть завдати шкоди здоров'ю спортсменів. Крім того, існують труднощі із забезпеченням дотримання таких патентів, оскільки тренувальний процес часто відбувається за закритими дверима. Тим не менш, такі патенти є важливим інструментом захисту інтелектуальної власності тренерів та спортивних науковців.

П'ята категорія охоплює селекційні досягнення. Ця категорія демонструє, що спорт стимулює розвиток не лише інженерних та дизайнерських, але й біотехнологічних інновацій. Важливу роль відіграють біотехнології у виробництві спеціалізованого спортивного харчування. Створення нових штамів мікроорганізмів або модифікація існуючих для виробництва специфічних амінокислот, пептидів, вітамінів та інших біологічно активних речовин стало важливим напрямком у спортивній індустрії. Такі розробки дозволяють створювати продукти харчування та напої, що оптимізують енергетичний обмін, прискорюють відновлення м'язів, підвищують витривалість та загальну працездатність спортсменів. Селекційні досягнення також застосовуються для розробки нових реабілітаційних засобів у спортивній медицині. Створення біологічних матеріалів для лікування травм опорно-рухового апарату, регенерації тканин та прискорення відновлення після операцій має велике значення для професійних спортсменів, для яких швидке повернення до тренувань є критично важливим. Правовий захист селекційних досягнень у спортивній сфері здійснюється через отримання патентів або через режим комерційної таємниці. Отримання такого захисту вимагає доведення новизни, відмінності, однорідності та стабільності нового сорту рослин або породи тварин, а для мікроорганізмів – новизна та промислова придатність.

Шоста категорія результатів інтелектуальної діяльності у сфері фізичної культури і спорту стосується правил спорту та інших регулюючих документів, що видаються спортивними організаціями і захищаються як комерційна таємниця. Хоча правила більшості видів спорту є публічними, процес їх розробки та внутрішні регламенти організацій часто залишаються конфіденційними. Правила з видів спорту є результатом тривалої інтелектуальної роботи експертів, які враховують численні фактори: історичні традиції, безпеку учасників, видовищність для глядачів, комерційні інтереси та інші аспекти. Створення збалансованої системи правил, що забезпечує чесне та захоплююче змагання, вимагає глибокого розуміння сутності конкретного виду спорту та професійного досвіду. Комерційна таємниця у спортивних організаціях захищається через обмеження доступу до інформації, підписання угод про нерозголошення з працівниками, а також використовуються технічні засоби захисту інформації. Порушення режиму комерційної таємниці може призвести до юридичної відповідальності та репутаційних втрат для порушника. Важ-

ливо зазначити, що на відміну від інших форм інтелектуальної власності, комерційна таємниця не має обмеженого терміну дії - вона захищається доти, доки інформація зберігається в секреті та має комерційну цінність. Це робить режим комерційної таємниці привабливим для захисту тих результатів інтелектуальної діяльності, які важко захистити іншими способами.

Сьома категорія об'єднує різноманітні ноу-хау, що використовуються у спортивній діяльності. Це секрети виробництва, технічні, економічні, організаційні та інші знання, що мають комерційну цінність та не є загальновідомими. Ця категорія фокусується на практичних аспектах спортивної діяльності. Тренерські методики часто є результатом багаторічного досвіду та експериментів їх ефективність може суттєво перевищувати загальновідомі підходи. Такі методики можуть включати особливості роботи з конкретними типами спортсменів, специфічні комбінації вправ, унікальні підходи до розвитку певних фізичних якостей. Важливо підкреслити, що ноу-хау може існувати паралельно з іншими формами захисту інтелектуальної власності.

Восьма категорія представлена у сучасних умовах зростанням значення управлінської складової в організації фізкультурно-оздоровчої та спортивної діяльності. Інтелектуальна праця в галузі спортивного менеджменту охоплює: розробку стратегій розвитку фізичної культури і спорту на рівні громад, регіонів, національного й міжнародного рівнів; аналітичне планування й прогнозування ресурсного забезпечення, кадрового потенціалу, інфраструктури; написання проектних заявок, бізнес-планів для реалізації спортивних ініціатив, участі в грантах і міжнародних програмах; створення інформаційних систем управління спортивними організаціями, клубами, навчальними закладами; формування брендингу спортивних подій, розвиток маркетингу, PR – комунікацій, цифрової присутності у сфері спорту. Інтелектуальні продукти в менеджменті спорту мають стратегічне значення, оскільки сприяють прийняттю ефективних управлінських рішень, оптимізації використання ресурсів, залученню інвестицій та зростанню ролі спорту як соціального явища. Подальший розвиток інтелектуальної праці в галузі потребує підтримки держави, академічної спільноти та спортивних організацій через визнання авторських розробок, стимулювання наукової й управлінської активності, розвиток цифрових інструментів і проектного мислення в менеджменті фізичної культури і спорту.

Висновки. Інтелектуальна діяльність у фізичній культурі, спорті та спортивному менеджменті є ключовим чинником розвитку галузі в умовах цифровізації, інновацій та глобальної конкуренції. Визначено, що кожна з категорій охоплює унікальні сфери прикладної діяльності, які не лише підвищують ефективність спортивної підготовки, а й сприяють комерціалізації та міжнародній конкурентоспроможності національного спорту. Особливе значення набуває захист інтелектуальних про-

дуктів – як правовий (через патентування, авторське право, режим комерційної таємниці), так і організаційні, які створюються через умови для науково-дослідної та інноваційної діяльності.

У сфері фізичної культури і спорту інтелектуальна діяльність є важливою складовою професійної активності фахівців, яка спрямована на вдосконалення освітніх і тренувальних процесів, підвищення ефективності спортивної підготовки та популяризацію здорового способу життя. Впровадження результатів інтелектуальної діяльності сприяє міждисциплінарної взаємодії, державної підтримки, удосконаленню управлінської складової, а також формуванню сучасного освітньо-спортивного середовища, орієнтованого на інновації (удосконалення освітніх програм і стимулювання творчої активності науковців, тренерів і управлінців.

Список літератури:

1. Андрєєва О.В. Інноваційні технології у фізичному вихованні: теоретико-практичний аспект. Фізична культура, спорт та здоров'я нації. Київ, 2021. 8, С.45-50
2. Мурашов С.І., Підлісний О.П. Авторські методики у підготовці спортсменів: правові та методичні аспекти. Наука і освіта. Одеса, 2022, №6 (188), С.101-106
3. Чижик В.В. Штучний інтелект у спортивній практиці: перспективи та виклики. Інформаційні технології в освіті та науці. 2023, №1, С. 77-83
4. Кравчук І.М. Інтелектуальний потенціал в системі підготовки фахівців фізичної культури і спорту. Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту. 2020, №9, С.25-30
5. Закон України «Про авторське право і суміжні права» (в редакції від 2023 року)

STATE'S CONSTITUTION FROM HUMAN RIGHTS PERSPECTIVE

Hossain K.

Head of Dept and professor /researcher/examiner at MIST and BUET<https://doi.org/10.5281/zenodo.15754194>**Abstract**

Modern humanoid rights have their origins in Renaissance humanism. In the 19th century, democratic changes established universal voting rights in the 20th century. The World-wide Statement of Human Rights emerged from the two world wars. A nation's constitution is the highest law, with all other laws beneath it. Protecting human rights in a constitution is crucial for protecting these rights and ensuring legal accountability for their implementation. Sections of constitutions that outline fundamental rights and liberties provide strong legal tools to endorse and defend human rights. When these privileges are combined through effective enforcement mechanisms, they are essential for achieving lasting peace, justice, and inclusive societies. States in most parts of the globe usually amend and sometimes write completely new Constitutions. Factors impacting this include the aim to reshape political power distribution, the quest for a more democratic constitution, more vigorous checks and balances, and better alignment with citizens' interests and needs. Constitutional change could happen following a conflict to create a new framework to foster a fairer and more just society. Alternatively, an existing constitution may require revisions to effectively address societal, political, economic, or social transformations. Therefore, A key element of any constitutional reform is safeguarding, respecting, and promoting individuals' anthropological privileges and important freedoms. This research seeks to comprehensively understand besides acknowledge of fundamental rights and liberties as essential components in developing or reforming a state's Constitution. Furthermore, it assesses whether the procedures utilized in constitutional drafting or reform are in alignment with established international procedural norms.

Keywords: human rights, fundamental freedoms, Constitution, UDHR

Introduction

The most fundamental right that citizens and foreign nationals have is the inherent entitlement to live. Every person is entitled to live in his/her lifetime with fundamental right and safety. So, everybody is authorised to lifetime, right, and safety. It is ridiculous to describe life with a single word or a specific objective in mind. Life can be understood through various lenses, including empirical, theoretical, and perceptual perspectives. It is also argued that the law encompasses all these dimensions of life. Every state's Constitution typically includes the right to lifetime and self-respect, which has guaranteed several fundamental privileges for together state countries and non-citizens. The framers of the Constitution primarily aimed to promote social welfare and individual advancement of all individuals' important rights. The accurate to lifetime is paramount and invaluable and that is recognized as an inalienable human right, the right to life is a basic entitlement that is not simply a natural gift. Both individual liberty and the right to lifetime are crucial for personal development. This luxury hints at a reasonable standard of comfort and convention. Despite the fact that both the Universal Declaration of Human Rights (UDHR) and the International Charter of Human Rights from 1948 recognize dignity as a fundamental component of human rights, neither document offers a precise definition of human dignity nor a conceptual framework for understanding it. The three elements of dignity are based on Kant's views of morality and law, which establish human dignity as a fundamental constitutional value and the foundation of human rights, based on the idea that every person has the same inherent dignity.

In 1948, the United Nations General Meeting came together to adopt a ground-breaking document:

The Universal Declaration of Human Rights or UDHR. This powerful declaration set the foundation for recognizing and protecting the intrinsic worth and equality of every individual worldwide, marking a pivotal moment in the global fight for justice and freedom. In Paris stands as a monumental testament to the commitment of nations to uphold the inherent value and respect owed to each individual, signifying the apex of the evolution of various essential ideas that fueled the movement for human rights, emerging as a reaction to the occurrences of World War II and the horrors of the Holocaust. St. Hilary of Poitiers, St. Ambrose, and St. Augustine contributed significantly to the medieval natural law tradition. Augustine pioneered the legitimacy of human laws, clarifying the distinction between laws grounded in inherent wisdom and conscience and those arbitrarily imposed. He provocatively questioned whether people are morally obligated to obey unjust laws, urging reflection on justice and ethics. Ancient civilizations lacked the contemporary concept of every human being's rights. Nevertheless, the concept has been present for centuries, albeit not in the same capacity as it is today. Samuel Moyn, a prominent historian, argues that the movement advocating for human rights has experienced a significant transformation in the 21st century. Initially focused on combating totalitarianism, the movement has now broadened its scope to address a wide range of urgent issues related to social and economic development, as well as humanitarian efforts in the developing world. This evolution demonstrates the movement's adaptability and its crucial role in tackling the complex challenges faced by marginalized communities today.

The term Constitution originates from the Latin term *Constitutio*, and which is used to refer to rules

and mandates, examples include imperial decrees, edicts, proclamations, ordinances, and mandates. This term emerged through the French language. A political body or government organization's constitution is a set of fundamental values or established precedents that serve as its legal basis. It is an entity's governing document typically outlines how it should be managed and operated. When these principles are compiled into a single document or collection of laws, they can be referred to as a written Constitution document. Constitutions apply to various organizations, including sovereign countries, corporations, and unincorporated associations. The Constitution encompasses more than just a collection of rules; it's the essential framework that unites and guides a political community. Think of it as the blueprint for governance, detailing the principles and practices that shape how a society functions and thrives together. The rulebooks of most countries are included in a single document known as a codified constitution. The United States Constitution of 1787 and the French Constitution of 1791 are two examples of codified constitutions that were ratified after revolutions or after the total collapse of the prior governing structure, as seen in the constitutions of post-war Japan and Germany. This is also true when countries achieve independence, as happened to the countries that were formerly part of the British Empire. The United Kingdom has never experienced any of these events, so codifying its Constitution has never been necessary. Nevertheless, Constitutionalism is designed to facilitate the existence of individuals in a state of liberty or at least freedom from governmental tyranny by restricting the actual and prospective autocracy of the state. It provides a practical opportunity for the individual to determine their own objective regarding their existence. Therefore, the Constitution of autonomy grants fundamental rights as a special status.

A well-crafted Constitution is crucial in safeguarding freedoms and establishing democratic governance. As Socrates once stated, "Freedom is the essence of democracy," a sentiment that remains relevant over two millennia later. This paper is a valuable resource for any nation involved in Constitutional reform or drafting a new Constitution. It is particularly useful for societal reformers, revolutionaries, political leaders, policymakers, legislators, and individuals responsible for creating Constitutional amendments or new Constitutions. Additionally, It strongly supports civil society's inventiveness to secure the inclusion of human rights in constitutional amendments and new constitutions. And related documents, reinforcing the foundation of justice and equality in our legal systems. The author has considered public concerns about human rights while drafting a new state Constitution. This paper aims to assist readers in evaluating whether the processes and considerations employed in the drafting or reform of Constitutions align with international procedural standards and the strategic vision of the respective states. This paper provides a framework of rights for nations to maintain human dignity, freedom, and justice, therefore defining a worldwide benchmark for these values.

Chronological Development and Understanding of Human Rights

Human rights represent universal moral values that define human dignity behavior. Laws, both nationally and internationally, help to safeguard these rights. These rights are fundamental and inalienable, essential to every individual without exception; no matter of our nationality, ethnicity, religion, or socio-economic background, we all share common values and experiences that connect us to status. They are the birth right of all humanity, affirming our shared dignity and inherent worth. Civil, political, economic, social, and cultural rights are all included in the category of human rights. Some examples of human rights are the right to life, freedom of speech, or access to education. Modern human rights became prominent after World War II, especially in the aftermath of the Holocaust, which led to the adoption of the 1948 UDHR.

Human rights have historical roots in brochures such as the Magna Carta, first issued in 1215. Major factors impacted the formation of common law and important constitutional provisions protecting human rights. The English Bill of Rights of 1689 established individual legal rights and limited monarchy power, promoting principles like free speech and protection against cruel punishment. These ideas influenced the 1789 United States Constitution, which drew on Enlightenment thinkers like John Locke, emphasizing natural rights and separation of powers. These documents marked a crucial evolution in protecting individual rights within governance, and the U.S. Bill of Rights from 1791. In 1689, the enactment of the English Bill of Rights and the Scottish Claim of Rights represented a significant advancement in individual liberties in Britain, establishing legal protections against oppressive government actions. In the 18th century, the revolutions 1776 in the U.S. and 1789 in France inspired the U.S. Declaration of Independence, marking a pivotal moment in the fight for liberty and human rights. Declaration of the Rights of Man, which was written in French and Citizen, alongside the Virginia Declaration of Rights 1776, powerfully articulated fundamental human rights that have become cornerstones of liberty and justice. Enshrined numerous fundamental civil rights and freedoms in law.

In 1933 the League of Nations was created. Throughout the discussions for the Treaty of Versailles. After World War I, the League was established to foster enduring peace and encourage collaboration among nations. Enhancing global welfare, preventing conflict through security, and resolving disputes via diplomacy, disarmament. A mandate to advance numerous rights that were subsequently incorporated into the UDHR was enshrined in its Charter. In 1948 The Universal Declaration of Human Rights was approved by the United Nations General Assembly (UDHR), influenced partly by World War II. While this declaration is non-binding, it calls on member states to promote human rights, highlighting their importance to the "foundation of freedom, justice, and peace in the world." The statement was a groundbreaking moment in international legal history. It was an Initiative designed to regulate state conduct and ensure that governments fulfil their

obligations to citizens within the rights-duty duality model.

Biological and cultural factors influence human behaviour. The structure and agency argument centers on whether external structural factors or personal impulses significantly impact human behavior. Genetics of behavior examines the implications of inherited traits on human behaviours. Although genes don't determine specific behaviours, certain characteristics that increase the likelihood of individuals exhibiting specific personalities or engaging in particular behaviours can be inherited. An individual's environment can influence behaviour, sometimes combined with biological factors. The expression of behaviours is influenced by someone's temperament or character, which are shaped by genetic and environmental factors.

Sometimes, people adopt choices collectively and participate in politics. Humans have developed certain tendencies over time that promote cooperation in collective settings, and those that serve their interests. People frequently develop ideas about in-groups and out-groups, which leads to rivalry with the out-group and collaboration with the in-group. Conforming, following authority, taking pleasure in opponents' suffering, instigating antagonism toward out-group members, constructing fake out-groups, and punishing noncompliance with in-group norms are examples. These activities help to build political structures that impose in-group rules and norms. Conflict arises where there is opposition between parties. It may occur due to differences of opinion, obstruction of objectives, or negative emotions like anger. Conflicts based on disagreement can often be resolved through negotiation or communication; however, emotional factors can worsen conflicts. Interpersonal conflict occurs between individuals or groups, while social conflict happens between different communal divisions. Social conflict often emerges when marginalized groups lack resources or seek change, potentially leading to civil disorder and increased tensions between different social groups. International conflict consists of disputes between governments or nations, which can be addressed through diplomacy or warfare.

Human rights are intended to be perceived as inalienable, universal, and intrinsic. Everyone is meant to be seen as equal. The fundamental premise is that individuals are endowed with reason and morality, distinguishing them from other animals on Earth. Consequently, they are entitled to specific rights and opportunities that other animals do not possess. The preceding investigation focused on the challenges associated with integrating human dignity into philosophical and moral frameworks. The concept presents inherent ambiguity, and its significant contemporary application encounters challenges in integrating within and between regulatory domains that may resist broader interstitial frameworks. In conclusion, there are legitimate reasons why such a broad concept should be considered essential to our intuition. Human dignity is so closely tied to it that it will likely remain a fundamental element of moderating discourse, despite its complex nature.

Modern democratic society is founded on the opinion of the "Rule of Law." Laws are enacted to prevent conflicting societal notions and ensure the appropriate maintenance of public order. One primary objective of enacting these laws is to maintain public perception of lawfulness and establish a peaceful environment for individual advancement. The inherent worth of every individual is a foundational principle of liberty, equity, and tranquility, as stated in the UDHR preamble. The Higher Court has emphasized the significance of dignity in the state's Constitutional rights discourse by asserting that the right to life implies a dignified existence rather than a mere survival akin to subordinate creatures.

Constitutional guarantees of human rights are essential for ensuring legal accountability and protecting these rights, as they represent the highest law of a nation with which all other laws must conform. Therefore, the constitutional framework, which contains clauses on liberties and fundamental rights, essentially supports, defends, and honors human rights. This is especially true when it includes provisions that guarantee enforcement mechanisms crucial for inclusive societies, justice, and lasting peace. The UNDP is an organisation dedicated to addressing poverty, inequality, and climate change. With the support of partners and experts in 170 countries, UNDP assists nations in developing sustainable solutions that benefit both the environment and the population. Additionally, UNDP advocates for human rights globally. Individual states have responsibilities to endorse and save human rights. States should take necessary steps and develop strategies to advance human rights safety at domestic and international levels. Internationally, states can voice their concerns when human rights violations occur.

Countries play a vital part in shaping human rights frameworks, establishing essential institutions, and creating oversight systems to uphold those rights. They are among the first to report violations to international bodies and can support human rights standard compliance improvements. States need to follow international standards at the national level. Therefore, states should offer higher protection, such as resources for enhanced socio-economic liberties, as these standards generally provide only the basic safeguards. The responsibility of states' authorities to ensure the success of worldwide standards and effective domestic protection has been emphasized. Human rights supervisory mechanisms have consistently stated that their oversight should complement that of national tribunals and domestic systems in protecting human rights.

The preservation of human rights relies on states meeting their obligations. Establishing an effective Constitutional model is challenging, requiring detailed legislation, oversight of state institutions like law enforcement, and persistent efforts from various state organs. Many countries transitioning to democracy struggle to uphold democratic standards and human rights, indicating the considerable time needed for compliance. To fulfill its human rights duties, a state must ensure three key institutions: a legislative body elected freely to represent the people's will, a judiciary providing fair

trials and protection from arbitrary laws, and an executive branch prioritizing human rights and avoiding misuse of power.

Ensuring that those in positions of authority do not misuse their power is essential to human rights compliance. Various international human rights treaties outline appropriate behavior for actors outside governments within their spheres of influence. These instruments, known as "codes of conduct" or "codes of ethics," are designed for specific groups of authorities or professionals. They address individuals who may be subjected to demands such as torturing others or committing other human rights violations. Codes of ethics aim to promote adherence to international norms and create an environment where individuals will resist pressures to violate human rights. Many standards of conduct related to human rights are directed at the military and law enforcement personnel, are essential to maintaining public safety and upholding the law. The medical and legal professions are also included. National institutions serve as checks and balances to ensure it effectively in modern civilization. Prioritizing the creation of national institutions focused on safeguarding human rights is essential. These institutions play a vital role in protecting fundamental freedoms and ensuring justice for all. National institutions concentrating on human rights are organizations, authorities, or bodies with specific responsibilities to defend and promote human rights. Unlike NGOs, they often seek legal guidance from Constitutions or governments to advocate for and protect human rights. In many democratic nations, national institutions do not have a uniform structure or mandate; instead, they use a collegiate or individualized structure. In addition to their advisory role in human rights policies, some agencies possess quasi-judicial powers over personal freedom infringements.

National human rights institutions have varied mandates, such as preparing advisory reports, highlighting human rights violations, promoting awareness and legislation, developing education programs, monitoring standards, and examining petitions. They can help address human rights issues domestically. However, their value is limited without independence, which is essential for evaluating support. A 2022 study found that the UDHR influenced national Constitutions, with at least 90 since 1948 incorporating its principles. Many judicial and political bodies worldwide have cited the UDHR as influencing their systems.

Peace embodies a transformative state of societal friendship and harmony, where antagonism and violence have no place. Through the cultivation of this environment, communities can thrive and flourish together. In a social context, peace often involves the absence of conflict and the terror of ferocity amongst entities or organizations. The requirement of constructing a worldwide framework for peacebuilding was a driving force behind the establishment of international institutions, particularly in the twentieth century. International organizations such as the League of Nations, the United Nations, and regional organizations like the European Union are included in this. The UN was established in 1945 with a crucial mission: to maintain

peace and protect the rights and dignity of every individual. Its commitment to preventing conflict and promoting human rights is more important than ever. Today, the United Nations remains at the forefront of conflict prevention and response and addressing human rights breaches. Over 90,000 "blue helmets" support countries transitioning from battle to concord. Over a dozen UN agencies provide spare relief to over 100 million persons in need, while around 80 UN treaties and declarations promote and protect human rights globally. The UN Foundation is committed to raising awareness and supporting the UN's essential mission, focusing on vulnerable populations. Their initiatives underscore the critical importance of the UN's efforts in addressing global challenges and transforming lives. Most scholars in the field argue that claims suggesting peace studies methodologies lack objectivity, rely on primarily leftist or non-expert sources, are impractical, advocate violence, or have not resulted in policy improvements are inaccurate.

Disputes have directly shaped UN and donor policies toward conflict and post-conflict countries. Over the past decade, governments have developed key policy documents and responses, including the "Agenda for Peace," "Agenda for Development," "Agenda for Democratization," Millennium Development Goals, Responsibility to Protect, and "High-Level Panel Report." These advancements significantly affected the operations of the World Bank, global development agencies, and numerous non-profit organizations, highlighting their essential role in shaping the world's progress. Many international organizations have relied on them, including the United Nations, the United Nations Development Program, the United Nations Peacebuilding Commission, the United Nations High Commissioner for Refugees, the World Bank, the European Union, and the Organization for Security and Cooperation in Europe. Non-governmental organizations (NGOs) throughout the world, such as International Alert or International Crisis Group, as well as national donors such as USAID, DFID, CIDA, NORAD, DANIDA, Japan Aid, and GTZ, and many local NGOs. Scholars in these fields have created significant databases. Peace and conflict studies have highlighted the importance of human security, which are essential in the developed world and the Global South. However, there is an ongoing debate on how to apply these frameworks in different contexts. Additionally, the research sector faces challenges, balancing the objective of conducting critical research with being practically relevant.

Historical Background of State's Constitution Ancient History

Constitutional rights aren't exclusive to democratic countries. Even autocratic states like North Korea have constitutions that grant freedoms such as freedom of expression. In 450 BC, the Romans took a monumental step in governance by codifying their constitution by establishing the Twelve Tables. This foundational legal framework shaped their society and laid the groundwork for future legal systems. It underscored the significance of clear and accessible laws for all citizens and later reorganized it into the Codex Theodosianus in

438 AD. The Codex repetitæ prælectionis of the Eastern Empire (534 AD) shaped European law, succeeded by the Ecloga of Leo III (740 AD) and the Basilica of Basil I (878 AD). Basil I was a respected monarch who reformed Byzantine law, leading to the Basilica. He also achieved military success against the Paulicians in 872. The Edicts of Ashoka, a remarkable achievement of the 3rd century BC, laid the foundation for constitutional principles in India, showcasing an early commitment to governance and ethical leadership that resonates even today, with inscriptions attributed to Emperor Ashoka. Constitutionalism began with the ancient Greeks, especially Aristotle, who distinguished between ordinary and Constitutional law. Aristotle classified various Constitutions in his works and concluded that the best system mixes monarchic, wealthy, & republican aspects. He distinguished between citizens, who are eligible to participate in the state, and non-citizens, which include slaves.

During the breakthrough excavations that Ernest de Sarzec conducted in Iraq in 1877, stunning evidence of humanity's first known code of justice was discovered. This rule of justice was formulated by the visionary Sumerian monarch Urukagina of Lagash approximately 2300 BC. This extraordinary discovery sheds light on ancient legal systems and highlights the profound impact of governance on societal order and fairness. Though the document wasn't discovered, it granted rights like tax relief for widows and orphans. The Code of Ur-Nammu, from Ur around 2050 BC, is the oldest known surviving legal code, showcasing the sophistication of early legal systems and the foundational principles of justice that influence modern law, written in Sumerian on tablets (2100–2050 BC). Among the significant ancient legal codes, the Code of Lipit-Ishtar stands out as a remarkable testament to early governance and societal order, the code of Hammurabi, Mosaic law, the Hittite code, and the Assyrian code are its three names. In the year 621 BC, Draco compiled the oral laws of Athens, implementing the death penalty for various offenses, hence the term "draconian." In 594 BC, Solon established the Solonian Constitution, which eased workers' burdens and made ruling class membership wealth-based. Cleisthenes reformed the Athenian Constitution democratically in 508 BC.

Middle Age

Early Medieval Times, sometimes called the Dark Ages, lasted from the late fifth to the tenth centuries. During this time, many Germanic tribes filled the supremacy vacuum that the Western Roman Empire had left behind and codified their laws. The Western Roman Empire, administered separately from the Eastern Empire between AD 395 and 476, had distinct governance courts. The Euric Visigothic Code, established in 471 AD, ranks among the earliest Germanic legal documents and laws. The Lex Burgundionum, Pactus Alamannorum, and Salic Law of the Franks were the next in line. In 506, the Breviary of Alaric, a collection of Roman laws, was issued by King Alaric II of the Visigoths. Subsequent legal codes comprised the Edictum Rothari (643), the Lex Visigothorum (654), the Lex Alamannorum (730), and the Lex Frisionum (circa 785).

These documents were composed in Latin, whereas Anglo-Saxon was employed in England, beginning with the Code of Æthelberht of Kent (602). Around 893, Alfred the Great united old Saxon statutes and other precepts to create the Doom book, which introduced changes that altered England. In the Asian continent, the Japanese Constitution, drafted in 604 by Prince Shōtoku, has 17 articles. It was focused on social morality and influenced by Buddhist teachings, making it a beginning instance of a Constitution of the government.

The Constitution of Medina

The Declaration of Independence of Medina, also known as the Charter of Medina or the Umma Document, was written by the Islamic prophet Muhammad (PBUH) following his migration to Yathrib, subsequently referred to as Medina, where he assumed the role of political leader. This document addressed tribal issues and established the framework for a multi-religious state under Muhammad's leadership. It bears striking resemblances to Surah 5 (Al-Ma'idah) of the Quran and marked Established an official pact between Muhammad and the prominent tribes and families of Yathrib, encompassing Muslims, Jews, and pagans. The main goal of the Constitution was to stop the ongoing conflicts between the Aws and Khazraj clans in Medina. The Muslim, Jewish, and pagan communities were brought together into a unified community known as the Ummah, an overview of numerous rights and obligations for each of these communities. Although the exact date of the Constitution is debated, scholars generally agree that it was composed soon after the Hijra (622).

Medieval Period

The Instrument of Government was put into place in 1634 by the Kingdom of Sweden. Lord High Chancellor Axel Oxenstierna drafted the first modern state's written constitution following King Gustavus Adolphus's death. The first North American Constitution, the Fundamental Orders, was put into effect in Connecticut Colony in 1639, which served as the foundation for all Connecticut Constitutions and is why Connecticut is referred to as "the Constitution State." State. The Rump Parliament declared on January 4, 1649, that the House of Commons represents England. Representing the people, holding supreme power. Following the English Civil War, Oliver Cromwell's English Protectorate introduced a document known as the Instrument of Government, which is widely acknowledged as the first comprehensive written constitution of a contemporary state. This document justified Cromwell's growing authority from 1653 to 1657 as Parliament struggled to govern effectively.

Modern Constitutions

Fundamental principles of contemporary constitutions theory, such as Bicameralism, the separation of powers, a thoughtfully written constitution, and an active role for the judiciary all work together harmoniously, and review, originate in historical experiments from that period. The Government of Major-General John Lambert was the one who drafted it in 1653, incorporating elements from the "Heads of Proposals." In

1647, the Army Council reached a consensus on a constitutional arrangement after the defeat of King Charles I in the First English Civil War. Nonetheless, Charles dismissed these proposals before the commencement of the Second Civil War. The Grandees of the New Model Army put forth the "Heads of Proposals," offering a compelling alternative to radical ideas, aiming to reshape the future with thoughtfulness and vision, "Agreement of the People" at the Putney Debates. On December 15, 1653, Parliament took a decisive step by adopting the Instrument of Government, establishing a pivotal moment in our history. The next day, Oliver Cromwell was appointed Lord Protector, establishing a state council of 21 members with executive authority. "Lord Protector of the Commonwealth," The text outlines a non-hereditary life appointment and mandates that Parliaments meet every three years for a minimum of five months for each session.

In May 1657, The Humble Petition and Advice, which Sir Christopher Packed offered, succeeded the Instrument as England's last codified constitution. The appeal proposed the establishment of a hereditary monarchy under the leadership of Cromwell, affirmed Parliament's authority over taxation, provided for the creation of an impartial adviser to advise the head of state, and guaranteed the occurrence of Triennial meetings of the Senate. On May 25, a new and amended Petition was ratified, removing the provision about monarchy; however, this arrangement concluded with Cromwell's demise and the subsequent restoration of the monarchy. During the American Revolution, the future thirteen original colonies of the With the exception of Rhode Island, Connecticut, and Massachusetts, all of the states' constitutions were put into effect in 1776 and 1777. In 1780, the constitution of Massachusetts was approved. However, to making it the oldest still-functioning state constitution in the United States, while Connecticut and Rhode Island formalized theirs at a later date. For many years, the region was shaped by outdated colonial charters. However, in a significant shift, it embraced change and established its own state constitutions in 1818 and 1843, marking a new chapter in its governance and identity.

The earliest documented instance of a parliament, a royal assembly, dates to 1188 when Alfonso IX of León (Spain) summoned the three estates in the Cortes of León. Simon de Montfort stands out in English history for his remarkable role in convening two pivotal parliaments that shaped the future of governance. The initial event in 1258 restricted the king's total authority, whereas the subsequent event in 1265 involved common townspeople, citizens. During the significant changes of the seventeenth decade, the British lawmakers championed the principles of liberal democracy, laying the groundwork for the monumental Glorious Revolution and the ground-breaking 1689 Bill of Rights. These pivotal developments not only reshaped the political landscape of England but also set a powerful precedent for democratic governance around the world. In Great Britain, while the monarch was expected to chair the parliament and appoint ministers, King George I's struggle with the language dramatically altered this dynamic. As a result, the mantle of

leadership fell to Robert Walpole, the first Prime Minister, who effectively navigated the complexities of governance. This pivotal shift not only defined a new era in British politics but also laid the groundwork for the modern parliamentary system we recognize today. The gradual expansion of parliamentary democracy increased its influence in government and decision-making about to whom the king could assign the task of forming a government.

As the 19th century began, a crucial milestone in British history arose with the Great Reform Act of 1832. This revolutionary law ignited discussions about representation and democracy, transforming the political landscape and laying the groundwork for a more inclusive society. It solidified parliamentary supremacy, making the selection of the prime minister heavily dependent on parliamentary choices, which fundamentally guided government direction and amplified public voice in the democratic process. Many other countries have gradually adopted the Westminster system of government. In a dynamic political system, the executive is directly accountable to the smaller chamber of a bicameral legislature, effectively exercising its powers in service of the head of nation. This structure ensures a robust framework of checks and balances, fostering transparency and trust in governance. This led to terms like "Her Majesty's government" in monarchies or "His Excellency's government" in republics. Several countries that were once under British rule, including South Africa, New Zealand, Canada, Australia, and the Irish Free State, adopted this system when it became widespread. Several countries had their constitutions established by the British Parliament. However, some of their parliamentary systems developed differently from the British model. For instance, the Australian Senate is more similar to the U.S. Senate than to the British House of Lords. Additionally, after 1950 New Zealand has not had an upper house. Trinidad and Tobago, along with Barbados, has bravely severed its connections with Great Britain, transitioning into republics with independent presidents while preserving the Westminster system. This move underscores their commitment to self-governance and the fundamental principles of answerability and responsibility in parliamentary administration.

In the ages following the 1st World War, democracy and parliamentary systems became more widespread in Europe. Countries like Germany's Weimar State and Austria's First Austrian Republic went through huge changes after seeing how well the US, Britain, and France did as separate countries. These powerful influences shaped their political landscapes, highlighting the importance of democratic ideals in fostering stability and progress. In the 19th century, cities grew rapidly due to urbanization and the Industrial Revolution. This change, along with modern ideas, led many Radicals and social democrats to demand a parliamentary system. As a result, they became the leading political force in several countries. There, the Radical Party and their centre-left associates controlled the administration for many years. This system, adopted after the collapse of the 2nd French Empire on September 4, 1870, lasted until July 10, 1940, when the Vichy

government emerged after France's fall in World War II. Nonetheless, the 1930s saw the rise of fascism, ending parliamentary democracy in countries like Italy and Germany. Fascism represents a powerful and extreme ideology characterized by authoritarianism and an intense sense of ultra-nationalism, and which is marked by an authoritarian front-runner, central dictatorship, militarism, repression of dissent, conviction in a natural social order, and robust societal and economic control.

Following World War II, the victorious Allies occupied the defeated fascist Axis powers. Allied republics (the United States, United Kingdom, and France) implemented governmental Compositions in the occupied countries, leading to the Structures of Italy, West Germany (now all of Germany), and Japan in 1947. The experiences of occupied nations during wartime, which led to the return of legitimate democratic governments, reinforced the people's promise to governmental values. Denmark adopted a new-fangled composition in 1953, while Norway engaged in a lengthy discussion that ultimately resulted in no changes to its well-established democratic constitution.

The Westminster System

The Westminster system stands as a robust framework embraced by the Commonwealth of Nations and nations shaped by British political traditions. Its proven effectiveness in promoting democratic governance underscores its importance and relevance in today's political landscape. These parliaments have a more adversarial debate style, with plenary sessions being more significant than committees. Some countries, like the UK, Canada, India, and Malaysia, use a first-past-the-post electoral system, while others, like Ireland and New Zealand, use proportional representation (PR). This ensures that various subgroups within the electorate are represented in proportion to their size. In Australia, the House of Representatives uses preferential voting, and the Senate uses PR through a single transferable vote. The House of Governments, as the lesser house of Australia's parliament, plays a crucial role, while the Senate, the upper house, ensures a balanced and comprehensive legislative process. Together, they uphold democracy and represent the voice of the people. Regardless of the system used, voters typically ballot for baptised candidates rather than a closed list. Most Westminster arrangements require ministers to be members of Parliament, but some, like Bangladesh to enhance governance, we should adopt Jamaica's model, allowing extra-parliamentary ministers through an appointed Upper House while ensuring that most ministers, including the PM, originate from the elected minor dynasty for greater accountability and representation.

In Western Europe, countries like Spain and Germany follow a parliamentary model emphasizing consensual debating and semi-circular chambers. These systems unequivocally favour proportional representation (PR) with open-party lists rather than the Westminster model. Committees play a more significant role than plenary sessions. Extra-parliamentary ministers are common, and strict monism is rare. Nations like the Netherlands, Slovakia, and Sweden practice dualism,

necessitating MPs to resign when appointed as ministers. The method of appointing prime ministers and governments can vary, as can the need for explicit parliamentary approval. While countries like India mandate ministers to be legislators, in Canada and the UK, it's a convention in certain nations, this includes wonderful places like Norway, Sweden, and the Benelux countries, where sitting legislators are required to step down when they move into the executive branch. This practice ensures a clear separation between legislative and executive responsibilities, promoting accountability and maintaining the integrity of parliamentary democracy. Despite the fact that the Westminster prime ministers' system are usually the most prominent party leaders, their appointment is formally a head of state's prerogative.

The Constitution of Sweden, established in 1772 by King Gustavus III, drew inspiration from Montesquieu's ideas on the separation of powers as well as other Enlightenment thinkers' ideals. The king also repealed torture, liberalized agricultural trade, reduced the death penalty, and introduced religious freedom, earning commendation from Voltaire. The United States Constitution, ratified on June 21, 1788, was influenced by philosophers like Polybius, Locke, and Montesquieu, establishing a benchmark for republicanism. On May 3, 1791, the Polish Lithuanian Commonwealth Constitution was adopted and it was developed by Enlightenment figures, including King Stanislaw August Poniatowski and Stanislaw Staszic, and was Europe's first Constitution and the second oldest globally after the American Constitution. The French Constitution of 1791, France's first written Constitution, emerged after the Ancien Régime's collapse, emphasizing Constitutional principles and popular sovereignty. The inaugural Composition of Venezuela, which was recruited in 1811 through Cristóbal Mendoza and Juan Germán Roscio, set up a central administration before it remained cancelled a year later.

The Spanish Constitution of 1812 was approved on March 19, 1812, by an assembly convened in Cadiz, which was the only Spanish town protected from French profession. This Structure influenced liberal Constitutions in Southern Europe and Latin America, including Portugal's 1822 Constitution, numerous Italian circumstances' Constitutions during the Carbonari revolutions, Norway's 1814 Constitution, and Mexico's 1824 Constitution. From 1807 to 1811, Napoleonic French forces invaded Portugal three periods, prompting the noble personal to relocate toward Brazil in 1821. From Brazil, King John VI ruled his empire for thirteen years. Brazil's 1824 Constitution opted for a monarchy after independence, with Portuguese prince Pedro I, the king's eldest son, leading the emancipation process and being crowned as Brazil's first emperor in 1822. The country remained a Constitutional monarchy until adopting a republican model in 1889.

During the Napoleonic Wars, Denmark lost Norway to Sweden. In 1809, Sweden took a groundbreaking step by implementing the Instrument of Government, a transformative document that redefined the distribution of power in the nation. It established a

dynamic balance, dividing authority between the Riksdag, the monarchy, and the judiciary, paving the way for a more cohesive and structured governance. This innovative approach marked a significant evolution in Sweden's political landscape. Norway's 1814 Constitution adopted democratic and liberal principles after the American and French Constitutions, nonetheless kept a monarch with hereditary status constrained by the Constitution, similar to Spain. Switzerland's first Centralised Composition was enacted in September 1848, undergoing several amendments, leading up to the 1999 Constitution referendum updating the 1874 constitution. The Serbian revolution initially produced a proto-structure in 1811, with a full structure of Serbia following in 1835, adopted in Kragujevac. Canada's composition, recognized as the British North America Act, was enacted on July 1, 1867, and subsequently patriated with the addition of the Canadian Contract of Rights and Freedoms. The Canadian composition is made up of both the written elements from the Constitution Acts, spanning from 1867 to 1982, and also includes unwritten elements that are deeply connected to our common law. This blend helps to shape our unique legal framework and identity convention.

State's Constitution: Background and Types

The Constitution is crucial in maintaining a country's political and social stability. It establishes a usual of laws and values that guide the supremacy of a nation-state. It outlines the rights, rules, and responsibilities of both the government and its citizens, specifies the powers of different branches of government, and explains the procedures for creating and enforcing laws, regulations. Constitutions provide the essential structure for a nation's political system, forming the relationship between the government and its citizens. Like the US composition, a constitution can be written or unwritten, as seen in the UK's Composition. While most countries have some written constitutions, New Zealand, Saudi Arabia, Israel, and the United Kingdom are notable exceptions. Regardless of its format, a constitution is vital for any democratic society as it establishes a framework for stable governance and safeguards citizens' rights.

A codified Constitution serves as a governance framework, consolidating a state's essential principles and regulations into a solitary written text. In comparison, a constitution resembles the articles of association that regulate a group. From a self-governing viewpoint, a constitution safeguards individual rights and helps prevent authoritarian rule. Politically, it specifies and legitimizes those in power, detailing the primary institutions and processes that enact this sovereignty. A constitution ethically reflects the core values that underpin the state and society. Legally, it serves as the country's foundational law and forms the basis of its legal framework. As the apex of legal sources, all constitutional laws and legal statutes must comply with the Composition. Additionally, it sets up crucial systems for law enforcement and interpretation in instances of defilements and arguments.

Contemporary constitutions are frequently regarded as "social contracts" to regulate social life. In democratic countries, they are generally regarded not as agreements between the state and its citizens but as

a pact among the people themselves that specifies how to organize, reconcile varying interests, and shape their government. The Constitution's role becomes particularly crucial in societies facing tensions and conflicts. In these situations, it is expected to provide legal guidelines and a framework for resolving disputes, complete with principles and mechanisms applied.

All societies are governed in some manner. A modern Constitution aims to create a structure for efficient governance. Therefore, it's unsurprising that good governance is rooted in the core principles of today's Constitutionalism. The World Bank states that "good governance is epitomized by predictable, open, and enlightened policymaking (i.e., transparent processes); a bureaucracy imbued with a professional ethos; an executive arm of government accountable for its actions; and a strong civil society participating in public affairs, all adhering to the rule of law."

A codified Constitution specifies the core principles of laws, government structure, powers, and citizens' rights. Countries with codified Constitutions include the USA, India, and France. The benefits of such Constitutions are clarity and protection of rights. However, they are difficult to amend and can be inflexible. A written Constitution serves as a comprehensive document that establishes the country's supreme law, outlining the rights and obligations of the government. Conversely, an unwritten Constitution performs a similar function but depends on a combination of rules, customs, and historical precedents. While a written Constitution is found in a single document, an unwritten Constitution evolves from established traditions and practices. A key difference between codified and uncoded Constitutions is that codified ones typically provide a more straightforward legal framework, as all definitions are explicitly stated. In contrast, uncoded Constitutions offer greater flexibility, enabling easier adjustments to changing conditions and social norms. Additionally, due to its reliance on conventions and implicit standards, an uncoded Constitution can be more challenging to articulate its precise content scope.

A constitution that is not codified does not exist in a single document but combines statutes, court decisions, and conventions. This system offers flexibility and adaptability to changing circumstances. However, it may lead to legal uncertainty and difficulty in enforcement due to the lack of clear rules. The UK, New Zealand, Israel, and Saudi Arabia have unwritten Constitutions. These countries rely on strong legal traditions rather than a single document with higher legal status. Unwritten Constitutions, being less formal, may undermine legitimacy and be more vulnerable to abuse of power. The expert of the executive, legislative, and judicial branches is unclear, potentially leading to conflicts and ambiguity. The flexible nature of uncoded Constitutions allows for multiple interpretations, such as differing views on proroguing Parliament. While they offer adaptability, they also bring uncertainty. The choice between a codified or uncoded Constitution depends on history, culture, and political context, but both should outline government rules and citizen responsibilities.

Both codified and uncoded Constitutions depend significantly on Constitutional conventions norms that direct important Constitutional actors. In the UK, conventions limit the limitless prerogative powers of the government monarch. Traditionally, the King chooses the individual best suited to earn the House of Commons' confidence as Main Minister. Similarly, while the US Constitution does not demand it, members of the Democratic College follow the convention of reflecting the popular vote in their state rather than their personal preferences. Jones' recent book, "Constitutional Idolatry and Democracy," This text contrasts the strengths of the UK and US legal systems. It points out that the American Constitution is more available to lawmakers, juries, and the community. Many children in the US memorize sections of it, and it is easily found online, often topping best-seller lists. The UCL Constitution Unit states that "parliamentary sovereignty is a fundamental principle of the British Constitution". Lacking a formal written Constitution, the UK relies on statutes as its highest legal authority. Subramaniam notes that the main advantage of a written Constitution is the protection it provides to citizens, serving as a contract between them and their government, where citizens agree to governance in return for assurances of their freedoms and equality.

Subramaniam contends that the rights safeguarded by a written Constitution generally surpass the ability of a parliament to amend them solely by a simple majority. This protection protects individuals and minority groups from the pressures of majoritarianism and populism. British philosopher AC Grayling noted that a constitution that the current government cannot alter offers stronger protection for rights and freedoms than one subject to fleeting and partisan interests. In countries like the US, the Constitution is watched as a fundamental document. In contrast, the UK, which has functioned for centuries without a singular written Constitution, would face challenges in formalizing such a document, controversial. The process could take many years of political negotiation and lobbying, potentially making debates around the primacy of EU law seem minor in comparison. Furthermore, a report from the Commons Political and Constitutional Reform Committee in 2015 observed that written Constitutions worldwide typically exist after events such as invasions, revolutions, or significant political failures and breakdowns in government operations.

By 2017, just two nation states, New Zealand and the UK, had uncoded constitutions. Since 1950, Israel's Basic Laws aim to establish a constitutional foundation but remain undrafted, 2017. Uncoded Constitutions develop via rules and agreements established over periods, exemplified by the Westminster System in Britain. Unlike codified constitutions, uncoded ones consist of written elements like decrees enacted by the assembly and spoken components such as agreements, examples, royal privileges, and customs civilisations (e.g., holding general elections on Thursdays). Collectively, these form British Constitutional law. Interestingly, many Constitutions do not last more than ten years, with approximately 10% failing within one year, exemplified by the French Constitution of 1791.

Hegel once remarked, "A Constitution...is the work of centuries; it is the idea, the consciousness of rationality so far as that consciousness is developed in a particular nation." Thomas Jefferson predicted that Constitutions should remain in force for about twenty years, asserting that "the earth belongs to the living, and not to the dead." Recent studies indicate that a newly drafted Constitution typically lasts around nineteen years. Furthermore, a study from 2009 found that it typically takes about sixteen months to draft a constitution month.

The Constitution of a state is the fundamental law governing its Statehood. Constitutions typically encompass a set of endorsed rules and regulations underpinned by core principles, which guide the functioning of the state through its governmental institutions. A Constitution is not merely a collection of principles, provisions, and legal norms; it serves as the foundational legal text upon which national institutions are established and developed. The Constitution acts as the legal cornerstone for the inception of any statehood. However, the Basic Law within a state may encounter significant challenges if it lacks appropriate political, economic, and ethical alignment. Furthermore, the primary aims and objectives of the Basic Law must be articulated with clarity and precision. Constitutional law is also appreciated for its structural coherence and the eloquence of its expression, which all relevant parties, including opposing political factions, should embrace.

Constitutional law is documented in written texts or scattered across various documents and conventions. Constitutions undergo periodic changes to meet evolving needs and demands. About 800 compositions have been accepted and edited globally. The US Constitution is the oldest and shortest written Constitution, while the UK's is uncoded, consisting of laws, court cases, and treaties. Monaco has the shortest constitution, containing 3,814 words and India's is the longest, with 146,385 words. San Marino's Constitution, in effect since 1600, could be the oldest active constitution in black and white in the world.

Formulation of State's Constitution

As tribal groups transitioned to urban living and nation-building, many societies operated based on unwritten traditions. Concurrently, some evolved into autocratic or tyrannical monarchies, governed by decrees or the whims of individual rulers. This kind of leadership prompted astute thinkers to suggest that the qualities of rulers outweighed the structure of governmental systems operations. This perspective is evident in Plato's advocacy for governance by "philosopher-kings". Subsequent thinkers like Aristotle, Cicero, and Plutarch analyzed government structures through legal and historical lenses.

The Renaissance introduced political philosophers who critiqued monarchies and sought principles for constitutional design to achieve effective, equitable governance. Its foundation was rooted in humanism, influenced by the Roman humanities and the revival of traditional Greek viewpoint, Protagoras. This period saw a revitalisation of the Roman law of nations idea and its influence in international affairs, as efforts were made to found normal "laws of war and peace" aimed at reducing conflicts and their effects likelihood. This

sparked conversations regarding the range and source of royal or official power and possible solutions for its abuse.

A notable advancement in this conversation occurred in England amidst the Civil War and the Cromwellian Territory. The Works of Hobbes, Rutherford, Levellers, Milton, Harrington fuelled discussions among advocates of the divine right of kings, such as Robert Filmer, Those advocating for government based on natural laws and social contracts, including Henry Neville, James Tyrrell, Algernon Sidney, and John are individuals who have left a significant mark in history, showcasing remarkable achievements and contributions that inspire many Locke. The latter group argued that governments arise from a natural state governed by laws, forming a societal framework through a social contract.

Throughout this period, various writers assessed the importance of governmental design, even within monarchies. They categorized past governments as democracies, aristocracies, or monarchies, evaluating their justice effectiveness. They also considered how combining elements of each system could achieve a balanced and more complex governance structure. Thinkers like Montesquieu explored the appropriate separation of governmental functions into legislative, executive, and judicial branches. The common thread among these intellectuals was a belief that Constitutional design is not arbitrary but constrained by underlying principles applicable to all policies or organisations, building on the ideas of their predecessors regarding these principles.

In his later writings, Orestes Brownson seeks to clarify the purposes of the Constitution designers. Brownson claims three "Constitutions" are at play: The first is the Constitution of nature, encompassing all elements commonly referred to as natural law. The additional element is the Constitution of society, which consists of a spoken and widely accepted set of guidelines based on a social contract that predates government formation. This social Constitution lays the groundwork for the third Structure, the composition of government. The societal composition includes decision-making by public conventions, which are convened by public notice and conducted according to established procedural rules. Procedures in Parliament—accepted rules, ethics, and customs—govern meetings of assemblies or organizations, facilitating orderly deliberation on matters of interest and allowing the majority's will to be determined.

Each constitution must be grounded in its historical predecessors and significant events of societal development or legitimate ratification. Brownson asserted that a nation forms a society capable of effectively governing a specific territory. Consent to a well-constructed constitution stems from an individual's presence in that region. He argued that supplies within printed components could be labelled "unconstitutional" if they conflict with the principles of countryside or civilization. Moreover, Brownson believed that just ratifying a written constitution does not confer legitimacy; it also necessitates applying a competent design.

Some writers argue that these concepts reach beyond the Constitutions of national governments to those of private organizations. They suggest that it's not coincidental that Constitutions addressing the needs of their members include certain fundamental elements, or that their provisions frequently mirror each other as they evolve through practical experience and use. Provisions that raise particular questions are seen as needing extra measures for resolution, whereas those that do not suggest any action might be better left out and subject to policy decisions. Provisions that contradict what Brownson and others recognize as the essential "Constitutions" of nature and society often become challenging or unfeasible to implement, or result in disputes that cannot be resolved.

Constitutional design is often approached as a metagame, where the objective is to devise the optimal framework and supplies for a printed Composition that will effectively govern government operation. The goal is to balance justice, liberty, and security. A notable example is the metagame Nomic, created in 1982 by philosopher Peter Suber. Nomic is a game whose rules include mechanisms for their amendment, typically initiated through democratic voting.

Political economy theory considers constitutions as mechanisms that allow citizens to coordinate efforts and prevent abuses of power by those in authority. When citizens work together to hold officials accountable for infringing on constitutional rights, it fosters governmental adherence to the protections stipulated in the Constitution. Conversely, another viewpoint posits that it is not the public that upholds constitutions, but the enforcement capabilities of the state's administration. Rulers rely on institutions like the military, judiciary, police, and tax authorities to execute their policies. These bodies can confront the government by choosing not to comply, thus eroding the rulers' authority. Therefore, constitutions can be viewed as instruments that maintain a power equilibrium between rulers, key agents, and administrators.

A constitution usually denotes a set of guidelines and ideologies that outline the government's nature and functions. It typically regulates the interactions between state institutions, such as the decision-making, government, and bench, and the relationships among these entities' branches. For instance, the executive branch can include a leading position of government, multiple government departments or ministries, executive agencies, and a civil service or administration. The civil service is a part of the government mainly made up of career employees who are appointed instead of elected, and their positions typically persist despite shifts in political leadership. A civil service officer, lovingly referred to as a public servant, plays a vital role in the public sector, working for a government department to support and serve the community.

Constitutional Rights

Most constitutions define individual-state relationships and establish citizens' rights. They serve as the foundational law from which all other laws derive; it's called "Basic Law" in some areas. Constitutions include various rights and duties. A basic law can be a codified Constitution or serve as one in uncoded

countries, a Constitution. The phrase "basic law" is sometimes used instead of the Constitution and might be perceived as a provisional arrangement until a formal document is established constitution. Fundamental law may occasionally be utilized to prevent the perception of being the supreme law, akin to the Constitution. There could be several reasons for this, including religious considerations. These laws encompass many aspects such as rights, freedom, responsibility, and duties. The most important of these subjects have been outlined below:

Duty to pay taxes

A tax is a mandatory financial fee levied on taxpayers, whether individuals or legal entities, by a government authority to finance public expenditure and costs or to control and reduce adverse effects externalities. Tax obedience denotes the actions taken by policy-makers and individuals to ensure that taxpayers fulfill their obligations by remitting the accurate amount of tax on time and securing the appropriate allowances and deductions relief. The earliest recorded taxation occurred in Ancient Egypt between 3000 and 2800 BC. Taxes encompass both direct and indirect forms, which can be paid in either money or labour equivalent. Most countries around the globe implement a tax system to support public services, address daily societal needs, and sustain essential government functions.

Duty to serve in the military

Military service involves participation by individuals or groups in the army, various militias, air forces, naval forces, marine corps, or space force, either as a chosen career or through conscription. Conscription is the compulsory enlistment of individuals by the government into national service, primarily military service. This practice dates back to ancient times and persists in various forms and names in some countries today. During the French Revolution in the 1790s, the contemporary practice of widespread nationwide recruitment for young men originated, establishing a basis for a large and formidable military.

The issue of conscription is often discussed in several ways, including careful objections to military service based on spiritual or philosophical beliefs and party-political factors. As of 2023, many countries have discontinued conscription, relying instead on professional militaries composed of volunteers. However, this approach assumes a degree of predictability concerning war-fighting supplies and the extent of hostilities. Numerous conditions that have eliminated recruitment still retain the authority to reinstate it during wartime or in times of national emergency crisis.

Right to conscientious objection

A conscientious objector asserts the entitlement to decline military service based on freedom of conscience or personal religious belief. The term also denotes individuals who refuse to participate in the military-industrial complex because of a crisis of conscience. In several republics, careful objectors can choose alternative civilian service rather than being conscripted or obligated to serve in the military service. Resolution 1995/83 was ratified by the United Nations Commission on Human Rights on March 8, 1995, es-

tablishing that military personnel have the right to conscientious objection. In the United States, service members who come to hold carefully protest beliefs must submit their case to a panel of psychiatrists and military chaplain officers. Switzerland's panel consists solely of civilians, excluding any military authority. In contrast, Germany has put the draft on hold in 2011. The right to careful opposition is vital to our freedoms surrounding thought, conscience, and religion. This principle is beautifully supported. Inspired by the principles outlined in the Universal Declaration of Human Rights and the European Convention on Human Rights, we are reminded of the fundamental freedoms and dignity that belong to every individual.

Duty to work

The right to work represents the essential anthropological right of every separate, to participate in productive employment free from obstruction. This right is enshrined in the 1948 World-wide Statement of Human Rights. The 1966 International Covenant on Economic, Social and Cultural Human rights emphasizes the significance of economic, social, and cultural development. In 2006, In its responsibility to defend these norms and statutes, the United Nations Human Rights Council succeeded the Commission on Human Rights. Sustainable Development Goal 10 also aims to establish and implement policies that reduce inequality.

The right to gather and connect

The freedom of meeting enables people to gather, whether in public or private, to promote change and highlight issues like human rights and socio-economic concerns. Freedom of association encompasses the right to express, advocate, support, and uphold common interests and collective objectives. This right is documented as humanoid, party-political, and civil freedom. It includes joining or leaving groups voluntarily, collective action by the collection, and the group's right to regulate membership. This encompasses joining trade unions, engaging in free speech, and participating in political parties, religious organizations, fraternities, and sports clubs, without being compelled. Everyone has the right to create or join any legal or group organization.

Freedom of expression or speech

Liberty of language is a core code that lets persons and groups to share their thoughts and philosophies without fear of repercussion, restriction, or lawful consequences. This right is protected by the Universal Declaration of Human Rights and UN human rights legislation. Frequent countries have constitutional protections for freedom of speech. The phrases "free speech," "freedom of speech," and "freedom of expression" are commonly used interchangeably in party-political discourse. In legal terms, liberty of appearance includes all actions related to looking for, getting, and sharing info or ideas, irrespective of the method used.

Liberty of language has limits, including restrictions on libel, slander, obscenity, sedition, hate speech, privacy rights, and public safety perjury. The idea of freedom of speech and expression has deep historical roots, predating contemporary international human rights documents. The principle of free speech in ancient Athens is believed to have emerged between the

late 6th and early 5th centuries BC. Consequently, people can voice their views and exchange information, barring some exceptional situations.

Freedom of movement

Mobility rights, or the freedom of movement, are a fundamental human right enabling individuals to travel both domestically and internationally country. This right includes visiting places and relocating for residence or work. However, governments may impose public health, order, or safety restrictions. Most countries require citizens to travel with a valid passport or other official documents, but having these does not guarantee the right to leave. Restrictions may arise from criminal investigations, serving a sentence, debt default, or national security threats.

Freedom of thought

Freedom of thought signifies a person's capacity to form or evaluate an opinion or belief independently of others. Individuals pursue cognitive skills by acquiring knowledge, concepts, and theories, critically evaluating them in their contexts. This cognitive skill can generate a sense of fulfilment and mitigate feelings of powerlessness. Besides feeding the ego, gaining new knowledge and insights brings confidence for the future. The concept of freedom is closely linked to various rights, including freedom of religion, language, and expression. According to the United Nations Human Rights Committee, this distinction emphasizes the differences between the rights of thought, conscience, religion, or belief and the right to practice one's religion or belief. It imposes no limits on freedom of supposed, conscience, or choice of belief, which are protected without restrictions. The Human Rights Measurement Initiative evaluates global freedom of estimation and appearance through a country-specific human rights survey of experts.

Freedom of the press

Freedom of the media, encompassing various media forms such as print, electronic platforms, and published materials, is a basic principle that recognizes communication and expression as an inherent right. This freedom means there is no interference from an overreaching government; it can be secured through a constitution or other legal safeguards, security. Any government can decide which materials are public or confidential, irrespective of governmental information. State materials are protected for two main reasons: either because they are classified as sensitive, classified, or secret, or due to their importance in protecting national interests. Numerous governments adhere to "sunshine laws" or freedom of information statutes, which define the extent of national interest and authorize citizens to seek access to the information held by the government. The United Nations' 1948 Universal Declaration of Human Rights states: "Everyone has the right to freedom of opinion and expression; this right includes freedom to hold opinions without interference, and to seek, receive, and impart information and ideas through any media regardless of frontiers." Annually, the Committee to Protect Journalists compiles an exhaustive list of journalists who have been killed because of their work. This includes detailed profiles of each fallen journalist in a vast database, as well as a

yearly count of those currently incarcerated journalists.

Freedom of religion

Freedom of religion, or freedom of belief (FoRB), upholds the right of persons or communities to express their faith or belief publicly or privately through teaching, practice, and worship observance. It also encompasses the correct not to adhere to any religion or belief, commonly known as freedom from religion. Religious liberty may include secular liberalism, but not its authoritarian forms, secularism. Most nations and many individuals see religious freedom as a fundamental human right. This encompasses at least the freedom to believe, though some contend it should also include the liberty to practice worship. Freedom of worship is often seen as identical with both freedom of belief and freedom of repetition, or as a term that connects the two. This means that everyone has the right to practice their beliefs, alter their religion, and demonstrate their religious convictions through adoration, education, repetition, and adherence, as long as these actions are lawful.

Freedom from discrimination

The Universal Declaration of Human Rights (UDHR) affirms the right to freedom from judgment and is integral to worldwide human rights law, as embodied in the ICCPR and ICESCR. The International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) is a multifaceted agreement requiring nations to guarantee civil and political rights for individuals, including rights to life, freedom of religion, speech, assembly, electoral participation, and equitable due process. Similarly, enacted by the United Nations General Assembly on December 16, 1966, by GA Resolution 2200A (XXI), the ICESCR is another international convention with effect on January 3, 1976.

The right to be protected from judgment holds particular significance for historically marginalized and "vulnerable" groups. This right is specifically outlined in the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (ICERD), the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women (CEDAW), and the Convention on the Rights of Persons with Disabilities. To end prejudice based on race and to foster understanding among people of different ethnic backgrounds, the United Nations ratified the ICERD. On the other hand, the International Bill of Rights for Women, often known as CEDAW, was approved by the United Nations General Assembly in 1979. Its ratification count is 189 nations since its enactment on September 3, 1981. An international convention aimed at safeguarding the rights and dignity of those with disabilities, the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities.

Therefore, protection against discrimination ensures that rights outlined in other conventions are not denied owing to gender, race, color, linguistic, faith, party-political beliefs, national or social origin, affiliation with a nation-wide minority, property status, birth, or any other criteria status.

Right to vote

Voting is essential for engaging in a democracy system. It embodies social, cultural, and national justice issues and is a crucial civil rights matter. Every citizen of a state or country is entitled to vote. For instance, whether the accurate to election is considered a fundamental or Unconstitutional correct has been widely debated. Recently, a Supreme Court judgment in India clarified that the Precise to Division is Constitutional. This judgment raises the question: "Why is the right to vote considered Constitutional?" Voting is certain below Object 326 of the Structure of India. According to the country's supreme legal authority, any law or right mentioned in the Constitution but not categorized under a specific section is known as a Constitutional Law or Right. Since the right to vote is articulated within the Components and not under the category of foundational Privileges, it is designated as a Constitutional Right. The original U.S. Constitution offers minimal detail on voting rights, not explicitly guaranteeing citizens the right to vote. It only conditions that those qualified to poll for a state's most significant legislative chamber can also vote for the state's House representatives.

Right to dignity

Human dignity is a relatively fresh idea in world-wide and constitutional rule, acknowledged as both a value then a right. Human Rights as Deemed by All Nations (1946) recognizes human dignity but does not define it. Post-WWII Constitutional adjudication identifies three elements: equal, inherent dignity that remains undiminished, recognition and respect for this dignity, along with the government's obligation to actualize it via socio-economic rights. Founded on Kantian ethics, dignity implies that persons must not ever be used solely as a income to an finish. The legal notion of dignity is complex and often lacks a clear definition, blending moral philosophy with legal principles. While its widespread use has led to ambiguity, dignity remains essential as it represents both the essence of humanity and a fundamental human right.

Right to marriage

Wedding is a culturally then legally documented union between persons' wives, establishing rights and responsibilities amongst them, their children, and in-laws. While marriage definitions vary across cultures and religions, it typically involves sanctioned interpersonal relationships, often sexual. In some cultures, marriage must precede sexual activity. Marriage ceremonies are known as weddings, with private ones sometimes called elopements. Globally, there has been a push for equal rights and against discrimination for interethnic, interracial, interfaith, and same-sex couples, among others. Ongoing debates address issues like married women's legal status, marital violence, dowry practices, age for marriage, and sexual activity before or outside of marriage laws.

Individuals engage in marriage for various details, counting legal, communal, emotional, monetary, and mystical factors educational. more. Common-law marriages, valid by mutual consent but not formally recorded, bestow rights and obligations on the couple and sometimes relatives, establishing affinal ties. Everyone

of eligible stage is entitled to wed and establish a domestic, though this right is frequently contested when limited to heterosexual couples.

Right to start a family

Starting a family is a transformative experience, but in today's culture of competing values, more couples are delaying or missing out on parenting. The correct to domestic life recognized globally in various documents like It is guaranteed that family rights ties will be protected by both Article 16 of the Universal Declaration of Human Rights and Article 23 of the International Covenant on Civil and Political Rights. Family ties are considered a question of fact, evaluated case by case.

The European Court of Human Rights is a vital institution that helps protect the rights and freedoms of individuals across Europe. It plays an essential role in ensuring everyone is treated fairly and justly under the law, making it a key player in promoting human rights and safeguarding justice. Acknowledges societal changes and diverse lifestyles when defining family relationships, including same-sex partnerships since the 2010 Schalk and Kopf v. Austria case. Domestic ties that have been formed can be disrupted. The ICCPR, effective from 1976 with 168 State parties as of May 2016, protects individuals' civil and political rights, emphasizing the family's importance in Articles 17 and 23(1), safeguarding against unwarranted interference.

Right to liberty and security

Every individual is entitled to liberty, except when judicially imprisoned. The state must inform those arrested of the reasons and charges in a language they understand, ensure prompt judicial proceedings, provide trials within a suitable timeframe or upon release before trial, and provide compensation for illegal arrest or detention. Torture or cruel treatment is prohibited without exception. No one can be prosecuted for actions that were not illegal at the time under national or international law. People who texture their human rights have been infringed can appeal to the State Court of Human Rights. Detained or incarcerated persons are permitted to least rights and must be brought to trial immediately.

Right to academic freedom

The Royal Spanish Academy defines an academy as a society with public authority focused on science, literature, or the arts professional, artistic, technical, or practical teaching establishment. Academic freedom allows teachers to instruct and students to learn without external interference, including engaging in social and political criticism. It ensures the ability to teach, study, and research without unreasonable restrictions. This freedom is crucial for academic inquiry and the mission of academia, protecting educators from repression or job loss for sharing inconvenient ideas. Historically, academics in medieval Europe and emerging nation-states faced repression for challenging church doctrine or government policies. Recent studies by David Audretsch and colleagues indicate a decline in academic freedom over the past decade, correlating with a 4% decrease in patent filings and linking academic freedom to economic growth through innovation.

Right to a fair trial

Fair trials are acknowledged globally as a foundational human right. They help establish the truth and are essential for all parties involved in a case. Equitable trials are crucial for democracy, fostering just societies and limiting possible government and state abuses of authorities. The state's power to arrest, prosecute, and penalize individuals is a significant responsibility that requires careful restraint, guaranteeing protections to safeguard the rights of those accused in the criminal process. Suspected individuals deserve respect and compassion. If guilty, they should not be defined by their offense. A fair trial protects fundamental rights, ensuring equitable legal processes and criminal justice systems. The commandment of law requires uniform implementation of criminal laws, possibly necessitating special measures to allow some individuals a fair chance to present their defense. For example, interpreters may be needed for those who do not understand their rights, and children and vulnerable adults may require additional support to participate effectively in criminal proceedings.

Courts must be impartial, independent, and established by law. Those responsible for pretrial detention decisions, investigations, and determining guilt and sentencing must be neutral and base their assessments on the facts. Amnesty International's work focuses on ensuring fair trials for prisoners of conscience, political prisoners, and cases where the death penalty may be imposed. They report on legislation and procedures impacting fair trial rights, send trial observers to various countries, and mobilize support for prompt and fair trials for political prisoners. They also advocate for high fair trial standards for the Global Criminal Court, which handles killing, corruptions, against humankind, and war corruptions when national courts cannot or will not act. Anyone accused of a crime has the right to a public hearing by a neutral court within a sensible time. This includes the belief of blamelessness and vital privileges. Individuals should have resources to prepare their defense, access legal counsel, examine witnesses, and obtain free assistance from an advocate interpreter.

Right to personal development

The UN Declaration regarding the Right to Development establishes development as a right and seats people at the middle of the development process. It includes doings that develop a being's abilities and potential, enhance the quality of life (QOL), and assist in achieving dreams and aspirations. QOL is defined by the World Health Organization as "an individual's perception of their position in life in the context of the culture and value systems in which they live and with their goals, expectations, standards and concerns". Article 1.1 of the Declaration states: "The right to development is an inalienable human right by virtue of which every human person and all peoples are entitled to participate in, contribute to, and enjoy economic, social, cultural and political development, in which all human rights and fundamental freedoms can be fully realized." Additionally, Article 1.2 notes: "The human right to development also implies the full realization of the right of peoples to self-determination, which includes, subject

to the relevant provisions of both International Covenants on Human Rights, the exercise of their inalienable right to full sovereignty over all their natural wealth and resources."

There has been a global movement advocating for equal rights and opposing discrimination against inter-ethnic, interracial, interfaith, and same-sex couples, among others. Current debates focus on various issues, including the legal status of married women, marital violence, dowry practices, the legal age for marriage, and laws regarding sexual activity before or outside of marriage. This encompasses both formal and informal initiatives designed to support individuals in diverse professions like mentor, coach, manager, advisor, counselor, or teacher, extending well beyond the scope of self-help. In institutional contexts, personal development encompasses the plans, initiatives, instruments, methods, and assessment frameworks employed to foster positive adult development on a personal level within organizations.

The right to individuality starts with life; persons can develop their individuality through existence. Since ancient Greece, humans have been seen as having a "soul," distinguishing them from mere physical beings' flesh. Notwithstanding the intricate nature of individual identity, it is safeguarded and promoted through mechanisms of personality rights, privacy, and the entitlement to personal agency self-expression. The worldwide recognition of the development right that affords every person the chance to participate in and profit from economic, social, cultural, civic, and political rights. This right was acknowledged by the UN General Assembly in its 1986 Declaration on the Right to Development, which applies to both people and communities. After that, other United Nations resolutions and the 2015 2030 Agenda for Development confirmed it as an essential part of human rights generally.

Right to Information

The liberty of information signifies the correct to both publish then access information, closely linked with the ability to seek, receive, and share data. As outlined by UNESCO, it embraces various knowledge forms, including scientific, indigenous, and traditional knowledge. It generates publicly accessible knowledge resources similar to the Internet and promotes open data standards, access. Key priorities include preserving digital heritage, fostering cultural and linguistic diversity, and promoting local content in accessible languages. Through the promotion of lifelong learning, the enhancement of e-learning, and the improvement of media and information literacy, the program seeks to advocate excellence in teaching. Disparities in educational attainment, gender, age, color, ethnicity, and accessibility for people with impairments are addressed via the process of online social inclusion. In conclusion, it promotes the implementation of cost-effective information and communication technology solutions, including mobile networks, the Internet, and broadband service infrastructure.

Admission to administration info by the public, facilitated by open book and established freedom of info laws, is acknowledged as a fundamental component of democracy and governance integrity. Liberty of info is

inherently linked to liberty of countenance, encompassing various mediums such as spoken, printed, published, microelectronic, or creative forms. This suggests that safeguarding freedom of speech as a right involves protecting both its content and the methods of communication expression.

Right to privacy

Privacy means that people or groups can keep themselves or their information secret, which lets them share some of their self-expression. This domain overlaps with security, encompassing the correct handling and safeguarding of information. Privacy may also involve bodily integrity. The concept has been explored by many philosophers over time, with historical roots in ancient Greek philosophy. Aristotle famously distinguished between the public sphere (the polis) and the secluded compass (the oikos), representing political and domestic life, respectively. A fundamental component of many legal systems meant to prevent both public and private organizations from violating human rights, privacy is more than 185 national Constitutions include the right to privacy. On December 10, 1948, the United Nations General Assembly adopted the UDHR. Although the right to privacy isn't stated clearly, it is frequently interpreted in accordance with Article 12, which states: "No one shall be subjected to arbitrary interference with their privacy, family, home or correspondence, nor to attacks upon their honor and reputation. Everyone has the right to the protection of the law against such interference or attacks." Consequently, every individual is entitled to respect for their personal and family lives, residence, and communications, provided they abide by the law.

Personality rights

Character Traits rights, commonly recognised as the right of promotional, allow individuals to switch the profitable usage of their individuality, including their designation, copy, similarity, and other unique identifiers. Typically, these rights are careful stuff rights somewhat than personal rights. As such, they may survive the individual's death to variable extents, contingent on the jurisdiction. Personal privileges, on the other hand, pertain to the rights individuals have over their own bodies. This includes protections against assault and battery, safeguarding one's reputation and honor (protected by defamation laws), and legislation protecting individual privacy and freedom of movement. The concept of the humanoid "right to privacy" originates in the 12th century. Initially, the Latin term meant "what is fair" but evolved to represent "a right—an individual's entitlement to control or claim something." This transformation is evident in the *Decretum Gratiani* in Bologna, Italy. On a worldwide scale, organizations such as the GCHQ, R&AW, CIA, FBI, and NSA conduct extensive monitoring. The current arguments center on the following topics: (1) if dangers warrant public monitoring of the population; (2) whether private rights can coexist with intelligence access to personal lives; and (3) whether the social compact for security against terrorism requires privacy to be surrendered. The private sector, specially technological companies like Yahoo, Microsoft, Google, Amazon, Apple, and Meta,

poses threats to privacy by collecting and utilizing personal data.

Right to reject citizenship

Renouncing citizenship involves voluntarily giving up one's citizenship, standing in contrast to naturalization, where an individual voluntarily acquires citizenship. It is distinct from denaturalization, which involves the state revoking citizenship. Historically, the common law principle of perpetual allegiance underscores the unwavering obligation individuals have to their sovereign authority, asserting that one cannot simply abandon their duties and loyalty. Common law, developed by judges and quasi-judicial tribunals through written opinions, maintained that subjecthood bonds were singular and immutable. These practices persisted until the late 19th century. The practice of recruiting American citizens who were born in the United Kingdom into the Royal Navy was one of the factors that contributed to the outbreak of the War of 1812. When people who had immigrated to the United States went back to their home country, they were often required to fulfill duties that were associated with their previous place of origin. As a response, the US government enacted the Expatriation Act of 1868 and established a number of Bancroft Treaties, which acknowledged the right to renounce citizenship.

Rights of children

Youngsters' rights constitute a specific area of humanoid rights, emphasizing the special protection and care required for juveniles' need. The 1989 Convention on the Rights of the Child (CRC) defines a kid as "any human being below the age of eighteen years unless under the law applicable to the child, the majority is attained earlier." These rights consist of connecting with both parents, establishing a human identity, and fulfilling basic needs such as physical safety, nutrition, access to education funded by the state, healthcare, and criminal laws suited to one's age. Additionally, they protect people from discrimination on the basis of race, gender, sexual orientation, gender identity, national origin, religion, handicap, color, ethnicity, or additional traits. They also provide equivalent safeguards under the civil rights laws. The United Nations Committee on the Rights of Children, made up of eighteen independent experts, oversees the convention's implementation by ratifying countries. Governments must consistently report to and present before the committee to assess their advancements in upholding child rights. The reports and written observations from the committee can be found on its website.

Rights of debtors

Debts typically result from failing to adhere to a contract with a creditor. Consumer debt agreements are generally enforceable, but business debts need to be in writing. Debtors are those who owe money. Failing to pay debts is usually not a crime, except for court-ordered debts and taxes. Debtors can prioritize payments, except in bankruptcy. The validity of U.S. public debt is unquestionable, except for debts related to insurrection, which are void. Bankruptcy law is intricate, with debtors facing property loss and creditors dealing with minimal repayment. Bankruptcy proceedings restrict rights compared to non-bankruptcy situations.

Right of revolution

In political science, a revolution refers to a swift and substantial change in the class, state, ethnic, or religious framework of a society's structures according to sociologist Jack Goldstone, all revolutions have three main components: attempts to overthrow the current political order via conflicting ideas about what justice is, large-scale public mobilization, and non-institutional acts including rallies, strikes, marches, and acts of violence. Revolutions in history have differed in their methods, lengths, and outcomes. Some initiated with peasant revolts or guerrilla combat in rural areas, while others commenced with city uprisings targeting the capital city. Revolutions may arise from several sources, including political ideologies, ethical convictions, or governance frameworks such as human rights, democracy, nationalism, republicanism, equality, self-determination, liberalism, socialism, and fascism.

In political philosophy, the right of revolution refers to the people's authority or responsibility to "alter or abolish" a government that jeopardizes their collective interests or endangers their safety without valid reason. This principle has validated several historical revolutions, such as the American, French, Russian, and Iranian revolutions. The Declaration of Independence and the concept of a right to revolution became less significant in the US following the adoption of the Constitution, and they fell out of favour by the early nineteenth century. The right to revolution is a natural right, not one expressly granted by a Constitution. It would be illogical for a composition to permit challenges to its own expert. Nonetheless, recognizing the right to rebellion in the introduction, similar to the Pennsylvania Constitution of 1776, would not have been unreasonable.

Right to Life

The belief in the right to life that others should not kill individuals. This principle is central to debates on capital punishment, where many see the practice as immoral, and on abortion, where some view the termination of a foetus as unjust. Euthanasia, the act of intentionally ending life to relieve pain, also raises questions about this right. Similarly, the ethics of meat consumption involve the rights of animals, and killings by law enforcement spark debates over the infringement of individuals' right to live. Abortion debates often underscore the right to life, supported by moral and religious beliefs, arguments. Established in 1967, the National Right to Life Committee (NRLC) spearheads initiatives opposing abortion. Meanwhile, the moral implications of eating meat have been a subject of ongoing debate, centering around the ethics of its consumption of animals. Fundamentally, everyone has a right to live without facing unlawful killing, except in self-defense or defending another. Governments are responsible for investigating suspicious deaths and preventing unnecessary loss of life.

Amendments in State's Constitution

An amendment refers to changing or correcting a rule or text, including a constitution, through governmental or legitimate procedures. In the U.S., this characteristically relates to changes to the U.S. Constitution. These amendments can be submitted by a majority

of two-thirds in both the Senate and the House of Representatives, or employing a convention on constitutional law that is requested by two-thirds of the state legislatures. In the future, the states must ratify an amendment by three-fourths (38 out of 50). Rigid constitutional restrictions make particular revisions difficult or unfeasible, often requiring a referendum, a supermajority, or a minority party's consent. A Constitutional amendment essentially alters a political entity's constitution, organization, or similar entity. Here, a polity refers to a collective group with an organized identity, structured through politically institutionalized relations, and able to mobilize resources effectively.

Constitutions often include provisions that protect their most basic principles from being abolished, even though amendments. Constitutional amendments typically need a supermajority's consent, a referendum, or both. For example, a majority of two-thirds in both Diet chambers and a simple majority in a public vote are required to amend the Japanese Constitution. An amendment in the United States must be ratified by three-quarters (38 out of 50) of state legislatures and get a two-thirds of the vote in both Congress chambers. Changes can also occur through court interpretations of the Constitutional text. Given the high threshold for amendments, judicial decisions can be as crucial as formal amendments in revising Constitutions.

Constitutional amendments can be either integrated into existing sections, altering the text, or added as supplemental changes, modifying the government's framework without changing the existing text. Changing legislation generally requires a more demanding process than standard laws, such as the need for supermajorities in the legislature, direct voter approval through a referendum, or a combination of special procedures. In some areas, a referendum for Constitutional amendments can be initiated by popular initiative, where the electorate votes directly on a proposal, law, or political issue. Votes that exceed half of the total cast are termed majority votes ordinary, with supermajorities usually defined as three-fifths (60%), two-thirds (66.67%), and three-quarters (75%). The US Constitution has undergone only 27 amendments since its creation in 1787, which includes the initial 10 amendments referred to as the Bill of Rights. Thus, amendments must wield considerable influence, shaping the entire country or its populace, and safeguarding citizens' rights.

Ensuring Human Right to Write, Reform or Amendment of State Constitution

Human rights serve as the foundation of the constitutional framework in modern nations. They define the interactions among individuals, communities, and the government, influencing both governmental structures and the processes used for making decisions. Thus, human rights law is integral to modern Constitutions. Gaps in human rights implementation often stem from flaws in Constitutional law. Beginning with the adoption or modification of a Constitution is the first step in establishing a connection between human rights and a democratic constitutional framework. Positive outcomes rely on extensive community involvement, allowing individuals to express their views openly and

communicate without barriers. It is essential to consider their opinions through transparent processes, backed by fair and unbiased oversight. Cultivating these circumstances is necessary to uphold principles for freedom of expression, assembly, speech, media, and association.

Human rights and essential liberties are vital for ensuring fairness and justice in a functioning modern state. Community bureaucrats must be held accountable for actions inconsistent with the Composition, which ultimately guarantees individual and collective privileges and liberties. As the highest law, the Composition shapes society and the state, ensuring stability and defining relationships between the state and its citizens. Constitutions provide political and social stability during unstable times, acting as peace plans in post-conflict situations to prevent tensions and conflict recurrence through democratic institutions and rights protection. In democratic transformations, Constitutions introduce political and social changes. The UN's policy on Constitutional reforms acknowledges the importance of these processes in democratic transitions, peacebuilding, and state-building.

Constitution-making involves drafting new constitutions or reforming existing ones, emphasizing the importance of both process and substance. The creation and evolution of a constitution are crucial for facilitating peaceful political transitions, consolidating post-conflict peace, and preventing future conflicts. These moments offer opportunities to establish a cohesive vision for a state's future, resulting in significant and lasting impacts on peace and stability. The Secretary-General's leadership note on composition-making asserts that the UN should provide expertise and resources to assist in these processes when national or transitional authorities request it. The Office of the UN High Commissioner for Human Rights (OHCHR) is crucial in this effort. This publication, developed with UN agencies and partners, equips UN staff and international actors with tools for constitutional reform. The guidance emphasizes that support may include advice on international human rights agreements and responsibilities related to new constitutions and states.

Constitution making consists of creating and endorsing a new Constitution. In contrast, constitutional revision involves a detailed examination and alteration of the Constitution, potentially resulting in a primarily new document. In contrast, constitutional amendments aim to change particular provisions or to add or eliminate sections of the current Constitution. These procedures help ensure that the Constitution stays relevant and current, accommodating society's changing needs and values.

Constitutional reforms usually entail modifications to established Constitutional laws and practices. Such reforms become crucial when the existing frameworks are insufficient and obstruct the state's effective operations, or when it is necessary to address conflicts or restore state structures disrupted by internal strife or external aggression. As a result, reforms in constitutional law take place in various scenarios: moving from autocracy to democracy, rebuilding after conflict to ensure lasting peace, or advancing initiatives that foster

social justice within established systems, such as democracies.

Constitutional reforms aim to transform the state system by founding or modifying the Composition and connected lawgiving, including laws, concerning essential national institutions, human rights, important freedoms, and democratic regulations. For these reorganisations to succeed, they must be transparent and inclusive, embrace key democratic morals, and defend fundamental liberties and human rights. Therefore, it is essential to consider the following when thinking about Constitutional reform questions:

➤ **What kind of Constitutional reforms are planned?** This involves understanding the proposed changes, such as amendments, revisions, or creating new Constitutions. These changes can target various aspects, including the structure of government, human rights, and electoral laws.

➤ **What is the ultimate objective of the changes in Constitutional law?** This involves identifying the goals of the reforms, such as enhancing democratic governance, ensuring political stability, promoting social justice, and protecting human rights.

Constitutional law is a powerful tool, and its design and implementation are critical. By answering these questions thoughtfully, we can ensure that Constitutional reforms strengthen modern democratic states and foster a fair, just, and stable society. Democracy is a system where the people of a state hold sovereignty and the authority to rule, either personally or indirectly, through representatives. Participation refers to the involvement of citizens in creating, managing, and monitoring public policies and programs, either directly or via elected representatives. The foundation of a contemporary constitutional state is democracy, human rights, and the rule of law. Contemporary democratic states typically establish the following:

➤ Representative democracy (sometimes combined with direct democracy)

➤ Division of power with checks and balances between the executive (government) and the legislative (parliament), as well as the judiciary's independence

➤ Rule of law code

➤ Responsibility and accountability of office holders

Contemporary Constitutions have evolved to humanize governance, placing individuals and groups at the center. This goal is realized by weaving a Bill of Rights and essential liberties into the very fabric of the Composition, ensuring that these principles are at the heart of our governance. This approach ensures that the Constitution goes beyond regulating institutional relations and procedural processes, embodying the principles that make up a fair and just society.

A constitutional system with separation of powers allocates responsibilities among government branches (horizontal) and across levels (vertical). Recognizing the existence of discrete linguistic, religious, ethnic, or national groups is the purpose of this vertical divide. Using checks and balances, horizontal separation prevents any branch from acquiring undue influence. Governance must guarantee that all people, and public and private organizations, including the state, are subject to

laws that have been declared in public, that they are consistently enforced, and that they are independently adopted in accordance with the UN Secretary-General's Approach to Rule of Law Assistance (April 2008), which is based on international human rights norms. This calls for respect for the rule of law, equality, responsibility, equitable legal clarity, participation in decision-making, separation of powers, and application of the law, avoidance of capricious behavior, and openness in rules and processes.

Openness involves public exposure and transparency in government policies, standards, and choices. Relevant information should be available. Every government agency and official must follow the Constitution and laws in a democracy. Officials must respond to their constituting bodies under constitutional political responsibility. Constitutional or legal processes including political or legal measures and responsibilities must hold public authorities responsible for malfeasance. Laws of rights regulate and proclaim fundamental values like human dignity, freedom, equality, equity, and justice. Constitutional rights protect vital interests of individuals, including health, housing, personal security, and participation in public affairs. The development of Constitutionalism has evolved from focusing on the institutional dimension of state organization to emphasizing the well-being of individuals and groups.

Since most contemporary conflicts are internal, addressing the sources of human rights violations promptly and effectively can dramatically reduce their number and mitigate human suffering. Constitutional reforms are essential tools in this respect. Laws of rights and related mechanisms are especially important in societies torn by conflict and those facing developmental challenges. They help determine which values should be protected when interests conflict and how to balance these values with the majority's will and minorities' rights. A well-drafted and respected constitution evolved through history, acts as a protective umbrella for individuals and underpins a harmonious, democratic society. Certain constitutions prioritize the individual-state relationship by detailing the state's responsibilities rather than highlighting individual rights.

Incorporating human rights into the legal framework and organizational structures is crucial during the Constitutional reform. Depending on the situation, specific laws related to Constitution-making or amendments may be put in place, or relevant norms from the existing Constitution may be utilized. Usually, when the reforms are narrow in focus, they are often assigned to the parliament. However, special arrangements are frequently made for drafting a new Constitution or large-scale revisions, such as forming a Constitutional commission that includes various social actors to draft the Constitution. The Secretary-General's guidance on creating a constitution provides vital insights on processes, timelines, and sequencing for formulating a new Constitution. Each situation is unique and should be approached accordingly. There is a emphasis on those parts of the procedure with significant human rights implications. The human rights-based approach methodology can also offer helpful guidance when designing the writing/reform process.

For Constitutional reforms to succeed, they need support from various societal sectors. Examples show that reforms gain from public engagement and shouldn't be solely left to politicians, as shared ownership is vital. Different social actors' unique contributions are crucial. Recent trends in many countries highlight increased appreciation for public involvement in Constitutional reforms. The approach to public participation varies according to the constitutional traditions of a country, political situation, and the process itself. It's necessary to differentiate between drafting and adopting the Constitution. Voting by citizens for adoption has become more common. The three main modalities are:

- Adoption by referendum for discrete amendments, which is less frequent.
- Ratification of a constitution or modification that has previously been approved by parliament or a constitutional assembly in a referendum.
- Choosing options for essential Constitutional solutions by referendum before adoption by parliament or a Constitutional assembly, particularly for significant changes like the electoral system.

Constitution drafting should be organized to ensure input from various societal sectors is unobstructed and considered. This means setting up communication channels and organisational capacities. The process must encourage open and comprehensive discussions about Constitutional solutions across different societal groups. It is crucial that each segment of the constituency can participate, offer suggestions, and feel inspired to engage in this dialogue. Public participation should aim for optimized results, but overly complicated procedures can be manipulated, delay reforms, or obstruct the process. Thus, a strong organizational structure for public involvement is crucial to guarantee a seamless progression. In situations of conflict or tension, security risks should be addressed as they can limit consultations. A poorly designed participatory process can make reforms vulnerable, unrepresentative, and dangerous for participants.

The Human Rights and Constitution Writing/Reform Committee has affirmed that citizens' right to contribute to community businesses includes involvement in constitutional processes. This right is fulfilled when significant societal groups are represented and can take part. All democratic processes must respect and protect human rights. During elections or referendums, their conduct and outcomes may not always align with people's preferred options. Therefore, bodies organizing Constitutional reforms and other participating actors must prioritize the human rights environment. Special attention should be given to rights enabling communication, meeting, and organizing, such includes the rights of assembly, association, and freedom of expression. To empower participation, the state must effectively protect these rights against any interference from public or private actors. Additionally, the portrayal of individuals with disabilities and stayers of widespread human rights abuses must be considered, as their rights and proposed policies are often reflected in draft Constitutions.

There should be procedures to enable individuals who feel marginalized or believe their rights have been infringed to seek remedies. Some countries have adopted specific laws to govern the Constitutional reform process. If the political environment respects human rights, such laws may focus solely on process arrangements. Incorporate guarantees of human rights, legal remedies, and complaint structures. The basis for constitutional change based on international human rights should define drafting processes and content to address groups needing legal protections. Ensure robust representation of these groups in discussions before adopting or amending the Constitution. Involve all groups, including women, children, ethnic and religious minorities, indigenous peoples, refugees, displaced individuals, scientists, technologists, labor representatives, business members, human rights advocates, legal professionals, and the media, considered.

International norms for human rights arise from the General Assembly's treaties, agreements, and resolutions. Non-binding instruments, called "soft law," exert significant moral and political influence, shaping national legislation and practices. Agreements on human rights reference soft law in interpreting conventions. As of the 10th of January in 2018, 169 countries have confirmed their acceptance of the International Civil and Political Rights Covenant, while 166 countries had accepted the Economic, Social, and Cultural Rights International Covenant. 196 countries acknowledged the Convention for the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women and the Convention on the Rights of the Child was approved by 189 countries, and 179 countries supported The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Based on Race. By approving these treaties, states commit to aligning their laws and practices with these standards, including constitutional law. National lawmakers should be guided by international human rights standards, using them as benchmarks for evaluating domestic legal measures. States must ensure that domestic laws conform to these standards, as defined in the UDHR and other international treaties. The impact of global human rights measures on domestic systems originates from the supremacy of international law. Highlighting international standards at the national level is vital for safeguarding human rights, especially when domestic laws are in conflict, and addressing any required legislative gaps.

In a democratic state, laws are expected to reflect and protect the society's values and ideals, particularly in a Constitution's Bill of Rights, which should express the fundamental values relevant to individuals and groups. For a Bill of Rights to gain broad public backing, it must be created with contributions from all sectors of society. However, the majority's opinion should not override the human rights of minorities or individuals. Drafters must weigh different options carefully and offer clear, accessible explanations for all social group actors. According to international human rights law principles, a Bill of Rights must take measures to remove discrimination and social exclusion. The Universal Declaration of Human Rights emphasizes the

many grounds for discrimination, including but not limited to race, color, sex, language, religion, political convictions, national or social origin, property position, birth, and other factors. Additionally, disability is included on this list as a result of the Convention on the Rights of Individuals with Disabilities. Furthermore, reasons like conviction, ethnic origin, age, marital status, and economic standing are included in the International Convention on the Protection of the Rights of all migrant workers and their Families. These are all examples of categories that are incorporated into the convention.

Multiple human rights treaty authorities have declared that discrimination based on sexual orientation and gender identity is not acceptable, even though this is not directly included in the nine primary human rights treaties. Many modern Constitutions now encompass a greater number of grounds for prohibition than those specified in the Covenants, two related treaties, and the Universal Declaration of Human Rights. In the drafting phase, incorporating diverse perspectives in Constitutional discussions is crucial. A Bill of Rights must align with ratified human rights treaties and strive for higher standards. The global declaration of Human Rights should serve as a benchmark. Although International human rights treaties do not bind all countries, they remain the best legal framework for safeguarding rights and should be considered an ideal by non-ratifiers. Drafters must ensure the Bill of Rights meets international standards and avoid ambiguous language. Ultimately, it should promote compliance with international human rights principles.

Constitution drafters often face conflicts between international human rights standards and local culture. Practices that harm individuals, like female genital mutilation, should be outright banned by the Constitution and legally prohibited. This constitutional reform is a chance to harmonize customary laws with international human rights values, making this a Constitutional goal supported by educational and promotional efforts. Customary regulations that go against international human rights standards ought to be outlawed by the Constitution. A major difficulty is balancing the extent of constitutional freedoms and rights. Drafters often grapple with making the Constitutional language clear and comprehensive or general and open to interpretation. Finding the appropriate balance is crucial. A comprehensive Bill of Rights should protect individuals and groups' essential human and fundamental rights without being overly technical and inaccessible to the public. A balanced, cautious approach is generally advisable.

A comprehensive Bill of Rights should set out and constitutionally protect individuals and groups' essential human and fundamental rights. However, striving to achieve this goal shouldn't lead to an overly technical Constitution that is difficult for the general public to understand. A balanced, cautious approach is advisable. Given the diversity in legal traditions, cultures, and historical experiences, it's an internationally applicable Bill of Rights. Due to the diversity in national traditions, the Bill of Rights should include only a few essential rights: those indispensable for protecting human

dignity and personal development, those establishing the framework for public participation, those protecting socially acceptable personal income and economic interests, and those providing the legal basis for key social and cultural services.

The integrity of a Bill of Rights must be safeguarded through its thorough implementation, determination: protecting human dignity. However, applying Constitutional rights in concrete situations can lead to tensions. For example, there is the age-old conflict between the rights of the majority and those of the minority, between the right to health care and the need for everyone to have access to it, and between the right to free speech and the need to prevent incitement to violence. The law is rife with practical tensions, particularly regarding transitioning bills of rights from enumeration to implementation. Using vague Constitutional language to avoid these problems might satisfy stakeholders but shifts the burden to other entities, mainly the courts. Therefore, drafting a constitution with precise language is advisable to minimize implementation tensions. Even with optimal language, law can provide arguments for conflicting interests. While the Bill of Rights should support harmonized implementation, ultimate coherence between rights is achieved through legal procedures that safeguard these rights and address conflicts of interest.

Those who draft a Bill of Rights frequently encounter pressure from different groups, including constituents, to commit to more than is possible. While yielding to such weights may be politically attractive, popular support for a provision cannot come at the expense of the Constitution's credibility. Unrealistic proclamations of rights undermine the value of both the Bill of Rights and the Composition. Two key queries on enforcing a Bill of Rights arise: the essential content of Constitutional provisions and acceptable restrictions on their rights. This is a sensitive issue in human rights, as society's interests must be recognized and respected. At times, limitations on rights can be unavoidable. Only a few rights, such as the prohibition of torture, must be guaranteed without constraints. It is crucial to distinguish between the inherent limitations of rights and those established by evaluations from state authorities' limitations, such as respecting others' rights and the law, which prevent rights from leading to anarchy. Even if not explicitly mentioned in treaties or bills of rights, these inherent limitations are implied, as one person's enjoyment of rights should not infringe on another's. This is a personal responsibility matter.

The basic principles of modern bills of rights are frequently spelled out in detail, usually conforming to clauses in the global declaration of Human Rights and the International Covenants on Human Rights, which establish fundamental concepts like equality, freedom, and human dignity. Bills of rights can also be influenced by significant human rights treaties, including the consideration of a child's best interests as mentioned in the Convention on Children's Rights. The core principles outlined in a constitution can vary based on a nation's cultural and legal traditions. Bills of rights generally define the principle of freedom by listing individual liberties, which include freedom of religion,

freedom of conscience, freedom of thinking, and freedom of expression, along with the freedom for gathering and association. Furthermore, many constitutions emphasize the essential principle of freedom. International human rights law is based on equality and non-discrimination, as evidenced by key human rights treaties. The proscription of discrimination serves as a crucial element of equality, typically articulated as a separate principle in international agreements and constitutions. International human rights law distinctly lays out the necessary standards.

The International treaty on Civil and Political Rights characterizes discrimination as any distinction, exclusion, limitation, or favoritism based on factors including color, race, gender, religion, language, political or other opinions, national or social origin, property, birth, or similar status. Such discrimination aims to undermine or obstruct the acknowledgment, enjoyment, or practise of rights and freedoms equally. Integrating equality and non-discrimination clauses into a national Constitution is broadly acknowledged, yet it necessitates careful selection of wording. The equality principle is fundamental to contemporary Constitutions, often expressed in a section focused on the State's general principles or the Bill of Rights. Non-discrimination requires States to eliminate both formal and substantive discrimination. Formal discrimination is confronted by ensuring the Constitution prohibits discrimination based on specified grounds, such as guaranteeing equal rights for women and men. Substantive discrimination is addressed through the prohibition of discriminatory practices. States must take measures to eliminate stereotypes, conditions, and attitudes that perpetuate discrimination.

To address inequality, a Constitution must integrate the concept of "non-discrimination." States are encouraged by the Committee to End Discrimination Against Women to incorporate this definition in their Constitutions. Most modern Constitutions guarantee equality and non-discrimination while specifying these principles in various contexts. Many align with the interpretation of equality, requiring states to enable all individuals to exercise their rights through laws and policies that address inequalities. Achieving genuine equality often involves offering temporary benefits to historically marginalized groups. This approach seeks to eliminate barriers to human rights and promote equality faster.

The Universal Declaration of Human Rights and key international human rights treaties commonly guide national legislators. Nevertheless, a constitutional assembly isn't required to follow the rights specified in these documents and treaties, some rights may be historically extraneous, such as the prohibition of slavery or penalties for failing to meet contractual obligations. States must find ways to articulate and protect universally recognized human rights in their constitutions. Those involved in drafting constitutional reforms can benefit from the insights and feedback of committees that focus on fundamental human rights standards. Civil rights and freedoms uphold essential aspects of life, liberty, privacy, personal safety, and dignity while ensuring procedural protections. The UDHR endorses

property, asylum, and nationality rights. However, these rights were not incorporated into the International Civil and Political Rights Covenant due to differing viewpoints. Given the evolving landscape in constitutional and international law, those engaged in constitutional reform should consider including these rights. Additionally, the right to intellectual property protection found in other global treaties should be reviewed by drafters.

Modern Constitutions affirm freedoms related to political parties, recognizing their essential role in a state's political structure. They protect the rights to form, join, and leave parties while ensuring these entities operate independently. Constitutions also typically prohibit parties from actions conflicting with democratic principles. Political rights in international agreements often underpin those in rights bills. Some Constitutions try to address political disputes among social or ethnic groups, but resistance exists to incorporating these rights into law. Certain rights are defined in legislation. In some countries, economic, social, and cultural rights are absent from Constitutions, which detail state obligations towards social issues instead. This creates a perception of individuals as mere beneficiaries of services rather than rights holders. Different legal frameworks and interpretations yield diverse Constitutional systems. Nonetheless, many recent Constitutions include the Bill of Rights, which includes every type of right.

In contrast to civil and political rights, economic, social, and cultural rights must be taken into account when drafting a Bill of Rights. The realization of these rights significantly depends on the capacities of the state, necessitating constitutional assemblies to proceed with caution in formulating norms within this domain. Devising effective strategies to address economic, social, and cultural challenges without making excessive promises is imperative. Drafters should remain cognizant of diverse normative perspectives regarding these rights and act accordingly. If the capacities of the state permit, priority ought to be given to establishing enforceable rights and freedoms. Nevertheless, dismissing an issue solely due to present constraints is imprudent. For instance, if declaring a legal right to decent housing is currently unfeasible, the constitutional assembly should explore alternative methods, such as delineating a state obligation or policy. This strategy can facilitate progress and ensure governmental accountability. Adopting such constitutional language can pave the way for future recognition of claimable rights as resources become accessible. Implementing numerous economic, social, and cultural rights may require a progressive approach, as specified in the Economic, Social, and Cultural Rights International Covenant. In contrast, the International Civil and Political Rights Covenant allows for limitations on specific rights, including freedom of movement, public trials, freedom to practice freedom of expression, assembly, and association, as well as religion or beliefs. However, such restrictions are not permissible for other rights except under extraordinary circumstances.

Human rights inherently include the notion of responsibility. Freedom is not just anarchy; it involves

the obligation to honor other people's liberties and rights. A base level of responsibility is essential to genuinely appreciate personal rights and freedoms. Each person is both a rights holder and a duty bearer, highlighting our collective responsibilities to family, community, and the state. While many responsibilities are ethical, such as caring for family members, some have become legal requirements in different jurisdictions. For example, parents are legally required to support their children until they become adults; likewise, in some regions, adult children might have a legal obligation to care for their elderly parents. The UDHR recognizes individuals' duties toward their communities and emphasizes the community's role in promoting individual growth. Additionally, parents or legal guardians are required by the Convention on the Rights of the Child to provide for the raising and development of the child by providing essential living conditions and resources.

International human rights treaties usually refrain from highlighting specific individual duties. They broadly and specifically address duties, aiming to reconcile individual rights and responsibilities. Many countries incorporate essential duties to the State or community in their Constitutions, often focusing on law respect, tax payment, and national defense. Some Constitutions expand on this list, depending on societal traditions and experiences. These texts commonly include legal and ethical duties. Countries in transition often stress Constitutional declarations of citizens' responsibilities to the State. In contrast, some States rely on ordinary legislation to frame individual duties, with Constitutions remaining silent on this aspect.

Constitutions often differentiate between the duties of all individuals under the state's jurisdiction and those of its citizens. When this differentiation exists, a constitution may impose duties related to the citizen-state relationship only on its nationals. The complete realization of human rights necessitates a supportive social environment and assurances for their safeguarding. This is reflected in the Human Rights Declaration. It includes rights that promote a stable social order and provide procedural guarantees to protect these provisions. A democratic Constitution plays a key role in establishing such an order. Therefore, Constitutional reforms must enhance the protection of democratic governance and human rights and ensure the practical implementation of adopted reforms. Political elites and civil society must remain determined to establish new foundations beyond the signing ceremony. Enforcing the Constitution requires institutional safeguards, legislative actions, capacity building, and continual involvement from civil society vigilance. Every public official, whether nationally and locally, is responsible for upholding and implementing the Constitution, including its Bill of Rights. The specific tasks and duties differ based on their Constitutional roles—legislative, executive, or judicial. When crafting a Constitution, it is crucial to consider essential institutional and procedural safeguards for rights and freedoms. Individuals or groups who assert their rights or defend against violations primarily interact with local public authorities, which oversee water supply, public order, safety, social

services, and freedoms related to assembly and association. Therefore, Constitutions should contain provisions that mandate all state and local government actors to protect and implement the Bill of Rights.

Human rights and democracy are intrinsically linked. In authoritarian regimes, human rights cannot be adequately safeguarded because state actions lack judicial, legislative, or administrative oversight institutions. Democratic institutions and due process in judicial and administrative procedures are vital for creating a Constitutional framework that supports human rights. The division of powers in the state should ensure that parliament, as the representative of the people, plays a central role, and this division plays a crucial role in shaping legislation while safeguarding the independence of our judicial system, ensuring that justice remains impartial and fair., which is critical in protecting Constitutional rights and freedoms. Divided power ensures that the executive, legislative, and judiciary operate within their Constitutional mandates, preventing the build-up of authority that leads to arbitrary state actions. Although the separation of powers is rarely stated explicitly in Constitutions, the placement and competencies of the legislative, executive, and judiciary ensure their autonomy and prevent power concentration. In countries undergoing democratic transformation, there is often a desire to include these principles clearly in the Constitution.

Parliaments are essential in defending human rights by enacting laws implementing constitutional rights and freedoms. Many Constitutions designate this responsibility specifically to parliaments, ensuring that elected representatives set legal norms. Additionally, parliamentary consent is often required to ratify critical international agreements, including human rights treaties. Parliaments are central to developing policies for implementing rights and serve as key supporters of national human rights institutions. Their oversight functions further reinforce constitutional rights. Specialized human rights committees have been created by several parliaments to engage with rights holders.

The Constitution typically ensures the independence of the judiciary from other state bodies. This principle is crucial within the division of powers. While the legislative and executive relationship can vary based on traditions and governmental forms, the judiciary must be independent to perform its duties. This independence ensures impartial court decisions, fair proceedings, and equal party treatment, which is essential for justice. Some Constitutions address the judiciary's independence as justice-administering bodies and judges' independence in their duties. Although these are aspects of judicial independence, it's preferable to articulate these guarantees separately. Specialized courts, including military ones, can pose risks to independent and impartial defendant treatment. The Human Rights Committee asserts that military courts generally should not prosecute civilians except in specific, limited circumstances. Therefore, Constitutions should address the possibility of such judicial bodies to minimize risks to independence, impartiality, and fairness.

For a country to effectively implement its Bill of Rights, its laws must align with the Constitution. Thus,

it is crucial to establish a mechanism for assessing the Constitutionality of laws. In many common law nations, courts can evaluate laws' Constitutionality in various cases. Other countries have specialized constitutional courts, while some delegate this task to the Supreme Court. Drafters must carefully consider the most suitable option for their situation. To ensure Constitutional stability and avoid hasty amendments, especially in transitional nations, "sunset clauses" can be employed, which cause certain legal acts or rulings to lapse after a specific date or event unless new legislation is enacted. For example, the Constitution of Nepal includes such provisions.

The judiciary is central to human rights guarantees, protecting individuals and groups from arbitrary state actions, including unlawful detention, expropriation without legal justification or fair compensation, and unwarranted denial of social benefits services. It offers an independent, competent, and impartial review and decision on cases, influencing public policies and legislation through judgments, especially from the highest courts of appeal or Constitutional courts. This role is crucial for reviewing the Constitutionality of laws. Public interest litigation and international human rights law emphasize access to courts, the right to appeal, and constitutional protection complaints. Human rights treaties emphasize deciding cases by a judge in criminal and civil matters. This is vital due to severe limitations on personal freedom or life, which should not rely on executive discretion.

The right to court access ensures that individuals can present cases involving their rights to a judicial body. This right includes civil and criminal law cases and evaluates the legality and substance of administrative decision elements. It is considered the utmost institutional safeguard for human rights and is frequently highlighted in contemporary discussions of Constitutions. These Constitutions detail elements related concerns the standing of judges, courts, and due process procedures to guarantee fair trials. Judges must be entirely independent in their decisions, free from external influence. Constitutions often provide judges' immunity, irrevocability from office except for serious misconduct, and various forms of judicial autonomy to protect this independence.

Laws and judicial decisions outline procedural protections supporting due process, enhancing legal safety for individual groups. These guarantees uphold human rights and the constitutional state. A key protection against arbitrary actions requires a higher authority to review decisions impacting individuals. The right to appeal applies in administrative and judicial contexts and is crucial to the rule of law, even if some constitutions separate it. Judicial review of administrative decisions also falls under the right to appeal. Many modern civil law constitutions grant individuals the ability to lodge a constitutional complaint, asserting their rights before relevant courts. This procedure safeguards rights in a bill of rights, offering broad and narrow complaint models.

In countries with standard law systems, judges can assess the consistency of laws with the Constitution in

individual cases, removing the need for a separate procedure. Many nations' Constitutions include the writ of habeas corpus to protect individuals from unlawful detention, allowing detainees to request court-ordered release. Public interest litigation brings individual and public interest issues to judicial review. A litigant is not required to have a direct interest in the outcome, known as "standing" or a "legal interest." The crucial element is to show that the issue has considerable public interest and would gain from judicial review decisions. Public interest litigation aims for court decisions on issues that impact the public, especially when laws allow for different interpretations. Organizations frequently utilize this process to champion marginalized communities directly or by assisting others. Courts can provide rulings on particular matters, issue temporary orders in complicated cases, and appoint commissioners to monitor and report on the execution of these temporary measures.

Institutions of national human rights aligned with the Paris Principles are vital human rights defenders. They vary in legal status, composition, and functions, with examples like ombudspersons and National Human Rights Commissions. These entities must function independently of governmental authority, especially the executive. They can recommend actions to state authorities, assess human rights violations, and address complaints from individuals or groups. In some countries, multiple organizations exist, and many constitutions include provisions to support national human rights institutions, ensuring their independence and outlining their roles. Constitutions should also provide a transparent process for appointing leaders and affirm the inclusivity of national human rights commissions across society.

In many nations, individuals can submit requests, proposals, or demands to government bodies, parliament, and central and local authorities, commonly known as the right to petition. This right offers an additional avenue, alongside access to judicial systems and national human rights institutions, for influencing governmental actions regarding human rights violations. Petitions generally lack a detailed procedure, and the petitioner's standing is not as strong as that of parties before independent state organs. However, petition addresses in many countries must respond within a set timeframe and provide information on any actions taken or planned. Individuals, NGOs, and civil society groups can use petitions to advocate for human rights-friendly legal and policy changes. The Internet and mobile technology have created new opportunities for public mobilization. Human rights law underscores accountability for violations and rejects impunity for perpetrators. It ensures victims' rights to remedies and reparations, often as compensation, and the right to the truth.

The Universal Periodic Review, the Human Rights Council's Special Procedures, and human rights treaty bodies significantly influence Constitutional reform by offering various recommendations. These recommendations generally stress the importance of implementing and safeguarding human rights within the national framework. Drafters of national constitutions should refer to the guidance of these human rights

mechanisms to address human rights issues effectively. This support can help create thorough constitutional provisions to protect and enhance human rights. International human rights law enforcement at the national level often faces challenges related to treating international treaties in domestic legal systems. Although global treaties typically hold greater importance than domestic legislation, not every state fully recognizes this. Despite a general agreement on the importance of international agreements over national legislation, some argue that this precedence does not necessarily apply to the obligations of the state Constitution.

International treaties hold a position of supremacy, often taking precedence over the laws enshrined in national constitutions. Yet, a state party that harbors objections to a particular article or provision of an international human rights treaty before officially ratifying or acceding to it possesses the ability to navigate these waters. By expressing a reservation, the state can still align itself with international law, as long as this reservation does not undermine the fundamental essence and intent of the treaty. One of the crucial factors for states when implementing international human rights law is their adherence to monist or dualist legal traditions. The monist approach allows for the immediate application of international law in judicial processes, particularly when the rights in question are self-executing. This means that such rights can be directly enforced without additional incorporation into the nation's domestic legal framework. This characteristic is most often observed in civil law jurisdictions, where international treaties can have direct legal effect upon ratification.

On the other hand, the dualist tradition is the norm for most common law jurisdictions. Under this framework, International human rights treaties mandate a particular procedure for domestic legislation to incorporate them before they can be enforced. This necessitates legislative action, such as passing new laws or amending existing laws, to implement the rights specified in the agreement. As a result, a state may choose to ratify a human rights treaty and express its commitment to upholding those rights on an international level. However, if the relevant domestic legal measures are not adopted, the treaty provisions could remain ineffective and unenforceable within the domestic legal system. This distinction underscores the complexities involved in incorporating and enforcing international human rights laws, highlighting how domestic legal structures can significantly impact the realization of these rights for individuals within a state.

Monist and dualist traditions differ less than they appear. In monist states, many human rights treaties are not self-executing, requiring domestic laws to be implemented in courts. Even self-executing provisions may prompt states to further enact more specific human rights legislation. Although it acknowledges that the International Covenant on Civil and Political Rights does not mandate it, the Human Rights Committee supports direct applicability. Additionally, the right to a remedy for human rights violations is essential. According to human rights treaty bodies, states are required to offer remedies for these violations to guaran-

tee the adequate protection of human rights at the national level. Constitutions that enshrine this right have been welcomed. Unrestricted access to international bodies and processes is vital for upholding human rights. However, domestic legislation and practices often prevent individuals from seeking international assistance when national protections are inadequate. A constitutional guarantee of such access is essential. Despite this, only a few constitutions acknowledge this right, as the significance of utilizing international resources for human rights protection has only recently come to light recognition.

Power Structure and Accountability in State's Constitution

Constitutions determine the locus of sovereignty within a state, which can be categorized into three forms: unitary, federal, and confederal, based on the degree of centralization. However, these classifications are adaptable. In a unitary system, the state retains sovereignty as specified by its Constitution. The territory may then be divided into regions lacking sovereignty and directly governed by the state. For example, in the UK, parliamentary sovereignty, or parliamentary supremacy, consolidates ultimate authority within the legislature, granting it absolute power over all other branches of government, including the executive judiciary. This body has the authority to alter or revoke any legislation without being restricted by written law or precedent. Sovereign legislatures exist in countries like the UK, Jamaica, Sweden, New Zealand, Finland, and the Netherlands. Typically, amendments to the constitution necessitate a supermajority vote. Authority has been transferred to Scotland, Northern Ireland, and Wales but not to England. Certain unitary states, like Spain, are devolving power to sub-national governments, functioning similarly to federal states. Federal states have a central authority with limited territory, primarily housing federal institutions, and various regions (states, provinces, etc.) form the entire state's territory. The division of sovereignty is between the central government and its regions. Canada and the U.S. constitutions create federal systems that allocate power between the states or provinces and the central government, each possibly having its own unitary constitution.

A confederate state comprises various regions where most sovereignty lies within those areas, while the central authority plays a limited role in coordination. Confederations typically have rare constitutions, leading to ongoing discussions regarding their federal traits. In some cases, nations that haven't formed a federation may confer portions of their sovereignty to a higher authority via treaties and agreements. For instance, member states of the European Union have consented to adopt Union-wide policies, such as the metric system, which limits their overall autonomy and sovereignty. A state of emergency allows a government to implement measures beyond its usual authority to safeguard citizens. Such declarations can occur prior to, during, or following armed conflicts, pandemics, civil unrest, natural catastrophes, or other biosecurity hazards. Many constitutions authorize the declaration of a state of emergency in exceptional circumstances, often

suspending certain rights and guarantees. Unfortunately, this provision can be exploited to suppress dissent and violate human rights. In France, three main provisions address various states of emergency emergency": Article 16 of the 1958 Constitution grants the president "extraordinary powers" during crises, Article 36 governs the "state of siege," and the Act of 3 April 1955 permits the Council of Ministers to declare a "state of emergency."

In presidential and semi-presidential systems, the president has the power to appoint or dismiss department secretaries or ministers who are accountable to him. The president is accountable to the public through elections. A presidential system, often referred to as a single executive system, includes a president overseeing an executive branch that operates separately from the legislative branch, highlighting the importance of the separation of powers. This system was initially implemented in the UK. Cabinet Ministers are answerable to Parliament in parliamentary systems, while the prime minister holds the authority to appoint and dismiss them. The earliest recorded parliament was assembled in 1188 by Alfonso IX, King of León (Spain), comprising the three estates within the Cortes of León. In the UK and other monarchies, the monarch selects and removes ministers according to the prime minister's recommendations. The prime minister must step down if Parliament loses faith in the administration. This loss of confidence can arise from a no-confidence vote or defeat in a crucial vote, such as the budget. When confidence is lost, the government continues to operate until a new one is established, which usually necessitates a general election.

Constitutions are typically safeguarded by legal institutions that interpret them and overturn any executive or legislative actions that contravene their provisions. In countries like Germany, this role is fulfilled by a dedicated Constitutional court that exclusively handles this function. In Ireland, ordinary courts undertake this responsibility alongside their other duties. The United Kingdom, however, does not have the concept of declaring an act unconstitutional. A Constitutional violation occurs when a Constitutional court judges an action or legislative act to be in conflict with the Constitution. An example would be the legislature attempting to pass a law that contradicts the Constitution without following the proper amendment process. Constitutional courts primarily deal with Constitutional law and have the authority to rule on the constitutionality of challenged laws. The UK operates under parliamentary sovereignty, where the courts cannot question laws passed by Parliament.

Challenges to Implement Human Right in State's Constitution

Human rights are globally accepted ethical standards that create expectations for how individuals should behave and are commonly safeguarded by both domestic and foreign legislation. The Universal Declaration of Human Rights outlines rights that are applicable to everyone, irrespective of location, nationality, ethnicity, or cultural background. These rights encompass legal, social, and ethical standards that guarantee free-

dom and equality entitlement, Creating basic normative guidelines that outline what is allowed or owed to individuals, stemming from legal frameworks, social norms, or ethical perspectives. Rights represent crucial ideas in both law and ethics, particularly within justice theories and deontology. Freedom is the ability or right to act, talk, and transform as one pleases without interference. It is connected to freedom and self-determination, embodying the concept of self-governance or "giving oneself one's own laws."

The right to peaceful assembly, often closely connected with the freedom of association, represents the fundamental individual right to come together with others in a harmonious manner to express, advocate, promote, pursue, and protect common beliefs and ideas. In contemporary liberal democracies, this principle of freedom is highly valued, particularly in relation to the rights of free speech, religion, and the press. These freedoms are thought to be essential for a vibrant civil society, allowing citizens not only to voice their opinions but also to collaborate in the pursuit of shared goals and values, thereby fostering a culture of mutual understanding and respect. The freedom to come together and associate with others is celebrated as a fundamental human right, an essential political freedom, and a vital civil liberty. This right empowers individuals to unite for common causes, fostering collaboration and driving meaningful change in society. The concepts of "freedom of assembly" and "freedom of association" differentiate between the right to assemble publicly and the right to join groups. Generally, freedom of assembly relates to the right to protest, while freedom of association pertains to labor movements rights. The U.S. Constitution recognizes the rights to assemble and to join organizations. Similarly, Articles 37 and 38 of the Bangladesh Constitution ensure the freedom of association and assembly.

Italian political theorist Giovanni Sartori highlighted that some national Constitutions serve as a pretense for authoritarian regime's power. These documents might assert a commitment to human rights or establish an independent judiciary; however, they can be ignored if the government perceives a threat, or they may never actually be implemented. A notable instance is The Soviet Constitution, which appeared to endorse freedoms such as speech and assembly; however, individuals who exceeded informal boundaries encountered consequences of imprisonment. The Soviet Constitution drew inspiration from the Russian Constitution of 1918, which was created by the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR), a precursor and integral part of the Soviet Union. These Constitutions emphasized the Soviet Union's character as a socialist nation-state, the kinds of communal property, a system of councils (soviets), and the direction of the working class for governance authority. Although they advocated for political, economic, and social rights consistent with Marxist-Leninist ideology, the reality was quite different. This prompts somebody to consider if Russian citizens genuinely experienced human rights and freedom. Ultimately, this case demonstrates that the actual enforcement and advantages of a constitution

hinge on the dedication of both the government and society to its principles, not just on its written text. A constitution can oscillate between being authentic and merely superficial as democratic and autocratic regimes come and go.

Advocates of a codified Constitution contend that it offers stronger human rights protection through defined legal frameworks and checks on government power. The Human Rights Act of 1998 incorporates the European Convention on Human Rights and partially codifies rights in the UK, but Parliament can still override it. A written Constitution would provide greater clarity and public understanding of constitutional matters, ensuring written checks and balances limit executive power. This would grant Parliament definitive control over the executive. On the other hand, an uncoded Constitution is said to support a strong, decisive government, offering flexibility and negating the need for fundamental changes. Written Constitutions can hinder effective government actions due to their rigid structures. The UK's unwritten Constitution, supported by longstanding conventions like prerogative powers, has operated without major problems for years. Additionally, a written Constitution could lead to the Supreme Court interpreting constitutional disputes, involving it in political issues despite being unelected. An uncoded Constitution can adapt more readily to societal changes, as demonstrated by forming a coalition government after the 2010 general election.

Conclusion

Constitutional guarantees of human rights embody a nation's highest law and are essential for ensuring protections and accountability. Fundamental rights create legal avenues for upholding, defending, and advancing human rights, especially with necessary enforcement mechanisms for peace, justice, and inclusive societies. An approach based on human rights is vital for UN development assistance, and the urgency to integrate human rights into development initiatives has grown. Globally, democratic values face threats as governments respond to COVID-19, economic disruptions, and environmental issues. Society demands social justice and human rights for everyone, irrespective of gender, race, religion, or any status. The Sustainable Development Goals (SDGs) emphasize Constitutions in fostering lasting peace and justice, guiding states in social and economic development, poverty alleviation (SDGs 1-4, 7-11), gender equality (SDG 5), inequality reduction (SDG 10), environmental conservation (SDGs 6, 12-15), and promoting peaceful, just societies (SDG 16). Supporting Constitution making and reforms is crucial to the UN Development Programme's initiatives aligned with the 2030 Agenda and SDGs, emphasizing solutions for progress across multiple domains.

Democratic values are being eroded across the globe as governments wrestle with how to respond to any global crisis like war or pandemic, the global economic shocks created by such crisis and other economic forces, and the environment under attack. People are calling for social justice and human rights to be realized for all, irrespective of their sex, race, colour, language, religion or belief, political or other opinion, gender

identity, national, ethnic or social origin, wealth, birth or other status. This analytical paper may consider as a compendium that transports useful and available advice for ensuing human rights in constitutions. Here all the provable rights one would expect to find in a democratic society have identified and which complies with international human rights norms and standards as well as describes the scope of each right and the different protections it seeks to afford. It also provides examples of the way the right has been translated into different constitutions, as well as references to the international treaties and standards that enunciate the right in a chronological order.

The history of human rights is intricate, with established rights often supplanted by systems diverging from their original Western foundations. Factors such as conflict, war, and cultural shifts can disrupt stable institutions. Historical notions of justice in law and religion are sometimes retrospectively recognized as human rights. Certain philosophers advocate for a secular social contract, while ancient traditions arrive at similar conclusions based on divine law. Citizens expect constitutions to safeguard and endorse human rights. Drafters should include key components, such as an enumeration of protected human rights in a Bill of Rights or Charter of Rights, specifying how rights function, who benefits, and how they are enforced. Clear guidelines must outline limitations on rights and ensure protection during crises. Systems for public advocacy and oversight, including an independent judiciary, are essential. Democratic institutions must uphold rights, which encompass the opportunities necessary for human survival. The state is responsible for ensuring access to fundamental rights, despite facing both internal and external challenges sources.

References:

1. Weisstub DN "Honor, Dignity and the Framing of Multiculturalist Values" in Kretzmer D and Klein E (eds) *The Concept of Human Dignity in Human Rights Discourse* (Kluwer Law International the Hague 2002), accessed on 02 Sep 2024
2. <https://courses.lumenlearning.com/culturalanthropology/chapter/holism-in-anthropology/>, accessed on 02 Sep 2024
3. Eckert J "Legal Roots of Human Dignity in German Law" in Kretzmer D and Klein E (eds) *The Concept of Human Dignity in Human Rights Discourse* (Kluwer Law International the Hague 2002), accessed on 02 Sep 2024
4. <https://blog.ipleaders.in/right-dignity-rule-law>, accessed on 02 Sep 2024
5. Barak A "Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right" in McCrudden C (ed) *Understanding Human Dignity* (Oxford University Press Oxford 2013), accessed on 02 Sep 2024
6. Dicke K "The Founding Function of Human Dignity" in Kretzmer D and Klein E *The Concept of Human Dignity in Human Rights Discourse* (Kluwer Law International the Hague 2002), accessed on 02 Sep 2024

7. Gary J. Bass (book reviewer), Samuel Moyn (author of book being reviewed), 20 October 2010, *The New Republic*, accessed on 02 Sep 2024
8. Powell, Mark Allan (2009). *Introducing the New Testament: A Historical, Literary, and Theological Survey*. Baker. ISBN 978-0-8010-2868-7, accessed on 02 Sep 2024
9. <https://lawexplores.com/the-philosophy-of-law-in-the-writings-of-augustine/#Fn23>, accessed on 02 Sep 2024
10. Roth, Hans Ingvar (September 2018). P. C. Chang and the Universal Declaration of Human Rights. University of Pennsylvania Press. p. 177. ISBN 9780812295474, accessed on 02 Sep 2024
11. Freeman, Michael (2002). *Human Rights: An Interdisciplinary Approach*. Wiley. ISBN 978-0-7456-2356-6, accessed on 02 Sep 2024
12. <https://www.insidehighered.com/views/mclemee/mclemee317>, accessed on 02 Sep 2024
13. Morley, Neville (2010). *The Roman Empire: Roots of Imperialism*. Pluto Press. ISBN 978-0-7453-2870-6.; Di-amond, Jared (2011). *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed* (Revised ed.). Penguin, ISBN 978-1-1015-0200-6, accessed on 03 Sep 2024
14. Mousourakis, George (December 12, 2003). *The Historical and Institutional Context of Roman Law*. Ashgate. ISBN 9780754621140, accessed on 03 Sep 2024
15. Douma, Sytse; Schreuder, Hein (2013) [1991]. *Economic Approaches to Organisations* (5th ed.). Harlow: Pearson Education Limited. ISBN 978-0-273-73529-8, accessed on 03 Sep 2024
16. *The New Oxford American Dictionary*, Second Edn., Erin McKean (editor), 2051 pp., 2005, Oxford University Press, ISBN 0-19-517077-6, accessed on 03 Sep 2024
17. Philpott, Daniel (1995). "Sovereignty: An Introduction and Brief History". *Journal of International Affairs*. 48 (2): 353–368. JSTOR 24357595, accessed on 03 Sep 2024
18. <https://www.britannica.com/topic/Constitution-politics-and-law>, accessed on 03 Sep 2024
19. <https://www.ucl.ac.uk/Constitution-unit/explainers/what-Constitution>, accessed on 03 Sep 2024
20. <https://academic.oup.com/book/26983/chapter-abstract/196195611?redirectedFrom=fulltext>, accessed on 03 Sep 2024
21. <http://hrlibrary.umn.edu/edumat/hreduseries/hereandnow/Part-1/short-history.htm>, accessed on 22 Sep 2024
22. <https://www.un.org/en/chronicle/article/international-human-rights-law-short-history>, accessed on 22 Sep 2024
23. https://www.un.org/en/udhrbook/pdf/udhr_booklet_en_web.pdf, accessed on 22 Sep 2024
24. Longino, Helen E. (2013), *Studying Human Behaviour: How Scientists Investigate Aggression and Sexuality*, University of Chicago Press, ISBN 978-0226921822, accessed on 22 Sep 2024
25. <https://www.bl.uk/collection-items/magna-carta-1215>, accessed on 22 Sep 2024

26. Schwoerer, Lois G. (1990). "Locke, Lockean Ideas, and the Glorious Revolution". *Journal of the History of Ideas*. 51 (4): 531–548. doi:10.2307/2709645, accessed on 22 Sep 2024
27. Hazeltine, H. D. (1917). "The Influence of Magna Carta on American Constitutional Development". In Malden, Henry Elliot (ed.). *Magna Carta commemoration essays*. BiblioBazaar, ISBN 978-1116447477, accessed on 22 Sep 2024
28. "The Declaration of Independence: A History". The U.S. National Archives and Records Administration. January 17, 2010. Archived from the original on September 17, 2008, accessed on 22 Sep 2024
29. McDonald, Robert (2008). "Mason, George (1725–1792)". In Hamowy, Ronald (ed.). *The Encyclopedia of Libertarianism*. Thousand Oaks, ISBN 978-1-4129-6580-4, accessed on 23 Sep 2024
30. "Britain's unwritten Constitution". British Library. Archived from the original on 8 September 2021. Retrieved 27 November 2015. The key landmark is the Bill of Rights (1689), accessed on 23 Sep 2024
31. Rees, Dr Yves (2020). "The women of the League of Nations". www.latrobe.edu.au, accessed on 23 Sep 2024
32. Wiest, Andrew (2012). *The Western Front 1917–1918: From Vimy Ridge to Amiens and the Armistice*. Amber Books. pp. 126, 168, 200. ISBN 978-1-906626-13-6, accessed on 23 Sep 2024
33. Crenshaw, Kimberle (1991). "Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color". *Stanford Law Review*. 43 (6): 1241–1299, ISSN 0038-9765, accessed on 23 Sep 2024
34. de Vries, Jan (2008). *The Industrious Revolution: Consumer Behaviour and the Household Economy, 1650 to the Present*. Cambridge University Press, ISBN 978-0511409936, accessed on 23 Sep 2024
35. Bremner, Gavin; Wachs, Theodore D., eds. (2010). *The Wiley-Blackwell Handbook of Infant Development, Vol. 1: Basic Research (2nd ed.)*, Wiley-Blackwell, ISBN 978-1444332735, accessed on 23 Sep 2024
36. Beauchaine, T. P.; Hinshaw, S. P.; Gatzke-Kopp, L. (2008). "Genetic and Environmental Influences on Behaviour", *Child and Adolescent Psychopathology*. Wiley. pp. 58–90, ISBN 978-0470007440, accessed on 23 Sep 2024
37. Tajfel, Henri; Billig, M. G.; Bundy, R. P.; Flament, Claude (1971). "Social categorization and intergroup behaviour". *European Journal of Social Psychology*. 1 (2): 149–178. doi:10.1002/ejsp.2420010202, accessed on 23 Sep 2024
38. Alford, John R.; Hibbing, John R. (2004). "The Origin of Politics: An Evolutionary Theory of Political Behaviour". *Perspectives on Politics*. 2 (4): 707–723, ISSN 1541-0986, accessed on 23 Sep 2024
39. Barki, Henri; Hartwick, Jon (2004-03-01). "Conceptualizing the Construct of Interpersonal Conflict". *International Journal of Conflict Management*. 15 (3): 216–244, ISSN 1044-4068, accessed on 23 Sep 2024
40. Mitchell, Christopher R. (2005). "Conflict, Social Change and Conflict Resolution. An Enquiry". *Berghof Handbook for Conflict Transformation*. Berghof Foundation, accessed on 23 Sep 2024
41. Miller and King, 2005, "Peace," in A glossary of terms and concepts in peace and conflict studies, University for Peace, Geneva, accessed on 23 Sep 2024
42. Rao N "Three Concepts of Human Dignity in Constitutional Law" 2011 *Notre Dame L Rev*, accessed on 23 Sep 2024
43. Shaheed, Ahmed; Richter, Rose Parris (17 October 2018). "Is 'Human Rights' a Western Concept?". *IPI Global Observatory*, accessed on 23 Sep 2024
44. https://shodhganga.inflibnet.ac.in/bitstream/10603/89946/10/10_chapter%20ii.pdf, accessed on 24 Sep 2024
45. Hohfeld, W. N. *Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning*, ed. by W.W. Cook (1919); reprint, New Haven, CT: Yale University Press, (1964), accessed on 24 Sep 2024
46. <https://www.hrw.org/news/2020/03/19/human-rights-dimensions-covid-19-response>,
47. <http://sumananthromaterials.blogspot.com/2010/06/anthropology-and-human-rights.html>, accessed on 24 Sep 2024
48. Sutto, Marco (2019). "Human Rights Evolution, A Brief History". *The CoESPU Magazine*. 2019 (3): 18–21. doi:10.32048/Coespumagazine3.19.3, accessed on 24 Sep 2024
49. Glendon, Mary Ann (2002). *A world made new: Eleanor Roosevelt and the Universal Declaration of Human Rights*. Random House. ISBN 978-0375760464, accessed on 24 Sep 2024
50. <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-10/undp-protecting-human-rights-in-Constitutions.pdf>, accessed on 24 Sep 2024
51. Adewale, Adeyinka; Schepers, Stefan (2023), Adewale, Adeyinka; Schepers, Stefan (eds.), "Pre-colonial Political Order in Africa", *Reimagining Africa: Lifting the Veil of Ignorance*, Cham: Springer Nature Switzerland, doi:10.1007/978-3-031-40360-6_2, ISBN 978-3-031-40360-6, accessed on 24 Sep 2024
52. *Frontiers of Language and Teaching, Vol.2: Proceedings of the 2011 International Online Language Conference (IOLC 2011)*. Universal-Publishers. ISBN 978-1-61233-559-9, accessed on 24 Sep 2024
53. Ignatieff, Michael (2001). *Human Rights as Politics and Idolatry*. Princeton & Oxford: Princeton University Press. ISBN 0691088934, accessed on 24 Sep 2024
54. Moyn, Samuel (2010). *The Last Utopia: Human Rights in History*. Harvard University Press. ISBN 978-0-674-04872-0, accessed on 24 Sep 2024
55. "Journals Ranked by Impact: International Relations". 2016 *Journal Citation Reports (Social Sciences ed.)*. Thomson Reuters. 2017, accessed on 24 Sep 2024
56. Wolfgang Dietrich, Daniela Ingruber, Josefina Echavarría, Gustavo Esteva and Norbert Koppensteiner (eds.): *The Palgrave International Handbook of Peace Studies: A Cultural Perspective*, London, Palgrave Macmillan, 2011, accessed on 24 Sep 2024

57. Woody, Debra J.; Woody, David (2019). "Early Childhood". In Hutchison, Elizabeth D. (ed.). *Dimensions of Human Behaviour: The Changing Life Course* (6th ed.). SAGE Publications, ISBN 978-1544339344, accessed on 24 Sep 2024
58. Roth, Hans Ingvar (September 2018). P. C. Chang and the Universal Declaration of Human Rights. University of Pennsylvania Press, ISBN 9780812295474, accessed on 24 Sep 2024
59. Duck, Steve (2007). *Human Relationships* (4th ed.). SAGE Publications. ISBN 978-1412929998, accessed on 24 Sep 2024
60. Van Schaik, Carel P. (2016). *The primate origins of human nature. Foundations of human biology.* Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell. ISBN 978-1-119-11820-6, accessed on 24 Sep 2024
61. <https://www.bl.uk/collection-items/universal-declaration-of-human-rights>, accessed on 24 Sep 2024
62. Woody, Debra J.; Woody, David (2019). "Early Childhood". In Hutchison, Elizabeth D. (ed.). *Dimensions of Human Behaviour: The Changing Life Course* (6th ed.). SAGE Publications, ISBN 978-1544339344, accessed on 24 Sep 2024
63. Hurst Hannum [eu], "The Status of the Universal Declaration of Human Rights in National and International Law". *Georgia Journal of International and Comparative Law*, Vol 25:287, accessed on 24 Sep 2024
64. <https://www.humanrights.is/en/human-rights-education-project/human-rights-concepts-ideas-and-fora/human-rights-actors/the-role-of-states>, accessed on 24 Sep 2024
65. Elkins, Zachary; Ginsburg, Tom (2022). "Imagining a World without the Universal Declaration of Human Rights". *World Politics*. 74 (3): 327–366. doi:10.1017/S0043887122000065. ISSN 0043-8871, accessed on 24 Sep 2024
66. <https://www.hhrjournal.org/wp-content/uploads/sites/2469/2014/04/16-Hannum.pdf>, accessed on 24 Sep 2024
67. G. Christenson, "Using Human Rights Law to Inform Due Process and Equal Protection Analyses", *University of Cincinnati Law Review* 52 (1983), accessed on 24 Sep 2024
68. Zelazo, Philip David (2013). *The Oxford Handbook of Developmental Psychology*. Vol. 2: Self and Other. OUP US. ISBN 978-0-19-995847-4, accessed on 24 Sep 2024
69. Galtung, Johan (31 July 1996). *Peace by Peaceful Means: Peace and Conflict, Development and Civilization* (1st ed.). Los Angeles: SAGE Publications Ltd. ISBN 978-0-8039-7511-8, accessed on 24 Sep 2024
70. <https://www.un.org/en/peacebuilding/pbso/pbun.shtml>, accessed on 24 Sep 2024
71. <https://unfoundation.org/what-we-do/issues/peace-human-rights-and-humanitarian-response/>, accessed on 24 Sep 2024
72. Wakugawa, Izumi (10 August 2012). "Peace Process: The First Step towards Realisation of Peace : @PKO No!w". Cabinet Office (Japan). Archived from the original on 8 November 2019, accessed on 25 Sep 2024
73. Welsh, Jennifer M (2019). "Norm Robustness and the Responsibility to Protect". *Journal of Global Security Studies*. 4 (1): 53–72. doi:10.1093/jogss/ogy045, accessed on 25 Sep 2024
74. Ball, Olivia; Gready, Paul (2007). *The No-Nonsense Guide to Human Rights*. New Internationalist. ISBN 978-1904456452, accessed on 25 Sep 2024
75. Galbreath, David J. (2007). *The Organisation for Security and Co-operation in Europe (OSCE)*. Routledge global institutions (Volume 14). New York, NY: Routledge. ISBN 9780203960943, accessed on 25 Sep 2024
76. Oberg, Jan (April 15, 2005). "The International Crisis Group". The Transnational Foundation for Peace and Future Research. Archived from the original on 28 September 2007, accessed on 25 Sep 2024
77. <https://www.un.org/peacebuilding/content/pbc-chair-history>, accessed on 25 Sep 2024
78. James, Paul (2014). "Human Security as a Left-Over of Military Security, or as Integral to the Human Condition". In Paul Bacon and Christopher Hobson (ed.). *Human Security and Japan's Triple Disaster*. London: Routledge, accessed on 25 Sep 2024
79. Alkire, Sabina (2002). "A conceptual framework for human security - working paper no. 2" (PDF). Center for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity (CRISE), Queen Elizabeth House. Archived from the original (PDF) on 2014-04-18, accessed on 25 Sep 2024
80. Chilton, Adam S.; Versteeg, Mila (2014). "Do Constitutional Rights Make a Difference?". Coase-Sandor Institute for Law & Economics. Coase-Sandor Institute for Law & Economics Working Paper No. 694. SSRN 2477530, accessed on 03 Nov 2024
81. Buckland, William Warwick (1963). *A Textbook of Roman Law from Augustus to Justinian*. Revised by P. G. Stein (3rd ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, accessed on 03 Nov 2024
82. Finlay, George (1853). *History of the Byzantine Empire from DCCXVI to MLVII*. Edinburgh, Scotland; London, England: William Blackwood and Sons, accessed on 03 Nov 2024
83. Bury, John Bagnell (1911). "Basil I." . In Chisholm, Hugh (ed.). *Encyclopædia Britannica*. Vol. 03 (11th ed.). Cambridge University Press. p. 467, accessed on 03 Nov 2024
84. Treadgold, Warren T. (1997). *A History of the Byzantine State and Society*. Stanford, CA: Stanford University Press. ISBN 9780804726306, accessed on 03 Nov 2024
85. Salomon, Richard (1998). *Indian Epigraphy: A Guide to the Study of Inscriptions in Sanskrit, Prakrit, and the other Indo-Aryan Languages*. Oxford University Press. ISBN 978-0-19-535666-3, accessed on 03 Nov 2024
86. Singh, Upinder (2008). *A History of Ancient and Early Medieval India: From the Stone Age to the 12th Century*. Pearson Education India. p. 351. ISBN 9788131711200, accessed on 03 Nov 2024
87. Allen, Charles (2012). *Ashoka: The Search for India's Lost Emperor*. Little, Brown Book Group. p. 133. ISBN 9781408703885, accessed on 03 Nov 2024
88. Peter John Rhodes. *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia* (Oxford University Press),

1981, 1993: introduction, pp. 2–5, accessed on 03 Nov 2024

89. Williams, Henry (2018). *Ancient Mesopotamia*. Ozymandias Press. p. 57. ISBN 978-1-5312-6292-1,

90. Kramer, Samuel Noah (1956). *History begins at Sumer*. London: Thames & Hudson, accessed on 03 Nov 2024

91. Kramer, Samuel Noah (1983). "The Ur-Nammu Law Code: Who Was Its Author?". *Orientalia*. 52 (4): 453–56. JSTOR 43075250, accessed on 03 Nov 2024

92. Woods C. 2006 "Bilingualism, Scribal Learning, and the Death of Sumerian". In S. L. Sanders (ed) *Margins of Writing, Origins of Culture*: 91–120 Chicago, accessed on 03 Nov 2024

93. Khalisi, Emil (2020), *The Double Eclipse at the Downfall of Old Babylon*, arXiv:2007.07141, accessed on 03 Nov 2024

A.K. Grayson (1972). *Assyrian Royal Inscriptions, Volume 1*. Otto Harrassowitz. pp. 7–8, accessed on 03 Nov 2024

94. Wells, John C. (1990). "Athens". *Longman pronunciation dictionary*. Harlow, England: Longman. p. 48. ISBN 0-582-05383-8, accessed on 03 Nov 2024

95. 'Capital Punishment' in *Internet Encyclopedia of Philosophy*, accessed on 03 Nov 2024

96. Fine, John V. A. (1983). *The Ancient Greeks: A critical history*. Cambridge, MA (US): Belknap Press of Harvard University Press. ISBN 0-674-03314-0, accessed on 03 Nov 2024

97. Lewis, D. M. (1963). "Cleisthenes and Attica". *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 12 (1): 25. ISSN 0018-2311, accessed on 03 Nov 2024

98. Mommsen, Theodore E. (1942). "Petrarch's Conception of the 'Dark Ages'". *Speculum*. 17 (2). Cambridge MA: Medieval Academy of America: 226–227. doi:10.2307/2856364. JSTOR 2856364, accessed on 03 Nov 2024

99. Bowman, Alan K.; Cameron, Averil; Garnsey, Peter, eds. (2005). *The Cambridge Ancient History, Volume XII: The Crisis of Empire, A.D. 193-337*. Cambridge: Cambridge University Press. ISBN 978-0-5213-0199-2, accessed on 03 Nov 2024

100. Lendering, Jona. "Governor (Roman) – Livius". www.livius.org. Archived from the original on 22 February 2018, accessed on 03 Nov 2024

101. Janet L. Nelson (2003). *The Frankist World*, Continuum International. p. xiii. ISBN 978-1-85285-105-7, accessed on 03 Nov 2024

102. *Breviarium Alaricianum* in *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities* by William Smith, 1890, accessed on 03 Nov 2024

103. Hough, Carole A. (1994). "The early Kentish 'divorce laws': a reconsideration of Æthelberht, chs. 79 and 80". *Anglo-Saxon England*. 23: 19–34, doi:10.1017/S0263675100004476, ISBN 0-521-47200-8, accessed on 03 Nov 2024

104. Bede, *Ecclesiastical History*, Book II, Ch. 5, from Sherley-Price's translation, p. 112, accessed on 03 Nov 2024

105. Powers, John (2007). *Introduction to Tibetan Buddhism*. Ithaca, NY: Snow Lion Publications. ISBN 978-1-55939-282-2, accessed on 03 Nov 2024

106. Damien Keown (2004). *A Dictionary of Buddhism*. Oxford University Press. pp. 208–209. ISBN 978-0-19-157917-2, accessed on 03 Nov 2024

107. Goudarzi, Mohsen (2024). "Mecca's Cult and Medina's Constitution in the Qur'ān: A New Reading of al-Mā'idah". *Der Islam*. 10 (1): 25–73. doi:10.1515/islam-2024-0003, accessed on 03 Nov 2024

108. Rubin, Uri (19 April 2022). *The Life of Muhammad*. Taylor & Francis. ISBN 978-1-351-88676-5, accessed on 03 Nov 2024

109. Firestone, Reuven (1999). *Jihad: The Origin of Holy War in Islam*. Oxford University Press. ISBN 978-0-19-535219-1, accessed on 03 Nov 2024

110. Goudarzi, Mohsen (2024). "Mecca's Cult and Medina's Constitution in the Qur'ān: A New Reading of al-Mā'idah". *Der Islam*. 10 (1): 25–73. doi:10.1515/islam-2024-0003, accessed on 03 Nov 2024

111. Watt, Muhammad at Medina and R.B. Serjeant "The Constitution of Medina." *Islamic Quarterly* 8 (1964) p. 4,

112. Muir, William (sir.) (1858). "Yathreb or Medīna". *The Life of Mahomet*. Smith, accessed on 03 Nov 2024

113. R.B. Serjeant, *The Sunnah Jami'ah*, pacts with the Yathrib Jews, and the Tahrim of Yathrib: Analysis and translation of the documents comprised in the so-called "Constitution of Medina." *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, Vol. 41, No. 1. (1978), accessed on 03 Nov 2024

114. Humphreys, R. Stephen (1991). *Islamic History: A Framework for Inquiry – Revised Edition*. Princeton University Press. ISBN 978-0-691-00856-1, accessed on 03 Nov 2024

115. "Nordisk Familjebok – Axel Gustafsson Oxenstierna". *Nordisk Familjebok* at runeberg.org (in Swedish). 1914, accessed on 03 Nov 2024

116. "Adriaen Block". *The Society of Colonial Wars in the State of Connecticut. General Society of Colonial Wars*, accessed on 03 Nov 2024

117. Fritze, Ronald H. & Robison, William B. (1996). *Historical Dictionary of Stuart England, 1603–1689*, accessed on 03 Nov 2024 Greenwood Publishing Group, ISBN 0-313-28391-5, accessed on 03 Nov 2024

118. *Wayback Machine Instrument of Government (England [1653])*. *Encyclopædia Britannica*, accessed on 03 Nov 2024

119. Francis D. Wormuth (1949). *The Origins of Modern Constitutionalism*. Harper & Brothers, accessed on 03 Nov 2024

120. Farr, Archived December 27, 2022, at the *Wayback Machine*, Declaration of Representation of June 14, 1647, accessed on 03 Nov 2024

121. Mortlock, Stephen (2017). "Death and Disease in the English Civil War". *The Biomedical Scientist*, accessed on 03 Nov 2024

122. Hutton, Ronald (2003). *The Royalist War Effort 1642–1646*. Routledge. ISBN 978-0-415-30540-2, accessed on 03 Nov 2024

123. Holland, Arthur William (1911), *Instrument of Government*, In Chisholm, Hugh (ed.). *Encyclopædia Britannica*. Vol. 14 (11th ed.). Cambridge University Press, accessed on 03 Nov 2024
124. Thomas, Gillian (1992). *A Position to Command Respect: Women and the Eleventh Britannica*. Metuchen, NJ: Scarecrow Press. ISBN 0-8108-2567-8, accessed on 03 Nov 2024
125. Lee, Sidney (1903), *Dictionary of National Biography Index and Epitome*, accessed on 03 Nov 2024
126. Documents from the Continental Congress and the Constitutional Convention, 1774–1789 | Digital Collections | Library of Congress". Library of Congress, Washington, D.C. 20540 USA. Archived, accessed on 03 Nov 2024
127. Lewin, Tamar (January 28, 2015). "Harvard's Endowment Remains Biggest of All". *The New York Times*,
128. John Keane: *The Life and Death of Democracy*, London 2009, 169–176, accessed on 03 Nov 2024
129. obson, Adrian (2012). *The First English Revolution: Simon de Montfort, Henry III and the Barons' War*. Bloomsbury. pp. 173–4. ISBN 978-1-84725-226-5, accessed on 03 Nov 2024
130. Norgate, Kate (1894), *Montfort, Simon of (1208-1265)*, In Lee, Sidney (ed.). *Dictionary of National Biography*. Vol. 38. London: Smith, Elder & Co, accessed on 03 Nov 2024
131. Kopstein, Jeffrey; Lichbach, Mark; Hanson, Stephen E., eds. (2014). *Comparative Politics: Interests, Identities, and Institutions in a Changing Global Order* (4, revised ed.). Cambridge University Press. pp. 37–9. ISBN 978-1139991384, accessed on 03 Nov 2024
132. Dickinson, H. T. (2003). "Walpole, Sir Robert". In Loads, David (ed.). *Readers' Guide to British History*, accessed on 03 Nov 2024
133. Blick, Andrew; Jones, George (1 January 2012). "The Institution of Prime Minister". *History of Government Blog*. Government of the United Kingdom, accessed on 03 Nov 2024
134. Carter, Byrum E. (2015) [1955]. "The Historical Development of the Office of Prime Minister". *Office of the Prime Minister*. Princeton University Press. ISBN 9781400878260, accessed on 03 Nov 2024
135. "How the Westminster Parliamentary System was exported around the World". University of Cambridge, accessed on 03 Nov 2024
136. Fieldhouse, David; Madden, Frederick (1990). *Settler Self-Government, 1840–1900: The Development of Representative and Responsible Government* (1. publ. ed.). New York: Greenwood Press. p. xxi. ISBN 978-0-313-27326-1, accessed on 03 Nov 2024
137. Seidle, F. Leslie; Docherty, David C. (2003). *Reforming parliamentary democracy*. McGill-Queen's University Press. p. 3. ISBN 9780773525085, accessed on 03 Nov 2024
138. Johnston, Douglas M.; Reisman, W. Michael (2008). *The Historical Foundations of World Order*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. p. 571. ISBN 978-9047423935, accessed on 03 Nov 2024
139. Julian Go (2007). "A Globalizing Constitutionalism, Views from the Postcolony, 1945–2000". In Arjomand, Saïd Amir (ed.). *Constitutionalism and political reconstruction*. Brill. pp. 92–94. ISBN 978-9004151741, accessed on 03 Nov 2024
140. Patapan, Haig; Wanna, John; Weller, Patrick Moray (2005). *Westminster Legacies: Democracy and Responsible Government in Asia and the Pacific*. UNSW Press. ISBN 978-0-86840-848-4, accessed on 03 Nov 2024
141. "Thiepval Anglo-French Cemetery". Commonwealth War Graves Commission, Archived from the original on 14 October 2023, accessed on 03 Nov 2024
142. Jelavich, Barbara (1987). *Modern Austria: Empire and Republic, 1815–1986*. Cambridge University Press. ISBN 9780521316255, accessed on 03 Nov 2024
143. Gardner, Helen; de la Croix, Horst; Tansey, Richard G.; Kirkpatrick, Diane (1991). *Gardner's Art through the Ages*. San Diego, CA: Harcourt Brace Jovanovich. p. 953. ISBN 0-15-503770-6, accessed on 03 Nov 2024
144. Levieux, Eleanor (1999). *Insiders' French : beyond the dictionary*. Chicago: University of Chicago Press. p. 239. ISBN 978-0-226-47502-8, accessed on 03 Nov 2024
145. Julian T. Jackson, *France: The Dark Years, 1940–1944* (2001), accessed on 03 Nov 2024
146. "fascism", Merriam-Webster Online. Archived from the original on 22 August 2017, accessed on 03 Nov 2024
147. Payne, Stanley G. (1995). *A History of Fascism, 1914–45*. University of Wisconsin Press. ISBN 978-0-299-14874-4, accessed on 03 Nov 2024
148. Brody, J. Kenneth (1999). *The Avoidable War: Pierre Laval and the Politics of Reality, 1935–1936*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers. ISBN 978-0-7658-0622-2, accessed on 04 Nov 2024
149. Kapur, Nick (2018). *Japan at the Crossroads: Conflict and Compromise after Anpo*. Cambridge, MA: Harvard University Press. ISBN 978-0674984424, accessed on 04 Nov 2024
150. Bratberg, Terje. "Christian Adolph Diriks". In Helle, Knut (ed.). *Norsk biografisk leksikon* (in Norwegian). Oslo: Kunnskapsforlaget. Retrieved 2010-05-28, accessed on 04 Nov 2024
151. Julian Go (2007). "A Globalizing Constitutionalism?, Views from the Postcolony, 1945–2000". In Arjomand, Saïd Amir (ed.). *Constitutionalism and political reconstruction*. Brill. pp. 92–94. ISBN 978-9004151741, accessed on 04 Nov 2024
152. "How the Westminster Parliamentary System was exported around the World". University of Cambridge, accessed on 04 Nov 2024
153. Mill, John Stuart (1861). "Chapter VII, Of True and False Democracy; Representation of All, and Representation of the Majority only". *Considerations on Representative Government*. London: Parker, Son, & Bourn, accessed on 04 Nov 2024
154. Rutledge, Martha (1979). "Sir Edmund (Toby) Barton (1849–1920)". *Australian Dictionary of*

- Biography. Vol. 7. Canberra: National Centre of Biography, Australian National University. ISBN 978-0-522-84459-7, accessed on 04 Nov 2024
155. "The Constitution of the People's Republic of Bangladesh". bdlaws.minlaw.gov.bd. Article 56, accessed on 04 Nov 2024
156. Williams, George; Brennan, Sean; Lynch, Andrew (2014). *Blackshield and Williams Australian Constitutional Law and Theory* (6 ed.). Leichhardt, NSW: Federation Press. pp. 77–88. ISBN 978-1-86287-918-8, accessed on 04 Nov 2024
157. Polibius. (~150 B.C.). *The Rise of the Roman Empire*. Translated by Ian Scott-Kilvert (1979). Penguin Classics. London, England, accessed on 04 Nov 2024
158. Vile, M. J. (1967). The separation of powers. In: Greene, J. P., & Pole, J. R. (Eds.). (2008). *A companion to the American Revolution*, Ch. 87. John Wiley & Sons, accessed on 04 Nov 2024
159. Seidle, F. Leslie; Docherty, David C. (2003). *Reforming parliamentary democracy*. McGill-Queen's University Press. p. 3. ISBN 9780773525085, accessed on 04 Nov 2024
160. Briceño Perozo, Mario. "Mendoza, Cristóbal de" in *Diccionario de Historia de Venezuela*, Vol. 3. Caracas: Fundación Polar, 1999. ISBN 980-6397-37-1, accessed on 04 Nov 2024
161. Borg, Ivan; Nordell, Erik; Rodhe, Sten; Nordell, Erik (1967). *Historia för gymnasiet. Årskurs 1* (in Swedish) (4th ed.). Stockholm: AV Carlsons. pp. 412–413. SELIBR 10259755, accessed on 04 Nov 2024
162. <https://www.politifact.com/factchecks/2014/sep/22/bob-goodlatte/goodlatte-says-us-has-oldest-working-national-cons/>, accessed on 04 Nov 2024
163. "The first European country to follow the U.S. example was Poland in 1791." John Markoff, *Waves of Democracy*, 1996, ISBN 0-8039-9019-7, accessed on 04 Nov 2024
164. "The first European country to follow the U.S. example was Poland in 1791." John Markoff, *Waves of Democracy*, 1996, ISBN 0-8039-9019-7, accessed on 04 Nov 2024
165. Isaac Kramnick, Introduction, Madison, James (1987). *The Federalist Papers*. Penguin Classics, ISBN 978-0-14-044495-7, accessed on 04 Nov 2024
166. <https://web.archive.org/web/20111217062556/http://sourcebook.fsc.edu/history/Constitutionof1791.html>, accessed on 04 Nov 2024
167. Briceño Perozo, Mario. "Mendoza, Cristóbal de" in *Diccionario de Historia de Venezuela*, Vol. 3. Caracas: Fundación Polar, 1999. ISBN 980-6397-37-1, accessed on 04 Nov 2024
168. <https://research.kent.ac.uk/warandnation/1811-miranda-declares-independence-in-venezuela-and-civil-war-begins/>, accessed on 04 Nov 2024
169. Thiessen, Heather. "Spain: Constitution of 1812." *Encyclopedia of Latin American History and Culture*, vol. 5, p. 165. New York: Charles Scribner's Sons 1996, accessed on 04 Nov 2024
170. "Brazil colonial history". casahistoria. Archived from the original on 26 June 2007, accessed on 04 Nov 2024
171. Gerard Taylor (October 2005). *Capoeira: The Jogo de Angola from Luanda to Cyberspace*. North Atlantic Books. p. 305. ISBN 978-1-55643-601-7, accessed on 04 Nov 2024
172. Payne, Stanley G. (1973). *A History of Spain and Portugal: Eighteenth Century to Franco*. Vol. 2. Madison: University of Wisconsin Press. pp. 432–433. ISBN 978-0-299-06270-5, accessed on 04 Nov 2024
173. Lustosa, Isabel (2007). *Perfis Brasileiros - D. Pedro I*. São Paulo: Companhia das Letras. ISBN 978-85-35-90807-7, accessed on 04 Nov 2024
174. Carvalho, José Murilo de (1993). *A Monarquia Brasileira*. Rio de Janeiro: Ao Livro Técnico, accessed on 04 Nov 2024
175. Sousa, Octávio Tarquínio de (1972). *A vida de D. Pedro I* (in Portuguese). Vol. 1. Rio de Janeiro: José Olímpio, accessed on 04 Nov 2024
176. Hellquist, Elof (1922). *Svensk etymologisk ordbok* [Swedish etymological dictionary] (in Swedish). Gleerup. p. 917. Archived from the original on 28 August 2011, accessed on 04 Nov 2024
177. Lewin, Leif (May 1, 2007). "Majoritarian and Consensus Democracy: the Swedish Experience". *Scandinavian Political Studies*. 21 (3): 195–206. doi:10.1111/j.1467-9477.1998.tb00012.x. ISSN 0080-6757, accessed on 04 Nov 2024
178. Tridimas, George (2021). "Constitutional monarchy as power sharing". *Constitutional Political Economy*. 32 (4): 431–461. doi:10.1007/s10602-021-09336-8, accessed on 04 Nov 2024
179. Nohlen, D & Stöver, P (2010) *Elections in Europe: A data handbook*, p1940 ISBN 9783832956097, accessed on 04 Nov 2024
- A.Kölz: *Kantonsverfassungen in German, French and Italian in the online Historical Dictionary of Switzerland*, 2014, accessed on 04 Nov 2024
180. "The Serbian Revolution and the Serbian State". staff.lib.msu.edu. Archived from the original on 10 October 2017, accessed on 04 Nov 2024
181. Bakić, Dragoljub (1972). *Pet vekova Kragujevca* (in Serbo-Croatian). N.B. Vuk Karadzic Kragujevac, accessed on 04 Nov 2024
182. <https://www.canlii.org/en/ca/laws/stat/schedule-b-to-the-canada-act-1982-uk-1982-c-11/latest/schedule-b-to-the-canada-act-1982-uk-1982-c-11.html#sec60>, accessed on 04 Nov 2024
183. The Constitutional Law Group, Canadian Constitutional Law. 3rd ed. Toronto: Emond Montgomery Publications Ltd., 2003, accessed on 04 Nov 2024
184. Endorsement of the 2007 United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples by its four initial opponents – namely, Australia, Canada, New Zealand and, later, the United States, all of whom voted against this Declaration in the General Assembly in 2007, accessed on 27 Sep 2024
185. Yash Ghai and Jill Cottrell, *The Millennium Declaration, Rights, and Constitutions*, New Delhi, Oxford University Press, 2011, accessed on 27 Sep 2024
186. Elkind, Jerome B. (1987). "A New Look at Entrenchment". *The Modern Law Review*. 50 (2): 158–

175. doi:10.1111/j.1468-2230.1987.tb02570. x, ISSN 0026-7961, accessed on 27 Sep 2024
187. <https://www.thelawyerportal.com/blog/the-pros-and-cons-of-having-an-unwritten-Constitution/#>, accessed on 27 Sep 2024
188. <https://www.thelawyerportal.com/blog/how-to-discuss-pm-johnsons-supreme-court-challenge-at-interviews/>, accessed on 27 Sep 2024
189. <https://www.ucl.ac.uk/Constitution-unit/explainers/what-are-Constitutional-convention>, accessed on 29 Sep 2024
190. <https://ohrh.law.ox.ac.uk/the-u-s-Constitution-Constitutional-conventions-and-president-trump/>, accessed on 27 Sep 2024
191. Robert Middlekauff (2005), *The Glorious Cause: The American Revolution, 1763–1789, Revised and Expanded Edition*, Oxford University Press, ISBN 978-0195315882, accessed on 29 Sep 2024
192. <https://www.thelawyerportal.com/blog/the-pros-and-cons-of-having-an-unwritten-Constitution/>, accessed on 29 Sep 2024
193. <https://theweek.com/european-court-of-human-rights/957456/pros-and-cons-of-the-echr>, accessed on 29 Sep 2024
194. <https://publications.parliament.uk/pa/cm201415/cmselect/cmpol-con/463/46308.htm>, accessed on 29 Sep 2024
195. <https://theweek.com/law/pros-and-cons-of-a-written-Constitution>, accessed on 29 Sep 2024
196. Haselgrove, Colin (1 January 2004), Todd, Malcolm (ed.), "Society and Polity in Late Iron Age Britain", *A Companion to Roman Britain*, Malden, MA, USA: Blackwell Publishing Ltd, pp. 12–29, doi: 10.1002/9780470998861.ch2, ISBN 978-0-470-99886-1, accessed on 29 Sep 2024
197. Gross, Aeyal (1998). "The Politics of Rights in Israeli Constitutional Law". *Israel Studies*. 3 (2): 80–118. doi:10.2979/ISR.1998.3.2.80, accessed on 29 Sep 2024
198. Seidle, F. Leslie; Docherty, David C. (2003). *Reforming parliamentary democracy*. McGill-Queen's University Press. p. 3. ISBN 9780773525085, accessed on 30 Sep 2024
199. AW Bradley, KD Ewing and CJS Knight, *Constitutional and Administrative Law* (2018) ch 2, 32–48, on his-toric structure, and devolution, accessed on 30 Sep 2024
200. Zachary, Elkins; Ginsburg, Tom; Melton, James (2009). *The Endurance of National Constitutions*. New York: Cambridge University Press, accessed on 30 Sep 2024
201. *Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Oxford University Press. May 17, 2012. ISBN 978-0-19-957861-0, accessed on 30 Sep 2024
202. "Thomas Jefferson to James Madison". *Popular Basis of Political Authority*. September 6, 1789. pp. 392–97,
203. Zachary, Elkins; Ginsburg, Tom; Melton, James (2009). *The Endurance of National Constitutions*. New York: Cambridge University Press, accessed on 30 Sep 2024
204. Ginsburg, Tom; Zachary, Elkins; Blount, Justin (2009). "Does the Process of Constitution-Making Matter?" (PDF). *University of Chicago Law School*. Chicago, IL: Annu. Rev. Law Soc. Sci.5. pp. 201–23, accessed on 30 Sep 2024
205. Fowler, Michael Ross; Bunck, Julie Marie (1996). "What constitutes the sovereign state?". *Review of International Studies*. 22 (4). Cambridge University Press (CUP): 381–404. doi:10.1017/s0260210500118637. ISSN 0260-2105, accessed on 30 Sep 2024
206. Elizabeth A. Martin (2003). *Oxford Dictionary of Law* (7th ed.). Oxford: Oxford University Press. ISBN 0198607563, accessed on 11 Oct 2024
207. Zachary, Elkins; Ginsburg, Tom; Melton, James (2009). *The Endurance of National Constitutions*. New York: Cambridge University Press, accessed on 11 Oct 2024
208. Jordan, Terry L. (2013). *The U.S. Constitution and Fascinating Facts About It* (8th ed.). Naperville, IL: Oak Hill Publishing Company. p. 25, accessed on 11 Oct 2024
209. *R (HS2 Action Alliance Ltd) v Secretary of State for Transport* [2014] UKSC 3 Archived March 5, 2017, at the Wayback Machine, accessed on 11 Oct 2024
210. https://www.constituteproject.org/Constitution/Monaco_2002, accessed on 11 Oct 2024
211. Pylee, M.V. (1997). *India's Constitution*. S. Chand & Co., ISBN 978-81-219-0403-2, accessed on 11 Oct 2024
212. Elkins, Zachary; Ginsburg, Tom; Melton, James (2009), "Conceptualizing Constitutions", *The Endurance of National Constitutions*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 36–64, ISBN 978-0-511-81759-5, accessed on 11 Oct 2024
213. Jowett, Benjamin (1991) [1st pub. 1888]. *Plato: The Republic*. New York: Vintage Books. ISBN 0-679-73387-6, accessed on 16 Oct 2024
214. McLeisch, Kenneth Cole (1999). *Aristotle: The Great Philosophers*. Routledge. ISBN 978-0-415-92392-7, accessed on 16 Oct 2024
215. Brotton, Jerry (2006). *The Renaissance: a very short introduction* (1. publ ed.). Oxford: Oxford Univ. Press. p. 9. ISBN 978-0-19-280163-0, accessed on 16 Oct 2024
216. Henderson, Conway W. (2010). *Understanding International Law*. Wiley. p. 5. ISBN 978-1-4051-9764-9, accessed on 16 Oct 2024
217. *Vindiciae Contra Tyrannos* (Defense of Liberty Against Tyrants) Archived February 2, 2017, at the Wayback Machine, "Junius Brutus" (Orig. Fr. 1581, Eng. tr. 1622, 1688), accessed on 16 Oct 2024
218. Schultz, Oleg, ed. (14 March 2010), "Scotland and the Commonwealth: 1651–1660", *Archontology.org*, accessed on 16 Oct 2024
219. Chisholm, Hugh, ed. (1911). "Filmer, Sir Robert". *Encyclopædia Britannica*. Vol. 10 (11th ed.). Cambridge University Press, accessed on 16 Oct 2024
220. Hirschmann, Nancy J. (2009). *Gender, Class, and Freedom in Modern Political Theory*. Princeton: Princeton University Press, accessed on 16 Oct 2024

221. Boesche, Roger (1990). "Fearing Monarchs and Merchants: Montesquieu's Two Theories of Despotism". *The Western Political Quarterly*. 43 (4): 741–761. doi:10.1177/106591299004300405. JSTOR 448734, accessed on 17 Oct 2024
222. Berman, Ric (2012). *The Foundations of Modern Freemasonry: The Grand Architects – Political Change and the Scientific Enlightenment, 1714–1740* (Eastbourne: Sussex Academic Press, 2012), accessed on 19 Oct 2024
223. <https://onlinebooks.library.upenn.edu/web-bin/gutbook/lookup?num=2053>, accessed on 19 Oct 2024
224. Hoeveler, David (2000). "Brownson, Orestes Augustus", *American National Biography Online*, accessed on 19 Oct 2024
225. Robert, Henry M.; et al. (2011). *Robert's Rules of Order Newly Revised* (11th ed.). Philadelphia, PA: Da Capo Press. pp. xxxiii–xxxiv. ISBN 978-0-306-82020-5, accessed on 19 Oct 2024
226. <https://www.scc-csc.ca/judges-juges/spe-dis/bm-2005-12-01-eng.aspx>, accessed on 19 Oct 2024
227. *Principles of Constitutional Design*, Donald S. Lutz (2006) ISBN 0-521-86168-3, accessed on 19 Oct 2024
228. <https://www.jstor.org/stable/2710904>, accessed on 19 Oct 2024
229. *The Paradox of Self-Amendment* Archived September 4, 2006, at the Wayback Machine, by Peter Suber (1990) ISBN 0-8204-1212-0, accessed on 22 Oct 2024
230. Suber, Peter (2003). "Nomic: A Game of Self-Amendment". Earlham College. Archived from the original on 2020-03-03, accessed on 22 Oct 2024
231. Weingast, Barry R. (Summer 2005). "The Constitutional Dilemma of Economic Liberty". *Journal of Economic Perspectives*. 19 (3): 89–108. doi:10.1257/089533005774357815, accessed on 22 Oct 2024
232. González de Lara, Yadira; Greif, Avner; Jha, Saumitra (May 2008). "The Administrative Foundations of Self-Enforcing Constitutions". *The American Economic Review*. 98 (2): 105–109, doi:10.1257/aer.98.2.105, accessed on 22 Oct 2024
233. <https://www.civilservant.org.uk/information-definitions.html>, accessed on 22 Oct 2024
234. "UK Civil Service – Definitions – What is a Civil Servant?". civilservant.org.uk. Archived from the original on 11 October 2019, accessed on 22 Oct 2024
235. McHugh, James T. (2002). *Comparative Constitutional Traditions*. New York: P. Lang, ISBN 0-8204-5800-7, accessed on 22 Oct 2024
236. Ulrichsen, Kristian Coates (2018). "Basic law". *A Dictionary of Politics in the Middle East* (1st ed.), Oxford University Press, doi:10.1093/acref/9780191835278.001.0001, ISBN 9780191835278, accessed on 23 Oct 2024
237. *The New Oxford American Dictionary*, Second Edn., Erin McKean (editor), 2051 pp., 2005, Oxford University Press, ISBN 0-19-517077-6, accessed on 23 Oct 2024
238. Charles E. McLure Jr. "Taxation". *Encyclopædia Britannica*. Retrieved 3 March 2015, accessed on 23 Oct 2024
239. David F. Burg (2004). *A World History of Tax Rebellions*. Taylor & Francis. pp. vi–viii. ISBN 9780415924986, accessed on 23 Oct 2024
240. Olmert, Michael (1996). *Milton's Teeth and Ovid's Umbrella: Curiouser & Curiouser Adventures in History*, p. 41. Simon & Schuster, New York. ISBN 0-684-80164-7, accessed on 23 Oct 2024
241. McCluskey, William J.; Franzsen, Riël C. D. (2005). *Land Value Taxation: An Applied Analysis*. Ashgate Publishing, Ltd. p. 4. ISBN 978-0-7546-1490-6, accessed on 23 Oct 2024
242. Avi-Yonah, Reuven S.; Slemrod, Joel B. (April 2002). "Why Tax the Rich? Efficiency, Equity, and Progressive Taxation". *The Yale Law Journal*. 111 (6): 1391–416. doi:10.2307/797614, accessed on 23 Oct 2024
243. R. C. S. Trahair (2004). *Encyclopedia of Cold War espionage, spies, and secret operations*. Greenwood Publishing Group. pp. 333. ISBN 978-0-313-31955-6, accessed on 27 Aug 2024
244. Postgate, J.N. (1992). *Early Mesopotamia Society and Economy at the Dawn of History*. Routledge. p. 242. ISBN 0-415-11032-7, accessed on 27 Aug 2024
245. "Conscription". Merriam-Webster Online, accessed on 27 Aug 2024
246. Attenborough, F. L. (1922). *Laws of the Earliest English Kings*. Cambridge University Press. ISBN 9780404565459, accessed on 27 Aug 2024
247. Slavin, David Henry (2001). *Colonial Cinema and Imperial France, 1919–1939: White Blind Spots, Male Fantasies, Settler Myths*. JHU Press. p. 140. ISBN 978-0-8018-6616-6, accessed on 27 Aug 2024
248. Stephen Blake Boyd; W. Merle Longwood; Mark William Muesse, eds. (1996). *Redeeming men: religion and masculinities*. Westminster John Knox Press. p. 17. ISBN 978-0-664-25544-2, accessed on 27 Aug 2024
249. Asal, Victor; Conrad, Justin; Toronto, Nathan (2017-08-01). "I Want You! The Determinants of Military Conscription". *Journal of Conflict Resolution*. 61 (7): 1456–1481. doi:10.1177/0022002715606217. ISSN 0022-0027, accessed on 27 Aug 2024
250. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights>,
251. <https://web.archive.org/web/20150427124817/http://www.opednews.com/populum/pagem.php?f=Confessions-of-a-Military-by-Richard-Wilson-100428-533.html>, accessed on 23 Oct 2024
252. McNair, Donald (2008) *A Pacifist at War: Military Memoirs of a Conscientious Objector in Palestine 1917–1918* Anastasia Press, Much Hadham ISBN 978-0-9536396-1-8, accessed on 25 Oct 2024
253. Smith, C. Henry (1981). *Smith's Story of the Mennonites*. Revised and expanded by Cornelius Krahn. Newton, Kansas: Faith and Life Press. pp. 299–300, 311. ISBN 0-87303-069-9, accessed on 25 Oct 2024

254. <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=16909&lang=en>, accessed on 25 Oct 2024
255. Ben-Naftali, Orna (2011). *International Humanitarian Law and International Human Rights Law*. Oxford University Press. ISBN 978-0-19-100160-4, accessed on 27 Aug 2024
256. <https://www.ohchr.org/en/hr-bodies/hrc/about-council>, accessed on 27 Aug 2024
257. <https://web.archive.org/web/20201127140337/https://www.undp.org/content/undp/en/home/sustainable-development-goals/goal-10-reduced-inequalities/targets.html>, accessed on 16 Aug 2024
258. McBride, Jeremy (2005). *Freedom of Association, The Essentials of Human Rights*, London: Hodder Arnold, accessed on 16 Aug 2024
259. https://en.wikipedia.org/wiki/Universal_Declaration_of_Human_Rights, accessed on 16 Aug 2024
260. Smith, David (5 February 2006). "Timeline: a history of free speech". *The Guardian*. London, accessed on 16 Aug 2024
261. van Mill, David (1 January 2016). "Freedom of Speech". In Zalta, Edward N. (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2016 ed.), accessed on 16 Aug 2024
262. Raaflaub, Kurt; Ober, Josiah; Wallace, Robert (2007). *Origins of democracy in ancient Greece*. University of California Press, ISBN 978-0-520-24562-4, accessed on 19 Aug 2024
263. Glendon, Mary Ann (July 2004). "The Rule of Law in The Universal Declaration of Human Rights". *North-western University Journal of International Human Rights*. 2 (5). Archived from the original on 20 July 2011, accessed on 16 Aug 2024
264. Dowty, Alan, *Closed Borders: the Contemporary Assault on Freedom of Movement*. Yale University Press, 1989, accessed on 19 Aug 2024
265. Kreimer, Seth F. "The Law of Choice and Choice of Law: Abortion, the Right to Travel, and Extraterritorial Regulation in American Federalism". *New York University Law Review*. 67:451 (June 1992), accessed on 19 Aug 2024
266. Lukina, Anna (2017). "Soviet Union and the Universal Declaration of Human Rights". *SSRN Electronic Journal*. Elsevier. doi:10.2139/ssrn.2952292. ISSN 1556-5068, accessed on 19 Aug 2024
267. Habicht, Jasper (2 January 2019). "Exit restrictions in the context of Chinese civil litigation". *Asia Pacific Law Review*. 27 (1): 83–101. doi:10.1080/10192557.2019.1651486. ISSN 1019-2557, accessed on 19 Aug 2024
268. Main, T. F. (1967-06-01). "Knowledge, Learning and Freedom from Thought". *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. 1 (2): 64–71. doi:10.3109/00048676709159167. ISSN 0004-8674, accessed on 29 Aug 2024
269. Swaine, Lucas (2016-11-09). "Freedom of Thought as a Basic Liberty". *Political Theory*. 46 (3): 405–425. doi:10.1177/0090591716676293. ISSN 0090-5917, accessed on 29 Aug 2024
270. "General Comment No. 22: The right to freedom of thought, conscience and religion (Art. 18), 30/07/93. CCPR/C/21/Rev.1/Add.4, General Comment No. 22. (General Comments)". United Nations Human Rights Website – Treaty Bodies Database. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. 1993-07-30, accessed on 29 Aug 2024
271. <https://rightstracker.org>, accessed on 29 Aug 2024
272. Cory Janssen, "What is Communication Media? - Definition from Techopedia", *Techopedia.com*. Archived from the original on 2017-04-03, accessed on 29 Aug 2024
273. <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/freedom-press-2015>, accessed on 29 Aug 2024
274. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000261065_eng, accessed on 29 Aug 2024
275. <https://www.un.org/ruleoflaw/sdg-16/>, accessed on 29 Aug 2024
276. <https://cpj.org/reports/2019/12/journalists-killed-murdered-syria-mexico-impunity/>, accessed on 30 Aug 2024
277. CCPR General Comment No. 22: Article 18 (Freedom of Thought, Conscience or Religion)"on 30 July 1993, accessed on 16 Oct 2024
278. <https://hudoc.echr.coe.int/eng#>, accessed on 16 Oct 2024
279. Rosentiel, Tom (3 December 2007). "Religion and Secularism: The American Experience". *Pew Research Center*,
280. Congress, U. S. (2008). *Congressional Record #29734 – 19 November 2003*. U.S. Government Printing Of-ice. ISBN 978-0160799563, accessed on 16 Oct 2024
281. <https://religiousfreedominstitute.org/what-in-the-world-is-religious-freedom/>, accessed on 16 Oct 2024
282. Smith, George H. (2008). "Religion and Liberty". In Hamowy, Ronald (ed.). *The Encyclopedia of Libertarianism*. Thousand Oaks, CA: Sage; Cato Institute, doi:10.4135/9781412965811.n258. ISBN 978-1412965804, accessed on 16 Oct 2024
283. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights>,
284. <https://www.refworld.org/legal/agreements/unga/1966/en/33423>, accessed on 19 Oct 2024
285. UN General Assembly (21 December 1965). "International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination". *United Nations Treaty Series*. 660: 195, accessed on 19 Oct 2024
286. https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mdsg_no=IV-8&chapter=4&clang=_en, accessed on 19 Oct 2024
287. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-persons-disabilities>, accessed on 19 Oct 2024
288. Taylor, Charles (1985). "What's Wrong with Negative Liberty". *Philosophical Papers: Volume 2, Philosophy and the Human Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 211–229. ISBN 978-0521317498,
289. <https://civilrights.org/value/voting-rights/>, accessed on 19 Oct 2024

290. <https://www.lloydlawcollege.edu.in/blog/right-to-vote-Constitutional-or-fundamental-right.html>, accessed on 19 Oct 2024
291. <https://www.democracydocket.com/analysis/what-does-the-Constitution-say-about-the-right-to-vote/>, accessed on 19 Oct 2024
292. <https://fra.europa.eu/en/eu-charter/article/1-human-dignity>, accessed on 19 Oct 2024
293. <https://www.linkedin.com/pulse/right-human-dignity-brief-analysis-victor-obinna-chukwuma>, accessed on 19 Oct 2024
294. Haviland, William A.; Prins, Harald E.L.; McBride, Bunny; Walrath, Dana (2011). "Chapter 9: Sex, Marriage, accessed on 19 Oct 2024 and Family". *Cultural Anthropology: The Human Challenge* (13th ed.). Cengage Learning. p. 209. ISBN 978-0-495-81178-7, accessed on 21 Oct 2024
295. Ember CR, Gonzalez B, McCloskey D (16 July 2021), Ember CR (ed.), "Marriage and Family" (PDF), *Explaining Human Culture* (Topical summary), New Haven, Ct.: Human Relations Area Files, accessed on 21 Oct 2024
296. <http://www.freetomtomarry.org/pages/how-it-happened#section-3>, accessed on 21 Oct 2024
297. <https://www.parliament.uk/briefing-papers/sn03372/>, accessed on 21 Oct 2024
298. Solernou, Daniel J. (2016). "Common-Law Marriage". *Encyclopedia of Family Studies*: 1–2. doi:10.1002/9781119085621.wbefs301. ISBN 9780470658451, accessed on 21 Oct 2024
299. <https://www.familymaking.com/start-your-family>, accessed on 21 Oct 2024
300. Cvetic, Goran (1987). "Immigration Cases in Strasbourg: The Right to Family Life Under Article 8 of the European Convention". *International and Comparative Law Quarterly*. 36 (3): 650. doi:10.1093/iclqaj/36.3.647, accessed on 21 Oct 2024
301. Melehi, Nadia (2014). "The right to family life free from discrimination on the basis of sexual orientation: the European and Inter-American perspectives". *American University International Law Review*. 29: 954, accessed on 21 Oct 2024
302. Universal Declaration on Human Rights, Article 16(3) accessed at <<http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/>>, accessed on 21 Oct 2024
303. Burchill, Richard (2003). "The Right to Live Wherever You Want? The Right to Family Life following the UN Human Rights Committee's Decision in Winata". *Netherlands Quarterly of Human Rights*. 21 (2): 225. doi:10.1177/016934410302100204, accessed on 21 Oct 2024
304. Cooper, Sarah Lucy (2011). "Marriage, Family, Discrimination & Contradiction: An Evaluation of the Legacy and Future of the European Court of Human Rights' Jurisprudence on LGBT Rights". *German Law Journal*. 12 (10): 1746–1763. doi:10.1017/S2071832200017545, accessed on 22 Oct 2024
305. Ivana Roagna "Protecting the right to respect for private and family life under the European Convention on Human Rights" (2012) Council of Europe Human Rights Handbooks, at 30, accessed on 22 Oct 2024
306. Adam McBeth, Justine Nolan and Simon Rice *The International Law of Human Rights* (Oxford University Press, Australia, 2011) at 251, accessed on 22 Oct 2024
307. "United Nations Treaty Collection". treaties.un.org, accessed on 22 Oct 2024
308. <https://www.bih.org.uk/get-informed/what-rights-do-i-have/the-right-to-marry-and-start-a-family>, accessed on 22 Oct 2024
309. [https://www.qhrc.qld.gov.au/your-rights/human-rights-law/right-to-liberty-and-security-of-person#:~:text=](https://www.qhrc.qld.gov.au/your-rights/human-rights-law/right-to-liberty-and-security-of-person#:~:text=,), accessed on 22 Oct 2024
310. Anagnostou, Dia (30 April 2013). *European Court of Human Rights: Implementing Strasbourg's Judgments on Domestic Policy*. Edinburgh University Press, ISBN 978-0-7486-7058-1, accessed on 22 Oct 2024
311. Richard Sorabji, (2005), *The Philosophy of the Commentators, 200–600 AD: Psychology* (with Ethics and Religion), Cornell University Press, accessed on 23 Oct 2024
312. Lerch, Julia C.; Frank, David John; Schofer, Evan (2024). "The Social Foundations of Academic Freedom: Heterogeneous Institutions in World Society, 1960 to 2022". *American Sociological Review*. 89: 88–125. doi:10.1177/00031224231214000, accessed on 23 Oct 2024
313. <https://www.britannica.com/topic/academic-freedom>, accessed on 23 Oct 2024
314. 1940 Statement of Principles on Academic Freedom and Tenure, American Association of University Professors and of the Association of American Colleges, 10 July 2006, accessed on 23 Oct 2024
315. Audretsch, David et al, (2023). "Academic freedom and innovation: A research note". SSRN: 1. arXiv:2303.06097. doi:10.2139/ssrn.4384419, accessed on 23 Oct 2024
316. [https://www.fairtrials.org/the-right-to-a-fair-trial/#:~:text=](https://www.fairtrials.org/the-right-to-a-fair-trial/#:~:text=,), accessed on 25 Oct 2024
317. <https://www.fairtrials.org/the-right-to-a-fair-trial/the-rights-of-accused-people/>, accessed on 25 Oct 2024
318. <https://blast.org.bd/focus-areas/right-to-fair-trial/>, accessed on 25 Oct 2024
319. <https://www.cilvektiesibugids.lv/en/rights/right-to-a-fair-trial>, accessed on 25 Oct 2024
320. <https://www.ruleoflaw.org.au/principles/fair-and-prompt-trial/>, accessed on 25 Oct 2024
321. <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/06/pol300012002en.pdf>, accessed on 25 Oct 2024
322. <https://www.un.org/en/events/righttodevelopment/>, accessed on 27 Oct 2024
323. "Personal Development | definition in the Cambridge English Dictionary". dictionary.cambridge.org, accessed on 27 Oct 2024
324. Meng, Wenting (2024). *Developmental Peace: Theorizing China's Approach to International Peacebuilding*. Ibidem. Columbia University Press. ISBN 9783838219073, accessed on 27 Oct 2024
325. https://www.un.org/en/events/righttodevelopment/pdf/rtd_at_a_glance.pdf, accessed on 27 Oct 2024

326. Bob Aubrey (2010), *Managing Your Aspirations: Developing Personal Enterprise in the Global Workplace*. McGraw-Hill, ISBN 978-0071311786, accessed on 27 Oct 2024
327. J Marshall, "The legal recognition of person-ality: full-face veils and permissible choice", *International Jour-nal of Law in Context*, Cambridge Univer-sity Press, 2014, accessed on 27 Oct 2024
328. <https://oxfordre.com/internationalstud-ies/display/10.1093/acre-fore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-733>, accessed on 29 Oct 2024
329. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232563>, accessed on 29 Oct 2024
330. World Trends in Freedom of Expression and Media Development Global Report 2017/2018. UNESCO. 2018. Archived from the original on 10 May 2021, accessed on 29 Oct 2024
331. Schapper, Jake H. M.; McLeod, Sam; Hedgcock, Dave; Babb, Courtney (8 December 2020). "Freedom of In-formation for Planning Research and Practice in Australia: Examples, Implications, and Po-tential Remedies". *Urban Policy and Research*. 39: 106–119. doi:10.1080/08111146.2020.1853522. ISSN 0811-1146, accessed on 29 Oct 2024
332. Klang, Mathias; Murray, Andrew (2005). *Human Rights in the Digital Age*. Routledge. ISBN 9781904385318. Archived from the original on 17 Janu-ary 2023, accessed on 29 Oct 2024
333. Wells, John C. (2008). *Longman Pronuncia-tion Dictionary* (3rd ed.). Longman. ISBN 978-1-4058-8118-0, ac-cessed on 29 Oct 2024
334. Alibeigi, Ali; Munir, Abu Bakar; Karim, Md. Ershadul (2019). "Right to Privacy, A Compli-cated Concept to Review". *SSRN Electronic Journal*. doi:10.2139/ssrn.3537968. ISSN 1556-5068, accessed on 29 Oct 2024
335. DeCew, Judith (2015), "Privacy", in Zalta, Edward N.; Nodelman, Uri (eds.), *The Stanford Ency-clopedia of Philosophy* (Spring 2015 ed.), Metaphysics Research Lab, Stanford University, accessed on 30 Oct 2024
336. <https://www.psupress.org/books/titles/978-0-271-03685-4.html>, accessed on 29 Oct 2024
337. <https://www.constituteproject.org/Constitu-tions?key=privacy>,
338. Zhang, Angela Huyue (2024). *High Wire: How China Regulates Big Tech and Governs Its Econ-omy*. Oxford University Press. ISBN 9780197682258, accessed on 30 Oct 2024
339. James Griffin (1 November 2007). "The Hu-man Right to Privacy" (PDF). *San Diego Law Review*, accessed on 30 Oct 2024
340. Yilma, Kinfu (5 January 2023). *Privacy and the Role of International Law in the Digital Age*. New York, Unit-ed States: Oxford University Press. ISBN 9780192887290, accessed on 30 Oct 2024
341. Personal rights Definition & Meaning - Mer-riam-Webster, accessed on 30 Oct 2024
342. Johnson, Deborah (2009). *Beauchamp; Bowie; Arnold (eds.). Ethical theory and business* (8th ed.). Upper Saddle River, NJ: Pearson/Prentice Hall. pp. 428–442. ISBN 978-0136126027, accessed on 30 Oct 2024
343. Regan, P. M. (1995). *Legislating Privacy: Technology, social values, and public policy*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, accessed on 01 Nov 2024
344. Conroy, Amy M. (2012). "Protecting Your Personality Rights in Canada: A Matter of Property or Privacy?". *Western Journal of Legal Studies*. 1 (1). University of Western Ontario, accessed on 01 Nov 2024
345. https://foundation.wikimedia.org/wiki/Pol-icy:Privacy_policy, accessed on 01 Nov 2024
346. Carozza PG "Human Dignity in Constitu-tional Adjudication" in Ginsburg T and Dixon R *Com-parative Con-stitutional Law* (Edgar Elgar Cheltenham 2011), accessed on 01 Nov 2024
347. Garner, Bryan A. (2001) [1995]. *A Diction-ary of Modern Legal Usage* (2nd, revised ed.). New York: Oxford University Press, ISBN 9780195077698, accessed on 01 Nov 2024
348. Martin, David A. (Spring 2005). "Dual Na-tionality: TR's 'Self-Evident Absurdity'". *UVA Lawyer*, accessed on 01 Nov 2024
349. Rice, Daniel (2011). "The 'Uniform Rule' and its exceptions: a history of Congressional naturali-zation legisla-tion" (PDF). *Ozark Historical Review*. 40. Archived from the original (PDF) on 2013-03-05, accessed on 01 Nov 2024
350. Thomas Alexander Aleinikoff, Douglas B. Klusmeyer (2001). *Citizenship today: global perspec-tives and practices*. Brookings Institution Press, ISBN 978-0-87003-184-7, accessed on 01 Nov 2024
351. "Children's Rights" Archived 2008-09-21 at the Wayback Machine, Amnesty International, ac-cessed on 01 Nov 2024
352. Convention on the Rights of the Child, G.A. res. 44/25, annex, 44 U.N. GAOR Supp. (No. 49) at 167, U.N. Doc. A/44/49 (1989), entered into force 02 Sep 1990, accessed on 02 Nov 2024
353. Manhire, Vanessa, ed. (2019). "United Na-tions Handbook 2019–20" (PDF). *United Nations Handbook:: An Annual Guide for Those Working within the United Nations* (57th ed.). Wellington: Min-istry of Foreign Affairs and Trade of New Zealand: 293–294. ISSN 0110-1951, accessed on 02 Nov 2024
354. United Nations (1989). "Chapter IV. Human Rights. 11) Convention on the Rights of the Child" in: *United Nations Treaty Collection*. Depositary. Status of Treaties, accessed on 02 Nov 2024
355. Office of the High Commissioner for Human Rights (ed.). "Committee on the Rights of the Child. Monitoring children's rights". www.ohchr.org. Ar-chived from the original on 13 August 2020, accessed on 02 Nov 2024
356. https://www.osbar.org/public/legal-info/1021_debtorsrights.htm, accessed on 02 Nov 2024
357. https://Constitution.con-gress.gov/browse/essay/amdt14-S4-1/ALDE_00000849/, accessed on 02 Nov 2024
358. https://www.juridicainternational.eu/arti-cle_full.php?uri=2002_VII%20_150_on-effect-of-Constitution-on-bankruptcy-law, accessed on 02 Nov 2024
359. Goldstone, Jack (2001). "Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory". *Annual Review*

of Political Science. 4: 139–187, accessed on 02 Nov 2024

360. Fukuyama, Francis (1992). *The End of History and the Last Man*. Penguin. ISBN 978-0-140-13455-1, accessed on 02 Nov 2024

361. Getachew, Adom (2019). *Worldmaking After Empire: The Rise and Fall of Self-Determination*. Princeton University Press. ISBN 978-0-691-17915-5, accessed on 02 Nov 2024

362. Gunitsky, Seva (2018). "Democratic Waves in Historical Perspective". *Perspectives on Politics*. 16 (3): 634–651. doi:10.1017/S1537592718001044. ISSN 1537-5927, accessed on 02 Nov 2024

363. Perry, Elizabeth (2002). *Challenging the Mandate of Heaven: Social Protest and State Power in China*. Sharpe. ISBN 0-7656-0444-2, accessed on 02 Nov 2024

364. <https://www.aei.org/articles/is-there-an-american-right-of-revolution/>, accessed on 02 Nov 2024

365. <https://www.encyclopedia.com/politics/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/right-revolution>, accessed on 03 Nov 2024

366. Johnson, David T.; Zimring, Franklin E. (2009). *The Next Frontier: National Development, Political Change, and the Death Penalty in Asia*. Oxford University Press. ISBN 978-0-19-533740-2, accessed on 03 Nov 2024

367. Fowler, H. W. (14 October 2010). *A Dictionary of Modern English Usage: The Classic First Edition*. OUP Oxford. p. 310. ISBN 978-0-19-161511-5, accessed on 03 Nov 2024

368. Solomon, Martha. "The Rhetoric of Right to Life: Beyond the Court's Decision" Archived 2009-07-24 at the Wayback Machine Paper presented at the Southern Speech Communication Association (Atlanta, Georgia, April 4–7, 1978), accessed on 03 Nov 2024

369. Sandler, Ronald L. (2014). *Food Ethics: The Basics*. London: Taylor & Francis. p. 142. ISBN 978-1-135-04547-0, accessed on 03 Nov 2024

370. <https://www.merriam-webster.com/dictionary/amendment>, accessed on 04 Nov 2024

371. "Definition of Plebiscite". *Oxford Dictionaries*. Archived from the original on July 12, 2012, accessed on 04 Nov 2024

372. Ferguson, Yale; Mansbach, Richard W. (1996). "Politics: Authority, Identities, and Change". Columbia, South Carolina: University of South Carolina Press, accessed on 04 Nov 2024

373. Colón-Ríos (2012). *Weak Constitutionalism: Democratic Legitimacy and the Question of Constituent Power*, ISBN 978-0415671903, accessed on 04 Nov 2024

374. The Paradox of Self-Amendment Archived September 4, 2006, at the Wayback Machine, by Peter Suber (1990) ISBN 0-8204-1212-0, accessed on 04 Nov 2024

375. "Electorate, n.", in *OED Online*, Oxford, Oxfordshire: Oxford University Press, September 2022, accessed on 04 Nov 2024

376. Green, Antony (12 August 2015), "Plebiscite or Referendum – What's the Difference". ABC. Archived from the original on 13 August 2015, accessed on 04 Nov 2024

377. Schermers, Henry G.; Blokker, Niels M. (2011), *International Institutional Law: Unity Within Diversity* (Fifth Revised ed.). Leiden, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers. pp. 561–563. ISBN 978-90-04-18798-6, accessed on 04 Nov 2024

378. Robert, Henry M.; et al. (2011). *Robert's Rules of Order Newly Revised* (11th ed.). Philadelphia: Da Capo Press. p. 401. ISBN 978-0-306-82020-5, accessed on 04 Nov 2024

379. <https://www.trumanlibrary.gov/education/three-branches/amendment-process>, accessed on 04 Nov 2024

380. <https://www.archives.gov/federal-register/Constitution>, accessed on 04 Nov 2024

381. Guidance Note of the Secretary-General on Democracy, pp. 2-8; Guidance Note of the Secretary-General: UN Approach to Rule of Law Assistance, pp. 4-7; Guidance Note of the Secretary-General: United Nations Assistance to Constitution-making Processes, Commission on Human Rights resolution 2002/46, accessed on 04 Nov 2024

382. World Bank, *Governance: The World Bank's Experience* (Washington, DC, 1994), accessed on 04 Nov 2024

383. United Nations Viet Nam, "Human rights and the human rights-based approach". Available from www.un.org.vn/en/what-we-do-mainmenu-203/cross-cutting-themes-human-rights.html, accessed on 04 Nov 2024

384. y Raub and others, "Constitutional rights of persons with disabilities: An analysis of 193 national Constitutions", *Harvard Human Rights Journal*, vol. 29 (Spring 2016), accessed on 04 Nov 2024

385. OHCHR, Fact Sheet No. 33: Frequently Asked Questions on Economic, Social and Cultural Rights (New York and Geneva, 2008); and OHCHR, Fact Sheet No. 16 (Rev. 1): The Committee on Economic, Social and Cultural Rights (New York and Geneva, 1996), accessed on 04 Nov 2024

386. <https://www.intechopen.com/chapters/87666>,

387. Principles relating to the status of national institutions (Paris Principles), adopted by the General Assembly in its resolution A/RES/48/134 of 20 December 1993, accessed on 04 Nov 2024

388. Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law and Serious Violations of International Humanitarian Law, accessed on 04 Nov 2024

389. See United Nations Development Group, *Interim United Nations Development Assistance Framework Guidance* (2016), accessed on 04 Nov 2024

390. https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/ConstitutionMaking_EN.pdf, accessed on 04 Nov 2024

391. Jobson, Adrian (2012). *The First English Revolution: Simon de Montfort, Henry III and the Barons' War*. Bloomsbury. pp. 173–4, ISBN 978-1-84725-226-5, accessed on 01 Nov 2024

392. Cicero, Marcus Tullius (2011). *De Oratore*. Cambridge University Press. ISBN 9780521593601, accessed on 01 Nov 2024

393. Oliver, Dawn (2 April 2013). "Parliamentary Sovereignty in Comparative Perspective". UK Constitutional Law Association Blog, accessed on 01 Nov 2024
394. Goss, Ryan (13 September 2021). "What Do Australians Talk About When They Talk About 'Parliamentary Sovereignty'?". Public Law (SSRN Version Not Final Version; Final Version Published as *[2022] Public Law 55-75*. Sweet & Maxwell, SSRN 3928295, accessed on 01 Nov 2024
395. International Bureau of Weights and Measures (2006), *The International System of Units (SI) (PDF) (8th ed.)*, pp. 121, 122, ISBN 92-822-2213-6, accessed on 01 Nov 2024
396. "Emergency Declarations and Authorities Fact Sheet | State Public Health | ASTHO". www.astho.org. Archived from the original on 1 January 2021, accessed on 01 Nov 2024
397. Bell, John; Boyron, Sophie; Whittaker, Simon (27 March 2008). *Principles of French Law*. Oxford University Press, accessed on 01 Nov 2024
398. "Loi n°55-385 du 3 avril 1955 instituant un état d'urgence et en déclarant l'application en Algérie" (in French). [Legifrance.gouv.fr](http://legifrance.gouv.fr). Archived from the original on 30 April 2011, accessed on 01 Nov 2024
399. Diehl, Katharina; van der Horst, Judith (2013). "The New Electoral Law in South Sudan". *Law and Politics in Africa, Asia and Latin America*. 46 (2): 215–233, accessed on 01 Nov 2024
400. Sundquist, James L. (1997). "The U.S. Presidential System as a Model for the World". In Baaklini, Abdo I.; Desfosses, Helen (eds.), *Designs for Democratic Stability: Studies in Viable Constitutionalism*, Routledge, pp. 53–72, ISBN 0765600528, accessed on 01 Nov 2024
401. "Varieties of public representation". *Political Representation*. Cambridge University Press. 2010. ISBN 978-0521128650, accessed on 01 Nov 2024
402. "The Decreta of León of 1188 – The oldest documentary manifestation of the European parliamentary system". UNESCO Memory of the World. 2013. Archived from the original on 24 June 2016, accessed on 01 Nov 2024
403. Blaustein, Albert (January 1993). *Constitutions of the World*. Fred B. Rothman & Company. ISBN 978-0-8377-0362-6, accessed on 01 Nov 2024
404. Fritze, Ronald H. & Robison, William B. (1996). *Historical Dictionary of Stuart England, 1603–1689*, Greenwood Publishing Group, ISBN 0-313-28391-5, accessed on 01 Nov 2024
405. Kyriaki Topidi and Alexander H.E. Morawa (2010). *Constitutional Evolution in Central and Eastern Europe (Studies in Modern Law and Policy)*, Ashgate Publishing, ISBN 978-1409403272, accessed on 01 Nov 2024
406. Dudley Odell McGovney, "The British Origin of Judicial Review of Legislation", *University of Pennsylvania Law Review* vol. 93, no. 1, 1–49, accessed on 01 Nov 2024
407. Wenar, Leif (July 9, 2007), "Rights", *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford University, 408. <https://iep.utm.edu/hum-rts/>, accessed on 01 Nov 2024
409. Stevenson, Angus; Lindberg, Christine A., eds. (2010-01-01), "New Oxford American Dictionary", Oxford Reference, ISBN 978-0-19-539288-3, accessed on 01 Nov 2024
410. Jeremy McBride, *Freedom of Association, in The Essentials of... Human Rights*, Hodder Arnold, London, 2005, pp. 18–20, accessed on 01 Nov 2024
411. Elkins, Zachary; Ginsburg, Tom; Melton, James (2009), "Conceptualizing Constitutions", *The Endurance of National Constitutions*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 36–64, ISBN 978-0-511-81759-5, accessed on 01 Nov 2024
412. Riksdagsförvaltningen, "Kungörelse (1974:152) om beslutad ny regeringsform Svensk författningssamling 1974:1974:152 t.o.m. SFS 2018:1903 - Riksdagen". www.riksdagen.se (in Swedish), accessed on 01 Nov 2024
413. "Constitution of Bangladesh: Chapter III". Prime Minister's Office. Archived from the original on 24 May 2013,
414. https://www.senato.it/applicazione/xmanager/projects/leg18/file/sartori_biobibliografia_def.pdf, accessed on 01 Nov 2024
415. Glendon, Mary Ann (2001). *A World Made New: Eleanor Roosevelt and the Universal Declaration of Human Rights*. Random House of Canada Ltd. ISBN 0375506926, accessed on 01 Nov 2024
416. Boer, Roland (2017), *Stalin : from theology to the philosophy of socialism in power*. Singapore: Springer. ISBN 978-981-10-6367-1. OCLC 1007090474, accessed on 01 Nov 2024
417. Lih, Lars T. (1990). "8 Leaving Troubled Times". *Bread and Authority in Russia, 1914-1921*. UC Press E-Books Collection, 1982-2004, accessed on 01 Nov 2024
418. The Free Dictionary Russian Soviet Federated Socialist Republic Archived 13 August 2011 at the Wayback Machine. encyclopedia2.thefreedictionary.com, accessed on 01 Nov 2024
419. Kosing, Alfred [in German] (2016). "Stalinismus". *Untersuchung von Ursprung, Wesen und Wirkungen ["Sta-linism"]*. Investigation of origin, essence and effects] (in German). Berlin: Verlag am Park. ISBN 978-3-945187-64-7, accessed on 01 Nov 2024
420. <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-10/undp-protecting-human-rights-in-Constitutions.pdf>,

TECHNICAL SCIENCES

ASSESSMENT OF THE CONDITION OF AZERBAIJAN'S WATER RESOURCES AND THE POTENTIAL OF NEW FILTRATION MATERIALS

Safarova T.,

*PhD in Technical Sciences, Associate Prof.,
Azerbaijan State University of Economics, Baku*

Novruzova U.,

*Senior Lecturer,
Azerbaijan State University of Economics, Baku*

Abbasova G.

*Lecturer,
Azerbaijan Technological University, Ganja*

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ АЗЕРБАЙДЖАНА И ПОТЕНЦИАЛ НОВЫХ ФИЛЬТРАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ

Сафарова Т.К.

к.т.н., доцент

Азербайджанский Государственный Экономический Университет (UNEC), Баку

Новрузова У.Дж.

Старший преподаватель

Азербайджанский Государственный Экономический Университет (UNEC), Баку

Аббасова Г.Ф.

Преподаватель,

Азербайджанский Технологический Университет, Гянджа

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15754196>

Abstract

Azerbaijan possesses diverse terrain and water resources, including major rivers, underground sources, and reservoirs. Despite this, the country faces challenges related to freshwater pollution caused by agriculture, livestock farming, and industry. To address these issues, modern water purification technologies such as biofiltration and reverse osmosis are being implemented. The use of multilayer filtration materials, which combine natural and synthetic fibers, plays a key role in effectively removing contaminants and ensuring sustainable water management. This article examines the main types of modern filtration materials, their properties, and their potential to comprehensively improve the quality of water resources. It emphasizes the importance of integrating these materials into the existing water treatment infrastructure to achieve sustainable water use goals.

Аннотация

Азербайджан обладает разнообразным рельефом и водными ресурсами, включая крупные реки, подземные источники и водохранилища. Несмотря на это, страна сталкивается с проблемами загрязнения пресной воды, вызванными сельским хозяйством, животноводством и промышленностью. Для решения этих проблем внедряются современные технологии очистки воды, такие как биофильтрация и обратный осмос. Важную роль играет использование многослойных фильтрационных материалов, сочетающих природные и синтетические волокна, способных эффективно удалять загрязнители и обеспечивать устойчивое управление водными ресурсами. В статье рассматриваются основные типы современных фильтрационных материалов, их свойства и потенциал для комплексного улучшения качества водных ресурсов. Подчеркивается важность интеграции этих материалов в существующую инфраструктуру очистки воды для достижения целей устойчивого водопользования.

Keywords: water resources, water quality, pollution, filtration materials, biofiltration, reverse osmosis, wastewater treatment, Azerbaijan

Ключевые слова: водные ресурсы, качество воды, загрязнение, фильтрационные материалы, биофильтрация, обратный осмос, очистка сточных вод, Азербайджан

Азербайджан страна гор, многочисленных рек и озер, но при этом сталкивается с множеством экологических вызовов, связанных с качеством водных ресурсов. По данным Всемирного банка, одной из главных проблем является загрязнение поверх-

ностных и подземных вод сточными водами, преимущественно из сельского хозяйства и животноводства. Наблюдается также недостаточно эффективная работа очистных сооружений. Министерство экологии и природных ресурсов Азербайджанской Республики также подтверждает

факт негативного влияния этих факторов на водные экосистемы и биоразнообразие. Опреснение Каспийского моря и использование его вод для технических и бытовых нужд требует огромных затрат. Активно разрабатываются проекты по претворению современных технологий в эту сферу. На освобождённых территориях Карабаха, также предстоит большая работа по реализации различных технологий очистки водных ресурсов. Планируется пилотный проект по очистке загрязнённых рек с применением биофильтрации, направленный на улучшение качества воды, используемой для сельскохозяйственного орошения [3]. Кроме того, внедряются современные системы водоочистки, в том числе на базе обратного осмоса и других высокотехнологичных решений [4].

Азербайджан обеспечивает своё водоснабжение за счёт различных источников как природных, так и искусственных. Основные категории включают поверхностные воды (реки, озёра, водохранилища), подземные воды (артезианские скважины, родники), горные и минеральные источники. Ведущую роль в обеспечении пресной водой играет река Кура, крупнейшая в стране, проходящая через Турцию, Грузию и далее по территории Азербайджана. Она снабжает центральные и восточные регионы. В южных областях ключевым источником служит река Араз. Среди водохранилищ особенно выделяются Мингечаурское, крупнейшее в стране, используемое как для питьевого, так и для технического водоснабжения, а также Джейранбатанское, играющее стратегическую роль в снабжении Баку и Апшеронского полуострова. В районах, удалённых от крупных водотоков, таких как Гянджа, Нахчыван, Шеки, Закаталы, активно используются артезианские и родниковые воды. Однако высокая степень минерализации таких вод требует предварительной очистки или деминерализации. Минеральные источники применяются преимущественно в лечебных и бутилированных целях. Известны из них это курортные зоны Истису, Сираб, Бадамлы, Ширван и другие. Но они не участвуют в массовом водоснабжении. В горных районах также широко применяются атмосферные источники — дождевая и снежная вода, в том числе для орошения. Горные воды, формирующиеся за счёт инфильтрации осадков через пористые породы (известняки, доломиты, сланцы). Они отличаются насыщенностью минеральными веществами и в ряде случаев требуют дополнительной обработки. Их химический состав варьируется в зависимости от геологической структуры, и может включать повышенные концентрации кальция, магния, сульфатов, гидрокарбонатов и железа. Несмотря на относительную чистоту, горные воды подвержены загрязнению: как природного (высокое содержание железа и марганца), так и техногенного происхождения. Особенно это касается регионов, где ведётся добыча полезных ископаемых (медь, золото, серебро). Здесь в воде могут выявляться тяжёлые металлы, такие как свинец, кадмий, мышьяк, ртуть, хром. Примером антропогенного воздействия служит за-

грязнение реки Кура, в том числе нефтепродуктами, а также ухудшение качества воды в ранее чистом озере Гейгёль.

Сельское хозяйство также вносит существенный вклад в загрязнение водных объектов. Применение удобрений и пестицидов, а также несанкционированные сбросы из животноводческих комплексов приводят к увеличению содержания нитратов и микробиологическому загрязнению. Особенно остра проблема в сельских районах, где отсутствует современная санитарная инфраструктура и технологии утилизации навоза. Навоз и остатки кормов просачиваются в почву и грунтовые воды, ухудшая качество питьевой воды и создавая риск для здоровья населения.

В Азербайджане насчитывается около 3 миллионов голов крупного рогатого скота и порядка 8 миллионов овец и коз, что создаёт значительное антропогенное давление на окружающую среду, особенно на водные ресурсы. В отдельных регионах, таких как Нахичевань, Агджабеди, Шеки и Гянджа-Газахский, высокая плотность животноводства усугубляет проблему загрязнения источников. Результаты мониторинга качества воды в сельской местности фиксируют превышение допустимых концентраций нитратов в некоторых источниках питьевой воды. Дополнительную угрозу качеству водных ресурсов республики представляют нефтедобывающие районы. В этих зонах возможно попадание нефтепродуктов в подземные и поверхностные воды, что усиливает загрязнение и создаёт дополнительные риски для здоровья населения и экосистем. Поэтому, одним из ключевых компонентов экологически устойчивого животноводства и сельского хозяйства республики является эффективная очистка сточных вод. В аграрных и животноводческих хозяйствах необходимо бывает поэтапная система водоочистки, включающая:

1. Механическую очистку, включающую удаление грубых примесей, таких как солома, навоз и остатки кормов, с помощью решёток, сит и отстойников. Это наиболее простой и доступный способ.

2. Биологическую очистку, включающую разложение органических веществ микроорганизмами, что снижает содержание в воде органики и биологических загрязнителей.

3. Физико-химическую обработку, включающую устранение растворённых веществ, включая нитраты, фосфаты и тяжёлые металлы, с использованием коагулянтов, реагентов и сорбентов.

4. Дезинфекцию, включающую уничтожение патогенных микроорганизмов перед сбросом воды в окружающую среду или её повторным использованием.

Очищенная таким образом вода, используется в технических целях: для полива сельскохозяйственных культур и пастбищ, мойки оборудования и помещений, санитарных нужд (например, смыв в туалетах), а также для подпитки искусственных водоёмов и в производстве биогаза. После такой стандартной фермерской фильтрации вода остаётся непригодной для питья: в ней могут сохраняться остатки патогенов (бактерий, вирусов, паразитов),

а также следы антибиотиков, гормонов, нитратов и фосфатов. Даже при качественной предварительной очистке их концентрации нередко превышают санитарные нормы. Для приведения такой воды в соответствие с требованиями питьевой пригодности необходимы дополнительные этапы глубокой очистки — такие как мембранные технологии (нанофильтрация или обратный осмос) и обеззараживание ультрафиолетом или озоном. Только многоступенчатая обработка способна бывает обеспечить безопасность воды для потребления человеком.

В условиях роста промышленного производства и ухудшения качества природных водных ресурсов возрастает потребность в эффективных фильтрующих материалах, способных справляться с широким спектром загрязнений. Стандартные фильтрующие элементы не всегда справляются с подобным комплексом загрязнений. Кроме того, частой проблемой процесса фильтрации является быстрое засорение самих фильтров, что приводит к снижению их пропускной способности и увеличению давления в системе. Это, в свою очередь, требует частой замены фильтрующих элементов или применения систем промывки, что повышает эксплуатационные затраты.

Среди предложенных решений особое внимание уделяется многослойным фильтровальным тканям, обладающим высокими физико-механическими и адсорбционными свойствами [5]. Многие фильтры недостаточно разнообразны по свойствам и неэффективны при удалении специфических загрязнителей, например, растворённых тяжёлых металлов или микроорганизмов, без дополнительной химической обработки. Поэтому к современным фильтрующим материалам предъявляются высокие требования. Самые важные из них: экологическая безопасность, которая включает возможность утилизации, долговечность (устойчивость к загрязнению и физическому износу) и экономическая эффективность. Для фильтров используются как натуральные так и химические волокна. Традиционные синтетические материалы фильтров трудны в утилизации, тогда как натуральные менее устойчивы к износу и агрессивным веществам.

Для решения нескольких задач очистки подходят многослойные фильтровальные ткани, которые представляют собой композицию из нескольких функциональных слоёв [6]. Верхний слой служит для задерживания крупных частиц, средний слой — это основной фильтрующий элемент, обладающий тонкой пористой структурой и может быть модифицирован под специфические задачи и, нижний слой,

который обеспечивает механическую прочность и поддерживает форму фильтра. Такое разделение функций позволяет повысить эффективность фильтрации, снизить скорость засорения и увеличить срок службы фильтра.

Современные технологии ткачества, нетканого производства и модификации поверхности позволяют изготавливать ткани из химических нитей, таких как полиэфирные, полипропиленовые, вискозные и различных их комбинаций. Часто в смесь для получения нити, добавляются такие адсорбенты как активированный уголь, цеолиты и другие сорбционные материалы [7].

Фильтры на тканевой основе широко используются для механической очистки воды в быту, промышленности и природоохранных системах. Их конструкция включает фильтрующую ткань, опорную сетку или каркас, предотвращающий деформацию, герметичный корпус, который может быть выполнен в форме картриджа, сменной кассеты, диска или ленты. В производстве фильтров на волокнистой основе учитываются гидрофильные или гидрофобные свойства волокон, что позволяет адаптировать их к конкретным условиям эксплуатации. Несмотря на высокую эффективность, многослойные фильтры могут сталкиваться с рядом проблем, таких как не соответствие между слоями, что приводит к образованию пустот и снижению качества фильтрации. Разработка и внедрение многослойных фильтровальных тканей открывает перспективные возможности за счёт сочетания функциональных слоёв и использования инновационных материалов. Ведутся активные исследования по оптимизации состава, структуры и технологии их производства для повышения экологической и эксплуатационной эффективности. Для достижения требуемых фильтрационных и эксплуатационных характеристик в производстве тканевых фильтров применяются **модифицированные натуральные, искусственные и синтетические волокна**. Выбор типа волокна зависит от условий эксплуатации, требуемого уровня фильтрации, стойкости к химическим и биологическим агентам, а также устойчивости к износу. **Искусственные волокна:** вискозные, медно-аммиачные, ацетатные, триацетатные, белковые. **Синтетические волокна:** полиамидные, арамидные, полиэфирные, акриловые, виниловые, полипропиленовые, полиэтиленовые и др. **Специальные волокна** для высокопрочных фильтров это стекловолокно, углеродное волокно и их композиты. В таблице 1 приведены основные типы многослойных фильтровальных тканей для фильтрации воды.

Таблица 1.

Основные типы многослойных фильтровальных тканей для фильтрации воды

Тип ткани	Материалы	Функции слоя	Преимущества	Ограничения
Синтетические нетканые	Полиэстер, полипропилен	Механическая фильтрация	Прочность, химическая устойчивость	Не всегда биологически разлагаемы
Комбинированные с адсорбентами	Активированный уголь, цеолиты	Удаление органики, запаха	Улучшение качества воды	Сложность регенерации
Натуральные волокна	Хлопок, вискоза	Экологическая	Биологическая разлагаемость	Меньшая долговечность
Мембранные ультрафильтровальные	Полиамид, полиэфир	Удаление микроорганизмов	Высокая селективность	Требуют давления
Нанокompозитные	Наночастицы Ag, TiO ₂	Антимикробная защита	Предотвращение биологического загрязнения	Более высокая стоимость

Фильтрующие волокна могут быть обработаны **антибактериальными и противовирусными агентами**, включая: производные серебра, цинкорганические соединения, фосфаты циркония, соединения натрия, органические антисептики (например, триклозан, BCD), специализированные агенты для борьбы с вирусами (например, рибавирин против вируса гриппа). Также применяются

медные соединения для защиты от грибков и фитопатогенов, и **трибутиламины** против водорослей.

Важнейшим параметром структуры фильтров является размер пор. В тканевых фильтрах эти размеры определяются способом производства, типом волокон и дополнительной обработкой фильтровального материала. В таблице 2 приведены примерные значения размеров пор для различных типов фильтров и их назначение.

Таблице 2.

Примерные значения размеров пор для различных типов фильтров

Тип фильтра	Размер пор	Цель применения
Натуральные тканевые фильтры (хлопок, лён)	1–100 мкм	Удаление песка, листьев, крупных частиц
Микрофильтрация	0.1–10 мкм	Фильтрация бактерий и взвешенных частиц
Ультрафильтрация	0.01–0.1 мкм (10–100 нм)	Удаление коллоидов, бактерий, некоторых вирусов
Нанофильтрация	1–100 нм (0.001–0.1 мкм)	Удаление органических веществ, вирусов, растворённых солей

Для более тонкой фильтрации применяются комбинированные структуры, в которых тканевые фильтры совмещаются с наномембранами или ультрафильтрационными покрытиями. Размер пор может быть дополнительно уменьшен за счёт полимерных пропиток, электроформования или электроспиннинга.

Слоисто-каркасные ткани, представляют собой новое поколение многослойных тканых материалов. Технология выработки этих тканей позволяет создавать многослойность непосредственно на ткацкой машине. Количество слоев, возможность использования различных по свойствам и происхождению основных и уточных нитей, параметры заправки и т.д. дает возможность создания такой тканой структуры, каждый слой которой отвечает за специфическую функцию. Усиление дополнительными каркасными нитями ткань может придавать изделию из нее механическую прочность, устойчивость к гидродинамическим нагрузкам и равномерность распределения потока. Фильтровальные ткани такого типа особенно эффективны при фильтрации сильно загрязнённых вод.

Приведем пример получения девятислойной слоисто - каркасной ткани. В каждой функциональной группе примем три слоя. Во всех слоях переплетение - полотняное (как самое плотное). Для механической чистки, т.е. для первых трех слоев слоя ткани выбираем синтетические нити. Чтобы получить девятислойную слоисто-каркасную ткань с разными функциональными группами, подходящими для фильтрации воды, нужно правильно подобрать нити по материалу и структуре для каждой группы, при этом сохранив технологичность на ткацком станке.

1. Первая группа слоев — механическая очистка. Эти три слоя предназначены для удаления крупных механических загрязнений, таких как частицы песка, ржавчины, и других взвешенных твердых веществ. Они служат первичным барьером, предотвращающим попадание крупных фракций дальше в фильтр.

2. Вторая группа слоев, фильтрация бактерий и мелких взвешенных частиц. Слои этой группы обладают повышенной плотностью и структурой, способной задерживать микроскопические бакте-

рии и мелкие взвешенные частицы, обеспечивая более тонкую очистку по сравнению с первой группой.

3. Третья группа слоев, удаление коллоидов, бактерий и некоторых вирусов. Последние три слоя фильтра обладают специализированной пористой структурой и возможными антимикробными свойствами, что позволяет задерживать коллоиды, бактерии и даже часть вирусов, обеспечивая высокий уровень дезинфекции и очистки.

Для первой группы нужен прочный и устойчивый к износу материал с относительно крупной структурой. Для этой группы рекомендуемые нити: полиэстер (ПЭ) - прочный, устойчивый к истиранию, гидрофобный, легко ткать, полиамид (нейлон) обладает высокой прочностью и износостойкостью и полиэтилен (ПЕ) высокой плотности, который устойчив к химии и механическому воздействию.

Для второй группы нужен материал с меньшими по диаметру нитями и плотным переплетением. Этим требованиям отвечает полиамид (нейлон) с уменьшенным диаметром и высокой прочностью. Модифицированный полиэстер улучшенной гидрофильностью способствует задержке мелких частиц. Нити с ионным покрытием (например, с серебром) служат для антимикробного эффекта.

Для третьей группы требуются ультратонкие нити, иногда с антибактериальными свойствами и высокой пористостью. Рекомендуемые нити: полиэфирные ультратонкие волокна (микрофибра) — обеспечивают мелкопористую структуру, нанофибры, например, полиуретановые или поливиниловые - для максимальной задержки вирусов и коллоидов (если ткачество позволяет), антибактериальные нити с добавками серебра, меди или иными антимикробными агентами.

Выработка таких тканей на ткацком станке имеет специфические особенности:

- нити всех групп должны иметь совместимые диаметры и эластичность, чтобы обеспечить равномерное натяжение и избежать разрывов;
- можно использовать многокомпонентные или смесовые нити (например, полиэстер + антимикробные добавки);

- продуманное чередование нитей разных групп, в продольном (основа) и поперечном (уток) направлениях создаст необходимую структуру и функциональность.

- при необходимости, последние слои можно усилить нетканым материалом или специальной пропиткой после ткачества.

Размеры пор и их достижимость напрямую влияют на эффективность фильтрации и технологию производства. Рассмотрим примерные диапазоны размеров пор, которые можно получить для каждой функциональной группы в девятислойной тканевой структуре. Первая группа (50–200 мкм): полностью осуществима и проста для производства на ткацком станке с обычными нитями. Вторая группа (1–20 мкм): частично осуществима при использовании тонких нитей и высокой плотности переплетения; чаще комбинируется с дополнительной обработкой (пропитки, покрытия). Третья группа (0,01–1 мкм): практически невозможна для производства цельной тканевой структуры на ткацком станке; требует комбинирования с неткаными слоями, мембранами или нанесением ультратонких покрытий. Интеграция слоисто-каркасных структур с мембранными технологиями позволяет решать ряд технических проблем.

Список литературы:

1. World Bank. Environmental Challenges of Water Resources in Azerbaijan.
2. Ministry of Ecology and Natural Resources of the Republic of Azerbaijan. Reports on Water Quality.
3. Trend.az. Pilot Projects on Biofiltration for Water Purification in Azerbaijan.
4. PurePro.az. Modern Water Treatment Technologies.
5. Volkov, A., Petrov, S. Multilayer Filter Fabrics: Physical and Adsorption Properties. Journal of Textile Engineering, 2019, 45(3), 112-120.
6. Ivanov, M. Structure and Function of Filter Fabrics for Water Treatment. Materials Science and Technology, 2020, 32(7), 56-65.
7. Zhang, L., Wang, Y. Adsorbents in Textile Filters for Water Purification. Environmental Nanotechnology, 2021, 14, 100345.

№159/2025

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Norwegian Journal of Development of the International Science, established in 2016 with support from the Norwegian Academy of Science, offers a platform for global researchers, academics, and students. Publishing 24 times annually, it covers current science topics. Submitting your article provides exposure to a diverse audience, enhancing your career. Our commitment to research and SEO ensures timely visibility. Submit to the Norwegian Journal of Development of the International Science today and join esteemed authors.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
- Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
- Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
- Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
- Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
- Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
- Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
- Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
- Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
- Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
- Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
- Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
- Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
- Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
- Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
- Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
- Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
- Chan Jiang (Peking University, China) and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@nor-ijournal.com

site: <https://nor-ijournal.com>

© 2025 The Norwegian Journal of Development of the International Science

nor-ijournal.com

